ФИЛОСОФІЯ, КАКЪ НАУКА.

А. А. Козлова.

УЧЕНИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ

Продается въ Книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглоблина, бывшихъ С. И. Литова.

Въ Кіевѣ.
На Крещатикѣ, въ домѣ С. И. Литова.

Въ С.-Петербургѣ.
На Малой Садовой, домъ № 4-й.

КІЕВЪ.
Въ типографіи Императорскаго Университета Св. Владиміра.
1877.

Прив. 38"

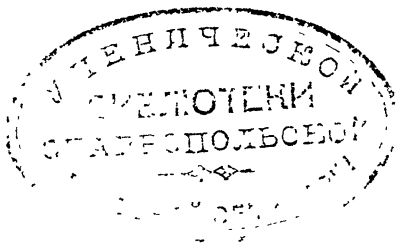
Пров. 1959

Пр.

БИБЛИОТЕКА
[redacted]
АКАДЕМИИ

1143
27

Е/29.



ФИЛОСОФІЯ, КАКЪ НАУКА.

Настоящая статья имѣетъ цѣлью возразить на нападенія, сдѣланныя съ разныхъ сторонъ на философію вообще и на мои философскія воззрѣнія въ частности, по поводу моей книжки, изданной въ 1876 г: „Философскіе этюды часть I-я".

I.

Прежде всего отвѣчаю много-уважаемому моему оппоненту, П. И. Аландскому.

Въ двухъ номерахъ (январь и февраль 1877 г.) Кіевскихъ Университетскихъ извѣстій подъ заглавіемъ: „Философія и наука", онъ напечаталъ подробное развитіе тѣхъ замѣчаній, которыя были высказаны имъ на диспутѣ, происходившемъ по поводу защиты мной диссертаціи: pro venia legendi, въ Университетѣ св. Владиміра въ Октябрѣ 1876 г. Сущность замѣчаній, высказанныхъ тогда моимъ оппонентомъ, заключалась въ томъ, что не только мое опредѣленіе философіи и взглядъ на ея значеніе ошибочны, но что и вообще философія не наука, да и не можетъ быть наукою. Такъ какъ эти замѣчанія выходили изъ предѣловъ диспута (мои тезисы стояли на предположеніи философіи, какъ науки, фактически существующей, хотя и допускали возможность различныхъ воззрѣній на ея предметъ и значеніе), то П. И. Аландскій предложилъ перенести споръ на почву печати, на что и я охотно согласился.

Прямо, самоувѣренно и съ большимъ тактико-стратегическимъ искусствомъ мой оппонентъ отвергаетъ въ своей статьѣ не только мои взгляды на философію, но и право ея на существованіе.

Признаюсь, я чувствую себя въ затруднительномъ положеніи по разнымъ причинамъ, а именно: во первыхъ мнѣ придется высказаться болѣе или менѣе категорически относительно такихъ вопросовъ, отвѣты на которые далеко еще не установлены въ философіи. Во вторыхъ мой оппонентъ, благодаря искуснымъ тактико-стратегическимъ пріемамъ, занялъ, по видимому, крѣпкія позиціи и обошелъ непріятельскія силы съ фланга и съ тыла. Позволяя себѣ далѣе сравненіе нашего спора съ военнымъ дѣломъ, я могу сказать, что стрѣляя съ этихъ позицій одними, такъ сказать, холостыми выстрѣлами, онъ тѣмъ не менѣе производитъ нѣкоторое смущеніе въ враждебномъ лагерѣ. Мнѣ предстоитъ значительная потрата силъ и времени на одно только приближеніе къ этимъ позиціямъ, иначе говоря, я долженъ буду войти въ различныя утомительныя околичности, прежде чѣмъ мнѣ удастся подойти къ самой сущности нашего спора. Въ третьихъ мой противникъ такъ искусно, по видимости, связалъ мое дѣло съ дѣломъ философіи, что если мнѣ не удастся отпарировать его нападеній, то какъ будто eo ipso обнаруживается полная несостоятельность самой науки. Любя эту послѣднюю, я крайне сожалѣю, что на моемъ мѣстѣ не находится другой представитель ея, болѣе сильный и болѣе способный отстоять ея право на существованіе въ сознаніи моихъ соотечественниковъ. По этому я заранѣе протестую противъ всякаго, кто вывелъ бы неблагопріятныя заключенія для философіи, если бы мои доводы въ защиту ея показались ему неубѣдительными, а аргументы П. И. Аландскаго имѣющими полную силу. Таковыя заключенія оказались бы не соотвѣтствующими требованіямъ логики, ибо во всякомъ случаѣ нападеніе моего противника, относящееся къ философіи, построено, какъ я укажу ниже, на томъ діалектическомъ пріемѣ, который называется argumentatio ad hominem или ex concessis и который имѣетъ только весьма ограниченное значеніе и pro, и contra.

Но, можетъ быть, давно уже иной читатель готовъ обратить ко мнѣ ироническое замѣчаніе, что мои сѣтованія на затруднительность положенія указываютъ на несостоятельность защищаемаго мною дѣла и что крѣпкія позиціи, занятыя моимъ противникомъ, суть результатъ основательности его воззрѣній.

Такое замѣчаніе, не смотря на всю его кажущуюся вѣрность, все таки ошибочно, ибо главная сила моего оппонента состоитъ въ условіи, которое ни отъ меня, ни отъ него не зависитъ, а между тѣмъ для не-

го оно благопріятно, для меня наоборотъ. Условіе это есть та почва или та арена, на которой мы должны побороться: подъ его ногами она представляетъ всюду твердыя точки опоры, подъ моими она всюду колеблется. Почва эта есть ничто иное какъ психея, или сознаніе большинства нашихъ читающихъ соотечественниковъ. Для противника философіи на этой почвѣ всякое мѣсто превращается въ крѣпость, всякій холостой зарядъ дѣйствуетъ какъ бомба большаго калибра. Для защитника философіи это самая шаткая почва въ цѣлой цивилизованной Европѣ. Конечно, мой оппонентъ не только воспользовался преимуществами почвы, но и усилилъ ихъ стратегическими пріемами, приноровленными опять таки къ почвѣ. Къ раскрытію этихъ пріемовъ я и приступлю и сгруппирую ихъ подъ слѣдующими рубриками:

1) *Onus probandi.* Подъ этимъ именемъ разумѣется выполненіе нѣкоторыхъ обязанностей, налагаемыхъ правилами естественной и *раціональной діалектики.* Не зря и не произвольно должны дѣйствовать состязующіяся стороны въ борьбѣ мнѣній, если эта борьба должна имѣть въ результатѣ выработку *истины.* Одно изъ важныхъ условій для достиженія этой цѣли состоитъ въ естественномъ распредѣленіи между противниками обязанности представить доказательства. Вотъ это-то условіе и обойдено моимъ уважаемымъ антагонистомъ. Искусно отлавировалъ онъ отъ естественной обязанности „доказывать трудныя положенія и весьма остроумно взвалилъ на мои плечи обязанность доказывать не мои положенія, а такія, которыя онъ самъ же мнѣ подсунулъ. Перехожу къ примѣрамъ.

Въ предисловіи къ моей книгѣ: „Философскіе этюды“, я объяснилъ предположенный мною планъ цѣлаго труда, котораго эта книга составляетъ только первую часть. По этому плану должны быть послѣдовательно разработаны четыре темы: 1) о предметѣ философіи, 2) о ея методѣ, 3) о ея практическомъ значеніи и 4) о ея мѣстѣ въ ряду другихъ наукъ и отношеніи къ нимъ. Въ первой книгѣ и былъ разработанъ только вопросъ о предметѣ Философіи и положено начало второму. Изъ этого ясно вытекаетъ, что книга моя подавала прямой и непосредственный поводъ къ спору относительно предмета философіи. Можетъ быть, я дѣйствительно ошибаюсь въ этомъ случаѣ; и предметъ этой науки вовсе не есть міръ, какъ я утверждаю, а что либо другое: въ этомъ направленіи возраженія были бы вполнѣ естественны. Конечно, при этомъ и я, и мой противникъ стояли бы на той почвѣ, что философія наука, ибо на этомъ предположеніи, подкрѣпляемомъ все-

общимъ сознаніемъ и древняго, и новаго міра, стоитъ все мое разсужденіе на первую тему. Но возраженіе, что философія не наука, является вопросомъ постороннимъ, такъ сказать, дѣломъ десятаго рода по отношенію къ данному случаю.

Конечно положеніе, что *философія не есть наука*, имѣетъ право появиться *во всякое время* и *безъ всякаго внѣшняго повода*, но тогда оно должно быть совершенно иначе обставлено, чѣмъ у П. И. Аландскаго. Мнѣ кажется, что ему предстояла аргументація своего положенія ad rem, а не ad hominem, т. е. онъ долженъ былъ имѣть въ виду всѣ существующія de facto воззрѣнія на задачу и предметъ философіи, а не одинъ только частный случай, т. е., мои воззрѣнія. Мнѣ кажется, что ходъ его мысли долженъ бы былъ выразиться въ такомъ силлогизмѣ: „всякая наука имѣетъ такіе-то и такіе-то признаки, философія во всѣхъ извѣстныхъ исторически ея формахъ этихъ признаковъ не имѣетъ, ergo она не наука". Такой силлогизмъ, обстоятельно развитой и основательно доказанный, могъ бы, пожалуй, оказать великую услугу человѣчеству: онъ подорвалъ бы окончательно довѣріе къ „безплодному мудрованію" (такъ квалифицируетъ мой оппонентъ философію на стр. 158). Во всякомъ случаѣ только это возраженіе прямо било бы въ намѣченную имъ цѣль. Но такія возраженія, которыя строятся на аргументаціи ad rem, а не ad hominem вовсе не легки; и особенно не легко оно было бы въ нашемъ случаѣ, гдѣ одна установка первой посылки, или отвѣтъ на вопросъ, что такое наука, и въ наше время встрѣтитъ такія же затрудненія, какія встрѣчены были нѣкогда Сократомъ и Теэтетомъ въ знаменитомъ діалогѣ Платона.

Но мой многоуважаемый оппонентъ предпочелъ *болѣе легкую аргументацію* ad hominem, именно въ такой формѣ: „г. Козловъ описываетъ задачу философіи такъ-то и такъ-то, г. Козловъ въ обозначеніи этой задачи ошибается, ибо то, что онъ считаетъ задачею философіи, можетъ быть выполнено другими науками, ergo, философія не наука". Въ немногихъ словахъ я надѣюсь указать на ошибочность и непроизводительность этой аргументаціи, предполагая, что составляющія её положенія вполнѣ основательны по матеріальному своему содержанію. Непроизводительность этой аргументаціи тотчасъ становится очевидною при предположеніи, что выступитъ нѣкій г. Лебедевъ и обратится къ П. И. Аландскому съ такой рѣчью: „oleum et operam perdidisti amicissime! ты боролся съ вѣтряной мельницей, возражая г. Козлову; вѣдь,

онъ совершенно произвольно и неосновательно опредѣлилъ философію наукою о мірѣ: философія не наука о мірѣ, а о томъ то и о томъ то". Тутъ г. Лебедевъ началъ бы выкладывать свое воззрѣніе на предметъ философіи. Мнѣ кажется, что моему уважаемому оппоненту ничего иного не оставалось бы, какъ, сознавъ внутренно справедливость замѣчанія г. Лебедева (ибо и самъ онъ ужъ призналъ, что мои воззрѣнія на философію неосновательны), вступить въ препирательство съ симъ послѣднимъ, имѣя въ перспективѣ, по опроверженіи г. Лебедева, еще нѣсколько разъ продѣлать тоже съ г.г. Уткинымъ, Пѣтуховымъ и т. д.

Иное было бы дѣло, если бы мой оппонентъ перебралъ воззрѣнія на философію тѣхъ ея представителей въ Европѣ, которые ее строили, положимъ, хоть отъ Канта до настоящаго времени и указалъ на несостоятельность воззрѣній на философію ея строителей: тогда бы онъ, такъ сказать, однимъ мановеніемъ пера зажалъ ротъ такимъ рядовымъ представителямъ философіи, каковы гг. Козловъ, Лебедевъ, Пѣтуховъ и tutti quanti.

Конечно, и на основаніи statu quo было бы возможно П. И. Аландскому отдѣлаться отъ Лебедева, Пѣтухова и пр., а именно, если бы онъ предпослалъ своему возраженію на мои воззрѣнія такое условное положеніе: „если философію можно назвать наукой, то задачею ея, согласно г. Козлову, можетъ быть только выработка понятія о мірѣ". При такомъ условномъ сужденіи П. И. Аландскій могъ бы, сообразно съ правилами естественной діалектики, ограничиться опроверженіемъ моихъ воззрѣній. Тогда въ случаѣ появленія г.г. Лебедева, Пѣтухова и пр. онъ также естественно могъ бы взвалить на мои плечи обязанность препираться съ ними о томъ, есть ли міръ предметъ философіи или что другое. Но, къ крайнему моему огорченію, въ статьѣ „Философія и наука", нѣтъ и намека на такое лестное для меня условное положеніе. Наконецъ и безъ этого положенія была возможность для П. И. Аландскаго ограничиться аргументаціей ad hominem, если бы онъ указалъ на тѣхъ лицъ, „мнѣніе которыхъ онъ раздѣляетъ и которые утверждаютъ, что философія не наука, потому что у нея нѣтъ опредѣленнаго предмета, строго отграниченнаго отъ предмета другихъ наукъ, нѣтъ и своего метода" (Ф. и Н. стр. 135—136). Можетъ быть среди этихъ лицъ есть *высокоавторитетные люди*, которые обстоятельно и неопровержимо *доказали*, что философія не наука и что вообще такая наука невозможна и доказали на основаніи всесторонныхъ изслѣ-

дованій и à priori, т. е., исходя изъ понятія науки, и à posteriori, т. е., исходя изъ исторіи самой философіи. Тогда опять таки можно было не входить въ особыя препирательства со мной и съ другими. Съ своей стороны и я бы сказалъ большое спасибо автору за такое указаніе, ибо я знаю, что многіе высоко стоящіе люди въ европейской наукѣ оспаривали нѣкоторыя философскія направленія; но такихъ авторитетовъ, которые отрицали бы *философію вообще*, въ какомъ бы то ни было направленіи, я, по крайней мѣрѣ, знаю такъ мало, что не всегда припомнишь хотя бы одно имя. Правда, научныхъ второстепенностей, которыя скакали и скачутъ яко бы на могилѣ философіи не мало въ Европѣ: но ихъ вопли оказываются для философіи безвредными. Конечно, рѣзче всего противъ философіи высказываются ученые разныхъ фаховъ, не исключая и психологическаго, у насъ въ отечествѣ: но, къ счастію, авторитетъ этихъ ученыхъ не выступаетъ за границы собственнаго муравейника.

Но, можетъ быть, мой многоуважаемый оппонентъ скажетъ, что онъ потому велъ аргументацію ad hominem, что мной выставлены были положенія о научности философіи. На это я отвѣчу, что я рѣшительно не доказывалъ положенія, что философія есть наука, а принималъ это положеніе какъ установленное вѣками. Правда, я въ предисловіи заявилъ, что въ одной изъ моихъ темъ я укажу, что философія имѣетъ всѣ признаки науки: но это должно быть еще въ будущемъ.

Надѣюсь, что во всемъ вышеизложенномъ я указалъ, что П. И. Аландскій уклонился отъ обязанности доказать то положеніе, которое требовалось правилами естественной діалектики. Теперь же я укажу на образчики тѣхъ стратегическихъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ онъ накидываетъ на меня тѣнь въ совершеніи разныхъ умственныхъ грѣховъ и взваливаетъ на мои плечи обязанность доказывать такія положенія, которыя вовсе не слѣдуютъ изъ содержанія моей книги.

Образчикъ первый. На стр. 136 статьи П. И. Аландскаго мы читаемъ:

(№ 1)*) „По мнѣнію А. А. Козлова, философія имѣетъ дѣло съ двумя предметами; одинъ составляетъ собственно цѣль ея стремленій,

---

*) Большія выписки изъ моей книги и изъ статьи Г. Аландскаго я считаю цѣлесообразнымъ означать номерами: 1, 2, 3 и т. д. Въ дальнѣйшемъ изложеніи эти номера пригодятся для обозначенія ссылокъ на цитаты.

другимъ она овладѣваетъ мимоходомъ по дорогѣ къ первому. Конечная цѣль стремленій философіи есть построеніе теоріи о мірѣ, какъ цѣломъ; по дорогѣ къ этой цѣли она выполняетъ другую задачу, именно даетъ *теорію познанія вообще* или ученіе объ основныхъ условіяхъ познавательной дѣятельности; только одна философія можетъ выполнить эту вторую задачу во всей полнотѣ (39). Къ сожалѣнію въ первой части Этюдовъ нѣтъ подробнаго изложенія и доказательства этого мнѣнія и потому оспаривать его не легко. Мнѣ думается, что теорія познавательнаго процесса есть дѣло не философіи, а психологіи, той науки, которая занимается изслѣдованіемъ всѣхъ вообще дѣятельностей сознанія".

Для всякаго только бѣгло читавшаго мою книгу и въ голову не взойдетъ, что здѣсь мой критикъ совершенно произвольно накидываетъ на меня тѣнь смѣшенія предметовъ философіи и психологіи для того, чтобы потомъ пуститься въ неидущее къ дѣлу разсужденіе, которымъ на меня накидывается другая тѣнь, что будто я принимаю какъ бы высшій и низшій сорта процесса познанія (объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ подробнѣе будетъ ниже).

Но однако эта тѣнь накидывается на меня, по видимому, основательно, если предполагать, что мнѣнія мои передаются *точно* въ сей часъ выписанной цитатѣ; а что слѣдуетъ это предполагать, то подкрѣпляется яко бы ссылкой на мою книгу. Въ скобочкахъ стоитъ: 39. Но, къ моему удовольствію, это одна только видимость. Дѣло въ томъ, что подлинныя слова мои на страницѣ 39-й „Философскихъ этюдовъ" таковы:

(№ 2). „Я не могу согласиться съ опредѣленіемъ задачи философіи по Фихте и по этому образчику и нахожу его (опредѣленіе) вѣрнымъ только въ одномъ отношеніи, слѣдовательно, узкимъ. Я думаю, что не въ выполненіи этой задачи настоящая, конечная цѣль философіи, но что она выполняетъ ее по дорогѣ и при томъ признаю, что только она одна можетъ выполнить ее во всей полнотѣ. Къ сожалѣнію, подробное и полное доказательство своего мнѣнія я долженъ отложить до изслѣдованія вопроса о методѣ философіи и отношенія ея къ частнымъ наукамъ. Здѣсь придется ограничиться краткимъ анализомъ понятія: *наукословіе*, этого анализа, надѣюсь будетъ достаточно для уясненія дѣла".

И такъ, въ *подлинныхъ* моихъ словахъ нѣтъ этихъ странно въ

данномъ случаѣ звучащихъ выраженій: „*теорію познанія вообще* или ученіе объ основныхъ условіяхъ познавательной дѣятельности“. Значитъ, они выдуманы? Нисколько! они взяты изъ моей же книги. На той-же 39-й страницѣ находятся эти слова, но въ такой однако связи съ другими словами и предложеніями, что рѣшительно ни было никакого законнаго повода переставлять ихъ въ совсѣмъ иную связь. До такой степени *нельзя* было допустить эту перестановку, что большая тирада, (стр. 38, 39 Фил. Эт.), въ которой находятся переставленныя слова, состоитъ не изъ моихъ, а цитированныхъ мною *чужихъ словъ*. Какъ таковыя, они заключены въ скобкахъ; а кромѣ того на стр. 38 есть особое о томъ примѣчаніе. И такъ, уже одно это обстоятельство не допускало, чтобы эти слова могли быть вдвинуты въ мои собственныя слова. Но невозможно было это и по самой сущности дѣла, что я и объясню читателю, къ сожалѣнію, съ рискомъ утомить его вниманіе. При этомъ я все таки прошу читателя, если у него есть подъ рукой моя книга, провѣрить ниже слѣдующее.

На стр. 37-й „Филос. Этюд.“ я приступаю къ тому воззрѣнію на философію, по которому она есть *наукословіе или наука о наукахъ* (наука наукъ). Одинъ изъ крупныхъ представителей этого воззрѣнія есть Фихте (старшій). На стр. 37 и 38 я излагаю тотъ смыслъ, въ какомъ Фихте понимаетъ наукословіе. Но не одинъ Фихте смотритъ на философію, какъ на наукословіе: есть и другіе, которые опредѣляютъ ее также, т. е. наукою о наукѣ, наукословіемъ, хотя понимаютъ этотъ терминъ въ смыслѣ, различномъ отъ Фихте. Какъ образчикъ этого второго рода пониманія философіи въ смыслѣ *наукословія*, я излагаю на стр. 38 и 39 воззрѣнія нѣкоторыхъ современныхъ философовъ, не находя нужнымъ называть ихъ по имени (что, конечно, и не имѣетъ никакой важности).

Вставленныя слова (въ № 1) и входятъ въ этотъ образчикъ и имѣютъ смыслъ только въ цѣлой его связи. Далѣе черезъ двѣ вводныя строки слѣдуетъ вышеприведенная моя цитата (№ 2): „я не могу согласиться и т. д.“

Спрашивается, къ чему относятся мои слова: „я нахожу опредѣленіе философіи по Фихте и по образчику вѣрнымъ только въ одномъ отношеніи, слѣдовательно узкимъ“? Ни къ чему другому, какъ къ общей формулѣ опредѣленія философіи по Фихте и по образчику, т. е., что философія есть наукословіе или наука о наукѣ (наука наукъ). Это

опредѣленіе я нахожу вѣрнымъ только въ одномъ отношеніи, слѣдовательно, узкимъ".

Далѣе спрашивается, какой смыслъ имѣютъ мои слѣдующія слова: „я думаю, что не въ выполненіи этой задачи и пр."? Никакого иного, кромѣ того, что второстепенная „задача философіи, какъ наукословія, выполняется ею по дорогѣ къ конечной ея цѣли".

Но слѣдуетъ ли изъ этого, что второстепенную задачу философіи, какъ наукословія, я понимаю въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ этотъ терминъ Фихте и то воззрѣніе, которое изложено въ образчикѣ? Нисколько не слѣдуетъ, если бы даже моя книга оборвалась на вышеозначенной цитатѣ. Но рѣшительно не слѣдуетъ, если я на стр. 39—49 „Фил. этюд." указываю, почему именно *наукословіе въ смыслѣ* Фихте и *образчика* не можетъ составлять предмета философіи.

Въ какомъ же смыслѣ, по моему, нужно принимать терминъ: наукословіе, для того, чтобы оно составляло второстепенную цѣль философіи. Конечно, *въ моемъ*, въ томъ смыслѣ, который подробно и обстоятельно будетъ изложенъ въ будущемъ этюдѣ объ отношеніи философіи къ другимъ наукамъ, но о которомъ краткій намекъ сдѣланъ и здѣсь на стр. 47—49.

Итакъ, не только нельзя слово: „опредѣленіе", въ цитатѣ (№ 2-й) изъ моей книги относить къ какой либо отдѣльной фразѣ, вырванной изъ изложенія понятія: наукословіе, по Фихте или по образчику, но и къ цѣлымъ изложеніямъ. Не правъ, слѣдовательно, былъ мой уважаемый оппонентъ, когда фразу изъ образчика: *„теорію познанія вообще* и пр." (№ 1) втиснулъ въ мои слова, накидывая тѣмъ на меня тѣнь, что второстепенная, по моему, задача философіи указываетъ на смѣшеніе мною предметовъ философіи, какъ наукословія, и психологіи. Но этого мало! П. И. Аландскій былъ не правъ въ квадратѣ, въ кубѣ: ибо *опроверженіе мое* того смысла, въ какомъ понимаетъ терминъ наукословіе *образчикъ*, именно заключалось въ томъ, что этотъ смыслъ *смѣшиваетъ* философію съ *логикой* и *психологіей*. Снова прошу безпристрастнаго читателя свѣрить мои слѣдующія показанія съ моей книгой. На стр. 48-й „Филос. этюд." ipsissimis verbis я говорю:

(№ 3) „Далѣе философія вовсе не занимается изслѣдованіемъ „общихъ законовъ логики" или „законовъ процесса познанія вообще": эти изслѣдованія по праву составляютъ предметъ логики и психологіи, которыя могутъ быть разработываемы отдѣльно отъ нея, подобно математикѣ,

тоже близко соприкасающейся съ философіею. Общіе законы логики, а также психологіи имѣютъ особое спеціальное приложеніе къ философіи, и въ этомъ спеціальномъ приложеніи образуютъ особый весьма важный отдѣлъ философіи, извѣстный подъ разными именами: онтологіи, діалектики, объективной логики, теоріи философскаго познанія".

И такъ, во первыхъ не только „*теорію познанія вообще*" я не признаю за цѣль философіи, хотя бы и второстепенную, но напротивъ утверждаю положительно, „что философія не занимается изслѣдованіемъ *законовъ процесса познанія вообще* и что изслѣдованія эти составляютъ по праву предметъ психологіи".

Во вторыхъ моему оппоненту еще только „*думается*, что теорія познавательнаго процесса есть дѣло не философіи, а психологіи"... (№ 1); а я *утверждаю* это безъ малѣйшаго раздумья.

Въ третьихъ, спрашивается, какъ назвать стратегическій маневръ моего оппонента, сей часъ мною очерченный, надѣюсь, съ достаточною ясностью? Ни какъ не могу сообразить сей часъ, какъ онъ называется въ теоріи софизма, а потому назову просто: *легонькая перестановочка*.

Но не подумаетъ мой уважаемый оппонентъ, что я смотрю на эту перестановочку съ какой либо одіозной точки зрѣнія: я просто объясняю её тѣмъ, что онъ не снизошелъ до внимательнаго прочтенія плода моего „безплоднаго мудрованія". Да оно и понятно: стоитъ ли людямъ *реальнаго знанія*, *точной науки* терять дорогое время на вниканіе въ смыслъ разной философской размазни. Тѣмъ болѣе этого не слѣдуетъ дѣлать, что почва благопріятная. Кто станетъ справляться, что и какъ сказано тамъ, въ какихъ то „Философскихъ этюдахъ". Это еще милостиво, если взвалятъ на философа съ помощью легонькой перестановочки смѣшеніе философіи съ психологіей. Бываетъ и хуже.

Но что П. И. Аландскій не подарилъ мою книгу достаточнымъ вниманіемъ, это кромѣ сейчасъ указаннаго видно изъ многихъ другихъ случаевъ. Нѣкоторые изъ нихъ встрѣтятся намъ ниже, а теперь остановимся на одномъ изъ интереснѣйшихъ.

Образчикъ второй. На стр. 148 „Фил. и наука" сказано слѣдующее. (№ 4). „Главный предметъ философіи, конечная цѣль ея стремленій обозначается авторомъ Философскихъ этюдовъ во многихъ мѣстахъ его сочиненія, а всего подробнѣе въ слѣдующемъ: „подлинной задачею философіи всегда было и будетъ построить понятіе міра изъ данныхъ матеріаловъ, т. е., объективныхъ явленій, вещей при помощи тоже

данныхъ субъективныхъ формъ (30). Эти послѣднія будутъ играть, должно быть, роль цемента въ сооруженіяхъ, предначертанныхъ философіей. Можно было бы думать, что, и наука въ ея многочисленныхъ развѣтвленіяхъ, въ числѣ которыхъ нѣтъ философіи, тоже изучаетъ міръ, хотя и по частямъ, стало быть, тоже стремится къ построенію понятія о мірѣ, которое станетъ цѣльнымъ, какъ скоро опредѣлено будетъ взаимное отношеніе между отдѣльными группами явленій и частныя науки будутъ приведены въ связь другъ съ другомъ. Это недоразумѣніе разрѣшается въ виду того, какъ мой многоуважаемый противникъ опредѣляетъ понятіе міра. Вотъ это опредѣленіе въ наиболѣе подробной и точной формѣ: „Не это фантастическое представленіе (о мірѣ, какъ готовомъ цѣломъ въ себѣ) составляло и можетъ составлять предметъ философіи: оно только, въ силу разныхъ историческихъ обстоятельствъ, было подставлено подъ истинное понятіе міра, какъ цѣлаго, состоящаго изъ *вещей*, *явленій* и *событій*, не синтезированныхъ гдѣ то, помимо нашего сознанія, но ждущихъ своего синтеза въ немъ, т. е., въ той же области, гдѣ эти вещи, явленія, событія *суть* какъ такія и гдѣ въ понятіи бытія готова *всеобъемлющая форма*, могущая вмѣстить ихъ въ какомъ бы то ни было дѣйствительно данномъ количествѣ (28). „За неимѣніемъ другаго болѣе понятнаго опредѣленія приходится остановиться на этомъ и разглядѣть его смыслъ, въ значительной степени поглощенный фигуральностью выраженій“. (Ф. и Н. стр. 148—149).

Въ этой цитатѣ опять накидывается на меня тѣнь въ неопредѣленномъ представленіи о мірѣ, въ не точномъ его опредѣленіи и опять таки совершенно незаконно. Вотъ ужъ подлинно холостой выстрѣлъ! Мой оппонентъ посвятилъ столь мало вниманія моему труду, что не сообразилъ того, что я былъ не обязанъ дать опредѣленіе понятія о мірѣ и не только въ цитированномъ мѣстѣ, но въ цѣлой первой части ни разу не дѣлалъ къ тому попытокъ. Вѣдь, предметомъ моего изслѣдованія было *понятіе философіи*, а вовсе *не понятіе міра*. Я долженъ былъ найти опредѣленіе философіи. По правиламъ логики точная формула опредѣленія должна заключать въ себѣ: *genus proximum et differentiam specificam*. Не мудрое дѣло было найти первый элементъ, стоило только опереться на вѣковомъ сознаніи, что я и сдѣлалъ; и въ результатѣ вышло: *философія есть наука*. Гораздо труднѣе было отыскать второй элементъ. Путемъ индуктивнаго изслѣдованія я нашелъ

(вѣрно или нѣтъ, это дѣло рода десятаго для даннаго случая), что *философія есть наука о мірѣ*. При этомъ изслѣдованіи я считалъ себя обязаннымъ подвергнуть критикѣ другія опредѣленія, что я и сдѣлалъ (основательно или нѣтъ—это опять другой вопросъ). Далѣе такъ какъ терминъ: міръ, можетъ употребляться въ разныхъ значеніяхъ, то я счелъ себя обязаннымъ выдѣлить то значеніе, въ какомъ, по моему, терминъ: міръ, долженъ составить предметъ философіи. Для этой цѣли я, напр., остановился на различіи термина: міръ, съ близкими къ нему терминами: природа и вселенная (Фил. эт. стр. 9 и слѣд.). Для этой же цѣли я, по поводу опредѣленія философіи, даннаго Кантомъ, долженъ былъ указать на одно ложное значеніе термина: міръ, значеніе, въ которомъ скрывалось невыполнимое для познанія требованіе и въ которомъ, конечно, міръ не можетъ быть предметомъ философіи.

Но для полнаго разъясненія дѣла я необходимо долженъ опять злоупотребить вниманіемъ читателя и выписать цѣлое мѣсто изъ моей книги тѣмъ болѣе, что это мѣсто еще пригодится намъ въ послѣдствіи.

(№ 5) „Міръ, конечно не можетъ быть предметомъ философіи и познанія, если мыслить его въ смыслѣ схоластической метафизики и въ смыслѣ трансцендентальныхъ идей Канта, т. е., какъ *готовое цѣлое въ себѣ* (an sich), какъ гдѣ-то и какъ-то *законченный синтезъ* безконечнаго ряда міровыхъ состояній, однимъ словомъ, какъ абсолютно-замкнутое существо. Не это фантастическое представленіе составляло и можетъ составлять предметъ философіи: оно только, въ силу разныхъ историческихъ обстоятельствъ, было подставлено подъ истинное понятіе міра, какъ *цѣлаго* состоящаго изъ *вещей, явленій, событій*, не синтетизированныхъ гдѣ то, но мимо нашего сознанія, но ждущихъ своего синтеза въ немъ, т. е., въ той же области, гдѣ эти вещи, явленія, событія *суть* какъ такія и гдѣ въ понятіи бытія готова *всеобъемлющая форма*, могущая вмѣстить ихъ, въ какомъ бы то ни было *дѣйствительно данномъ* количествѣ. Но эта форма, стоящая на той же основѣ, на которой стоятъ и вещи, явленія, а потому только и могущая вмѣстить ихъ, вовсе не гарантируютъ намъ *дѣйствительнаго синтеза вещей*, а указываетъ только на *возможность* его“ (Ф. эт. стр. 28).

Для всякаго, кто будетъ читать не механически, а сколько нибудь вникая въ смыслъ приведеннаго мѣста, очевидно, что въ предложеніяхъ, начинающихся со словъ: „не это фантастическое представленіе и т. д.“, не только *не заключается опредѣленія* „въ наиболѣе подроб-

ной и точной формѣ", какъ то кажется П. И. Аландскому, но что эти предложенія имѣютъ смыслъ только въ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ. Очевидно также, что для всякаго, кто серьезно отыскивалъ бы въ моей книгѣ мое опредѣленіе понятія міра, самымъ естественнымъ былъ бы такой вопросъ: „ну, какъ же должно мыслить міръ, или что же такое міръ, но Г. Козлову, послѣ того какъ совершенъ будетъ синтезъ вещей, явленій, событій въ сознаніи, при помощи *всеобъемлющей формы*, готовой въ понятіи бытія и проч". Вотъ, если бы я сталъ отвѣчать на *этотъ вопросъ*, то долженъ бы былъ дать дѣйствительное опредѣленіе понятія: міръ, въ точной логической формѣ, а такъ какъ во всякомъ логическомъ опредѣленіи скрывается требованіе развить и доказать его, то такимъ опредѣленіемъ я положилъ бы начало изложенію моей собственной философіи, или той системы, которую я признаю за истинную. Если бы мой оппонентъ былъ нѣсколько внимательнѣе къ моей книгѣ, то на стр. 73-й „Фил. эт." онъ увидалъ былъ слѣдующія мои слова: „На этотъ вопросъ (т. е. на вопросъ о томъ какая философія истинная, или какая строитъ правильное понятіе міра) я отвѣчу читателю послѣ всего по самой сущности дѣла".

И такъ, если слова: „не это фантастическое и пр.", не суть опредѣленіе моего понятія міра и если все таки разбору и опроверженію этого якобы опредѣленія мой антагонистъ посвятилъ свои усилія, то спрашивается съ кѣмъ же онъ сражался и кого поразилъ?

Къ счастію моему, не только не философію, но даже и не меня, послѣдняго изъ ея служителей, а вѣтряную мельницу.

Но и вѣтряная мельница все таки нѣчто реальное, хотя и не то, за что ее принимали. Мнѣ начинаетъ казаться, что сравненіе того объекта, который былъ пораженъ моимъ оппонентомъ, съ вѣтряною мельницею не вѣрно. Дѣло въ томъ, что смыслъ этого яко бы опредѣленія былъ для П. И. Аландскаго „въ значительной степени поглощенъ фигуральностью выраженій" (Фил. и Наука стр. 149).

Однако я не могу уступить этого положенія безъ боя. Я вполнѣ согласенъ, что смыслъ quasi опредѣленія былъ поглощенъ для моего оппонента, но не *фигуральностью выраженій*, а чѣмъ либо инымъ.

Такъ какъ есть другое мѣсто, гдѣ я получаю упрекъ отъ П. И. Аландскаго по поводу того же выраженія, то я считаю нужнымъ привести здѣсь и то мѣсто. На стр. 96 „фил. и Наука" онъ говоритъ:

(№ 6) „Тутъ (т. е. при обозрѣніи нѣкоторыхъ мыслей изъ „Фил. эт.“) мы встрѣтились съ выраженіями, которыя философамъ вслѣдствіе частаго употребленія очень хорошо знакомы и потому кажутся понятными, но почтенный авторъ хорошо знаетъ что есть точка зрѣнія, съ которой выраженія въ родѣ такихъ, какъ „понятіе о бытіи, какъ всеобъемлющей формѣ для вещей, явленій и событій“ или „субъективныя формы съ помощью которыхъ строится понятіе о мірѣ изъ объективныхъ явленій“ представляются не совсѣмъ понятными“.

Въ этой цитатѣ остановимся прежде всего на дѣйствительно неопредѣленномъ выраженіи: *„есть точка зрѣнія“*. Спрашивается, чья, какая точка зрѣнія? Конечно, я знаю, что есть точка зрѣнія вообще необразованныхъ людей, для которыхъ не понятны не только „выраженія, часто употребляемыя философами“, но и выраженія употребляемыя представителями и другихъ наукъ. Всего охотнѣе я разумѣлъ бы здѣсь „философскую точку зрѣнія“, но въ виду того, что для П. И. Аландскаго не существуетъ философіи, я долженъ рѣшиться на какое либо сравнительно искусственное опредѣлительное слово. И такъ, пусть будетъ „точка зрѣнія, съ которой мои выраженія представляются не совсѣмъ понятными“, точкою зрѣнія людей получившихъ научное образованіе, знакомыхъ, напр., съ физіологіей, психологіей, къ какимъ принадлежитъ и мой многоуважаемый оппонентъ.

Но теперь уже я рѣшительно не могу постичь, какимъ образомъ ему, знакомому съ психологіей и даже „въ школѣ и университетѣ удѣлявшему не мало времени на чтеніе твореній великихъ умовъ (т. е. философовъ)“. (Фил. и наука стр. 94), какимъ образомъ ему „не совсѣмъ понятны“ мои вышеприведенныя выраженія и далѣе что онъ въ нихъ нашелъ „фигуральнаго“?

Конечно, выраженіе (цит. № 6): „понятіе о бытіи, какъ всеобъемлющей формѣ *для* вещей, явленій и событій, „выраженіе, вырванное изъ связи съ другими и кромѣ того снабженное предательскимъ предлогомъ *для*, котораго нѣтъ въ моемъ текстѣ, (см. выписку № 5) выглядываетъ нѣсколько страннымъ и фигуральнымъ. Но имѣя въ виду подлинный мой текстъ спрашиваю, что „не совсѣмъ понятно и фигурально“ для моего почтеннаго оппонента, отдѣльныя ли слова: „форма, всеобъемлющій, понятіе бытія, готово и т. д.“ или же ихъ сочетаніе? Что фигуральнаго въ словѣ: *форма*, если оно употребляется въ томъ смыслѣ, что наше сознаніе не есть какое-то пустое и пассивное вмѣ-

стилище, въ которое, какъ въ мѣшокъ, прямо втискиваются вещи и явленія, относимыя нами во внѣшній міръ, но что это сознаніе облекаетъ въ свои формы то, что оно получаетъ извнѣ? Далѣе что непонятнаго въ томъ, что такою формою признается понятіе бытія, т. е., что кто либо думаетъ, что квалификація вещей *сущими* не дана въ впечатлѣніяхъ, получаемыхъ изъ внѣшняго міра, а привносится къ этимъ впечатлѣніямъ субъектомъ, или его силами, построяющими познаніе. Наконецъ что фигуральнаго въ томъ, что нѣкто, (я, напр., въ данномъ случаѣ) признавая понятіе бытія формою, готовою въ самомъ субъектѣ, называетъ ее въ тоже время *всеобъемлющею* на томъ основаніи, что все, что ни наполняетъ наше сознаніе, безъ малѣйшаго исключенія мыслится нами такъ, что оно *есть*. Непонятнаго тутъ ничего не должно быть для моего почтеннаго оппонента, тѣмъ болѣе, что, какъ я долженъ предположить, между „великими умами“, которымъ онъ удѣлялъ свое время, не былъ обойденъ великій изъ великихъ, именно, Кантъ. Если это такъ, то онъ (т. е. П. И. Аландскій) долженъ былъ знать, что этотъ великій мыслитель, (Кантъ) напр., считалъ понятіе бытія одной изъ категорій, т. е., одной изъ формъ разсудка, которую этотъ послѣдній привноситъ и къ данному, и возможному опыту.

И такъ, утверждаю я, непонятнаго ничего не можетъ быть въ признаніи, что въ наше познаніе входятъ субъективныя формы. Что такое признаніе можетъ казаться П. И. Аландскому и другимъ ошибочнымъ, даже нелѣпымъ—это вопросъ иной, и это я вполнѣ постигаю. Но уже для того, чтобы находить какое либо мнѣніе нелѣпымъ, все таки нужно прежде всего понять мысли, въ немъ заключающіяся.

Но допускаю невозможное, допускаю, что въ данномъ мѣстѣ выраженіе: „въ понятіи бытія готова всеобъемлющая форма и проч.“. показалось моему антагонисту, по какимъ бы то ни было причинамъ, „не совсѣмъ понятнымъ и фигуральнымъ“. Спрашивается, слѣдуетъ ли такъ и остановиться на этомъ, не попытавшись понять мысль оспариваемаго автора изъ другихъ мѣстъ его сочиненія? Конечно, не слѣдуетъ какъ ради послѣдней цѣли всякаго діалектическаго процесса—истины, такъ и ради соблюденія къ противному [illegible] возможно большей справедливости. Стоило только моему оппоненту перевернуть назадъ три страницы; и онъ нашелъ бы ясное указаніе на то, какъ я разумѣю понятіе бытія.

На стр. 23 „Фил. эт.“ сказано:

(№ 7) „Понятіе бытія, по своей крайней общности, не указываетъ ни на какое опредѣленное содержаніе, въ немъ еще слиты *возможность съ дѣйствительностью*: поэтому оно есть только *необходимый элементъ* всякаго мышленія и *формальное условіе* единства познанія. Въ понятіи бытія мыслится неподлежащій опредѣленію субстратъ всяческихъ опредѣленій, или, иначе, оно есть выраженіе того узла, гдѣ завязывается какое бы то ни было опредѣленіе и познаніе, или, какъ говоритъ Шопенгауеръ, выраженіе „того пункта, гдѣ субъектъ соприкасается съ объектомъ“. Въ понятіи бытія мыслится только *всеобщая основа* и извѣстнаго и неизвѣстнаго; и познаваемаго и непознаваемаго; и того, что дѣйствительно входитъ въ сознаніе, и того, что остается по ту сторону его и представляетъ одну чистую возможность. Обозначая одно неопредѣленное нѣчто, понятіе бытія есть форма, въ которую можетъ войти и дѣйствительно входитъ дѣйствительность“.

Кажется, къ этой выпискѣ прибавить болѣе нечего.

И такъ, заключу я, возвращаясь назадъ, если смыслъ моего quasi опредѣленія міра „былъ поглощенъ“, то никакъ не мнимою фигуральностью, а опять таки полнымъ невниманіемъ автора „Фил. и Науки“ къ скромнымъ результатамъ моего посильнаго философствованія. Но если все таки этотъ смыслъ былъ, отъ чего бы то ни было, „въ значительной степени поглощенъ и не совсѣмъ понятенъ“, то съ кѣмъ же сражался и кого поразилъ почтенный авторъ?

Не вѣтряную мельницу, скажу я теперь, а нѣкій безтѣлесный фантомъ, имъ же самимъ созданный!

Что же изъ этого слѣдуетъ?

То, что, если онъ и поразилъ эту тѣнь, о чемъ, впрочемъ, рѣчь будетъ впереди, то это пораженіе ни меня, ни философіи не касается и что, слѣдовательно, выведенная имъ изъ этой борьбы съ тѣнью и возлагаемая на меня обязанность доказывать два положенія на стр. 158 не должна быть признаваема мною за обязанность.

Наконецъ спрашивается, какъ назвать стратегическіе маневры, которые предстояли нашему изученію въ этомъ второмъ образчикѣ, —напр., вырываніе нѣкоторыхъ положеній изъ связи съ другими, въ коей они только и имѣютъ полный смыслъ, или, напр., вставка въ мои слова маленькаго, но коварнаго предлога?

Я назову ихъ маневрами *легонькой недомолвочки и прибавочки.*

Все вышеизложенное можно было бы озаглавить такъ: „Повѣсть о

БИБ КОММУНИ АКАДЕМ

томъ, какъ въ случаѣ спора путемъ стратегическихъ пріемовъ: лего ... перестановочки, недомолвочки и прибавочки можно на благопріят... почвѣ презрѣть правила естественной и раціональной діалектики, сложить съ себя трудное onus probandi и произвольно возложить таковое на противника". Но заглавіе послѣ самого разсказа все равно, что послѣ ужина горчица; и я могу найти для себя только одно оправданіе, извѣстную крѣпость заднимъ умомъ русскаго человѣка.

Теперь перейдемъ отъ рубрики: onus probandi, къ другой.

Qui pro quo. Подъ этою рубрикою я имѣю въ виду представить образчики искусныхъ стратегическихъ операцій, которыя дѣлаетъ мой оппонентъ съ терминомъ: *наука*. Этотъ терминъ въ его рукахъ является какимъ то универсальнымъ орудіемъ: онъ имъ и колетъ, и рубитъ, и стрѣляетъ, даже воздушные замки созидаетъ. Кромѣ того я укажу, какъ онъ посредствомъ этихъ операцій философію побиваетъ философіею же, хотя и замаскированною.

Но для выполненія этой цѣли мнѣ придется идти окольнымъ путемъ и прежде нужно направиться въ....

Концептъ міра П. И. Аландскаго. Признаюсь, трижды пытался я проникнуть въ нутро этой крѣпости и трижды со стыдомъ удалялся вспять. Остается сдѣлать еще послѣднюю отчаянную попытку и, въ случаѣ неудачи, безвременно погибнуть. Но, имѣя въ перспективѣ такой печальный исходъ, я прошу читаталя безпристрастно засвидѣтельствовать, зависитъ ли необоримость и непроницаемость концепта міра П. И. Аландскаго отъ недостаточности и слабости моихъ усилій, или же отъ самого существа этой твердыни.

Прежде всего напомню читателю положеніе дѣла. Мы имѣемъ только то quasi опредѣленіе міра, сведенное нами выше къ значенію ничтожной тѣни. Вдругъ оглушающій выстрѣлъ: можно подумать, что вылѣтела чудовищная бомба!

На стр. 149 и слѣд. статьи „Ф. и Н" читаемъ:

(№ 8). „Вопросъ состоитъ въ томъ, есть ли міръ, какъ цѣлое, состоящее изъ вещей, явленій, событій, не синтетизированныхъ гдѣ то, и т. д. *особый феноменъ*, отличный отъ того міра, который изучается по частямъ или долямъ спеціальными науками: математикой, астрономіей, физикой, химіей, біологіей, психологіей и политикой? Если этотъ

вопросъ рѣшится утвердительно; если въ мірѣ, какъ *цѣломъ*, окажется что нибудь новое, особое, чего не было въ простой *суммѣ* частей или долей міра, изучаемыхъ спеціальными науками, въ такомъ случаѣ для построенія понятія о мірѣ недостаточно будетъ простого объединенія теорій этихъ наукъ, простой суммы ихъ содержанія, а необходима будетъ новая наука и, разумѣется, ничто не препятствуетъ назвать ее философіей. Напротивъ, если окажется, что, предположивъ совершенное состояніе спеціальныхъ наукъ какъ относительно полноты, такъ и относительно точности ихъ свѣдѣній, мы получимъ въ ихъ теоріяхъ объясненіе *всего*, что представляетъ міръ; если, приведя въ связь теоріи спеціальныхъ наукъ, мы получимъ сѣть общихъ положеній, которою охватываются всѣ міровыя явленія и всѣ соотношенія между этими явленіями; въ такомъ случаѣ, думается мнѣ, понятіе міра, какъ цѣлаго, состоящаго изъ вещей, явленій и событій, будетъ построено системою наукъ, перечисленныхъ выше, и помощь какой нибудь новой науки, хотя бы и философіи, окажется вовсе не нужною. Положительное или отрицательное рѣшеніе вопроса, поставленнаго мною, зависитъ отъ того, что понимать подъ міромъ, какъ цѣлымъ. Можно ввести въ это понятіе такіе признаки, присутствіе которыхъ сдѣлаетъ невозможнымъ для частныхъ наукъ построеніе понятія о мірѣ, но можно ограничить это понятіе и такими признаками, при которыхъ построеніе его окажется какъ разъ по силамъ этимъ наукамъ. Авторъ Философскихъ этюдовъ не потрудился ближе и точнѣе опредѣлить, что онъ разумѣетъ, говоря о мірѣ, какъ цѣломъ, состоящимъ изъ вещей, явленій и событій, простую ли сумму міровыхъ явленій или нѣчто болѣе и что же именно. Онъ имѣлъ въ виду не ученыхъ и знатоковъ дѣла, а просто образованныхъ людей (XIX), для которыхъ, быть можетъ, совершенно достаточно даннаго имъ опредѣленія, чтобы разсѣять въ ихъ умахъ предубѣжденія противъ философіи".

„Есть ли міръ *особый феноменъ* и пр."? На это отрицательный отвѣтъ уже данъ въ моей книгѣ. Принимать, что міръ есть особый феноменъ — это и значитъ допускать, что онъ есть готовое *цѣлое въ себѣ*, которое можно яко бы и созерцать, какъ такое (см. Ф. э. стр. 28 или цитату № 5). Далѣе, хотя міръ не есть особый феноменъ и хотя онъ изучается не какъ таковой, а по частямъ, но все таки правильно построенное понятіе міра есть *нѣчто новое* сравнительно съ простою *суммою* знаній о *частяхъ или доляхъ міра*. Къ сожалѣнію, я долженъ

протестовать противъ термина: *сумма*, который мой оппонентъ употребляетъ какъ синонимъ термина: *понятіе*. Я думаю, что процессъ ариѳметическаго сложенія нельзя отождествлять съ процессомъ, посредствомъ котораго созидается понятіе изъ понятій же или конкретныхъ представленій. Общее, конечно, есть: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ происходитъ актъ синтеза; но сущность этого синтеза различна. Хотя въ ариѳметическомъ суммированіи сумма есть, конечно, тоже *нѣчто новое* сравнительно съ рядомъ поставленными слагаемыми ($2 + 4 + 6 = 12$); однако она абсолютно покрываетъ свои составныя части: ни прибавки, ни убавки. Отъ того то математическій синтезъ, или процессъ построенія математическихъ понятій такъ прозраченъ. Иное дѣло въ построеніи понятій въ сферѣ внѣ математической. Актъ синтеза тамъ иной по своему характеру, а потому и въ результатѣ получается совсѣмъ не *простая сумма* составныхъ частей. Въ понятіи овцы, напр., вовсе не повторяются точь въ точь безчисленныя конкретныя представленія овцы; напротивъ огромная масса признаковъ этихъ конкретныхъ представленій отбрасывается (напр. индивидуальныя величины, цвѣта, и пр. и пр.) и мыслятся признаки ближайшаго рода (жвачныя — ruminantia) и не многіе частные признаки вида (ovis).

Это ошибочное, по моему мнѣнію, отождествленіе суммы съ понятіемъ не есть случайное у моего оппонента, а проходитъ черезъ весь его концептъ міра. Впрочемъ, если бы понятіе міра и было *простою суммою*, то, вѣдь, и простую сумму нужно же кому либо подвести.

Но, я не могу въ своемъ анализѣ идти далѣе, выходя изъ ложнаго отождествленія терминовъ: суммы и понятія, ибо эта исходная точка можетъ повести не къ разъясненію, а запутыванью дѣла. Выписанная цитата представляетъ намъ другія положенія, которыя, можетъ быть, послужатъ лучшимъ ключёмъ къ пониманію концепта міра по автору „Философіи и Науки“, а потому я займусь слѣдующими вопросами: 1) что разумѣетъ авторъ подъ терминомъ: „простое объединеніе теорій наукъ“ (математики, астрономіи и т. д.).

По моему слабому „мудрованію“ *объединить* или привести что либо къ единству значитъ изъ многихъ сдѣлать единое, т. е., сочетать многія такъ, чтобы каждое изъ нихъ потеряло въ нашемъ воззрѣніи свою прежнюю спеціальную *раздѣльность и самостоятельность* (пространственную, временную и пр.) и получило иное значеніе, которое и стояло, и падало бы вмѣстѣ съ тѣмъ единымъ, такъ сказать, погло-

тившимъ многія. Значитъ, „объединеніе теорій наукъ“ должно дать въ результатѣ такой продуктъ, такое единое, въ которомъ бы пропала для нашего сознанія самостоятельная специфичность теорій химическихъ, астрономическихъ, физическихъ, психологическихъ и пр. и на мѣсто ихъ возникла бы поглотившая ихъ теорія міра. Отчего бы не признать эту теорію міра особою наукой и отчего бы не допустить что „ничто не препятствуетъ назвать эту науку философіею“? Что же касается до прилагательнаго „простое“, которое примкнуто у автора къ слову: „объединеніе“, то оно въ данномъ случаѣ есть звукъ пустой, а потому нисколько не измѣняютъ смысла слова: „объединеніе“? Что хочетъ, въ самомъ дѣлѣ, сказать авторъ словами: „*простое* объединеніе“? Значитъ, онъ допускаетъ какія то не простыя, напр., замысловатыя, сложныя и т. д. объединенія?!

Далѣе спрашивается, кто эти „мы“, которые, „приведя въ связь теоріи спеціальныхъ наукъ, получимъ сѣть общихъ положеній, которою охватываются всѣ міровыя явленія и всѣ соотношенія между этими явленіями“? Если подъ „мы“ разумѣются вообще живые люди, то и спорить нечего: никто кромѣ людей, сколько мнѣ извѣстно, не приводитъ и не будетъ приводить въ связь теорій спеціальныхъ наукъ. Но если подъ „мы“ вмѣсто людей вообще должно разумѣть людей, въ силу извѣстной классификаціи, называемыхъ грамматиками, психологами, химиками, зоологами и т. д., то еще придется поговорить. И такъ, спрашивается, кто изъ спеціалистовъ ученыхъ: химики ли, зоологи, грамматики, астрономы и т. д., или иными словами, какая изъ наукъ, грамматика ли, психологія, ботаника, геологія и т. д. „приведетъ въ связь теоріи спеціальныхъ наукъ и пр.“?

Не мало дилеммъ наставилъ мнѣ въ статьѣ: „Филос. и Наука“, мой уважаемый оппонентъ; теперь я ему въ свою очередь отплачу небольшой рогатиной. На сейчасъ поставленный вопросъ П. И. Аландскій или долженъ будетъ назвать кого либо изъ спеціалистовъ напр., астронома, физика и т. д., который „приведя въ связь и пр.“; или онъ долженъ будетъ объявить, что грамматики, физики и т. д., каждые особо, „приведя въ связь, и пр.“, или что эти спеціалисты, „приведутъ въ связь и пр.“ не въ качествѣ ученыхъ, а въ качествѣ гражданъ, отцовъ семействъ, домовладѣльцевъ и т. п. На первый отвѣтъ я снова спрошу, за что физику, или кого тамъ назоветъ П. И. Аландскій, дана привиллегія или поставлена обязанность, кромѣ выработки спеціально

физическихъ теорій, еще и „привести въ связь теоріи спеціальныхъ наукъ и получить сѣть общихъ положеній и т. д.“? На второй отвѣтъ, т. е., что всѣ спеціалисты, каждые особо, „приведутъ въ связь и пр.“, я снова спрошу, зачѣмъ же непремѣнно всѣ примутъ на себя одну и ту же обузу, „привести въ связь и пр.“! Кромѣ того я еще выражу такое сомнѣніе, что какъ, Боже избави, всѣ спеціалисты „приведутъ въ связь“ по своему и получатъ „различныя сѣти общихъ положеній“; и мы будемъ имѣть „связь“ по грамматикамъ, связь по химикамъ, связь по финансистамъ и т. д.? Наконецъ то, что я скажу на третій отвѣтъ, я позволю себѣ пока скрыть въ глубинѣ своей души.

Однако я еще не все исчерпалъ, что можетъ сказать мой оппонентъ. Можно оподозрить, что онъ „приведеніе въ связь теорій спеціальныхъ наукъ и полученіе сѣти общихъ положеній“ вовсе не считаетъ за особый актъ научной дѣятельности и думаетъ, что всякій ученый, грамматикъ ли онъ, или минералогъ, уже ео ipso „приводитъ въ связь и пр.“ подобно тому, какъ само собою разумѣется, что онъ перевариваетъ пищу. Тогда спрашивается, что же это за актъ такой? Если это не есть актъ научный, то почему бы, напр., не могъ его совершить банщикъ или извощикъ, разумѣется, какъ такіе? Наконецъ если этотъ актъ не есть актъ научный, если онъ въ научномъ отношеніи пустой, индифферентный актъ, то почему мой почтенный оппонентъ не хочетъ уступить его философамъ?

Должно быть, по тому, что въ результатѣ этого акта, „думается“ П. И. Аландскому, появится понятіе міра. Но если такъ, то всѣ вышепоставленные вопросы сохраняютъ всю свою силу и требуютъ отвѣта, знаменательное положеніе: „приведя въ связь и пр.“ не мною выдумано, а есть его ipsissima verba.

Теперь слѣдовало бы обратиться къ вопросу о „системѣ наукъ“, но я долженъ еще очистить себя отъ возможнаго нареканія со стороны моего оппонента, что я не обратилъ должнаго вниманія на то мѣсто, гдѣ онъ, съ своей точки зрѣнія, объяснялъ значеніе термина: связь. Конечно, я обратилъ должное вниманіе на это объясненіе, тѣмъ болѣе, что оно было соединено съ порядочной нотаціей за то, что будто я соединяю съ терминомъ: связь, весьма смутное представленіе.

Представляю на лицо нотацію. На стр. 138 „Фил. и Н.“ сказано: (№ 9) Главное въ томъ, чтобы вѣрно понять, что разумѣетъ авторъ *)

*) Т. е. я, авторъ „Философ. эт.“ *А. К.*

подъ выраженіемъ: связь предмета одной науки съ предметомъ другой. Самъ онъ не даетъ болѣе подробнаго разъясненія съ помощью терминовъ болѣе точныхъ и спеціальныхъ. Къ слову: связь надобно относиться осторожно, подъ такими общими названіями обыкновенно укрываются смутныя представленія, которыя не кажутся ошибочными только потому, что мы не въ состояніи явственно разсмотрѣть отдѣльные признаки, мыслимые въ ихъ содержаніи. Слово, вѣдь, такъ знакомо и потому *кажется* такъ яснымъ? Взаимное отношеніе и зависимость какъ предметовъ отдѣльныхъ наукъ, такъ и самыхъ наукъ, было подробно разъяснено О. Контомъ во второй лекціи его Курса Положительной Философіи (т. I 56—75, изд. 3)".

Далѣе авторъ приводитъ разъясненіе Конта въ истолкованіи Милля, а потомъ, подвергнувъ истолкованіе Милля своему собственному истолкованію, въ заключеніе объясняетъ терминъ: связь, слѣдующимъ образомъ: „Фил. и наука" стр. 141 и 142.

(№ 10) „Всюду *связь между предметами* двухъ различныхъ наукъ состоитъ въ томъ, что явленіе, изучаемое одною изъ нихъ, входитъ въ число условій, производящихъ явленіе, изучаемое другою; *связь между самими науками* повсюду выражается въ томъ, что при объясненіи своего предмета одна наука ссылается на обобщенія, установленныя другою. Если мое представленіе объ этомъ вѣрно, то „выходъ изъ каждой науки въ философію" вовсе нельзя признать всегда естественнымъ, какъ это кажется автору Философскихъ этюдовъ (49). Для того, чтобы двѣ науки, до того времени разобщенныя, не знавшія другъ друга, были приведены въ связь другъ съ другомъ, требуется во первыхъ, путемъ анализа убѣдиться, что въ составѣ явленій, изучаемыхъ одною, входятъ процессы, составляющіе предметъ изслѣдованія другой; во вторыхъ нужно, чтобы наука, имѣющая дѣло съ болѣе простыми процессами, успѣла подвести ихъ подъ законъ, дать точное выраженіе однообразію въ послѣдовательности, замѣчаемому въ нихъ, въ третьихъ, необходимо, чтобы этотъ законъ во всѣмъ своемъ значеніи и объемѣ былъ извѣстенъ тому, кто занимается изслѣдованіемъ болѣе сложнаго явленія, въ которомъ есть элементъ, объясняемый даннымъ закономъ. Когда анализъ открылъ и опредѣлилъ составные элементы даннаго процесса, когда оказалось, что между этими элементами есть такой, который былъ изучаемъ прежде и получилъ болѣе или менѣе точное объясненіе; когда, наконецъ, это объясненіе извѣстно (въ ученомъ смы-

слѣ слова) тому, кто изучаетъ данный процессъ,—мы будемъ имѣть на лицо всѣ три условія, необходимыя для того, чтобы двѣ науки, до того времени шедшія отдѣльно и независимо одна отъ другой, сблизились другъ съ другомъ и вступили въ такое соотношеніе, при которомъ одна служитъ основаніемъ для другой. Для установленія этой связи философія вовсе не требуется, совсѣмъ напротивъ, введеніе какихъ бы то ни было посторонникъ соображеній скорѣе можетъ затемнить дѣло сбить съ пути ученыхъ".

Я оставлю пока въ сторонѣ вопросъ о законности данной мнѣ нотаціи и посмотрю, можно ли въ вышеанализируемомъ положеніи: „приведя въ связь теоріи спеціальныхъ наукъ, получимъ сѣть общихъ положеній и пр.", терминъ *связь* принимать въ значеніи сейчасъ выписанной цитаты, или, иными словами, тождественны ли, съ точки зрѣнія П. И. Аландскаго выраженія: „связь между науками" (цит. № 10) и „связь между теоріями спеціальныхъ наукъ" (цит. № 8).

Нѣсколько разъ я пробовалъ сопоставлять терминъ: связь, въ обоихъ мѣстахъ и, по крайнему моему разумѣнію, пришелъ къ *убѣжденію*, что связь (между науками), выражающаяся въ томъ, „что при объясненіи своего предмета одна наука ссылается на обобщенія, установленныя другой", есть совсѣмъ *иная* связь, чѣмъ та, „приведя въ которую теоріи спеціальныхъ наукъ, мы получимъ сѣть общихъ положеній и пр." Убѣжденіе мое имѣетъ подъ собою слѣдующія основанія: 1) я, не смотря на всѣ свои усилія, не могу понять той механики, вслѣдствіе которой, *если науки ссылаются другъ на друга при объясненіи своихъ предметовъ, то eo ipso приводятся въ связь теоріи спеціальныхъ наукъ, получается сѣть общихъ положеній и наконецъ eo ipso строится понятіе міра*. Что та или другая наука ради объясненія своего предмета ссылается на данныя другой науки — это понятно и естественно, но чтобы при исполненіи этой обязанности тою или другою наукою, сами собою связывались теоріи спеціальныхъ наукъ и получалось понятіе міра—это, до объясненія П. И. Аландскаго, для меня непостижимо. 2) По условному, выражающемуся союзомъ *если*, построенію разбираемой цитаты (№ 8), должно заключить, что „простое объединеніе теорій наукъ, приведеніе въ связь этѣхъ теорій, полученіе сѣти общихъ положеній, построеніе понятія міра системою наукъ безъ помощи философіи"—однимъ словомъ, всѣ эти прекрасныя вещи ожидаютъ насъ въ будущемъ. Между тѣмъ та связь наукъ, по которой онѣ ссылаются другъ на друга при объясненіи своихъ предметовъ, есть фактъ и совер-

шившійся, и до сихъ поръ совершающійся. Самъ П. И. Аландскій говоритъ, что при *этой* связи біологіи съ физикой и химіей „дѣло *обошлось* безъ философіи“ (стр. 141). Кромѣ того надобно принять въ соображеніе и то обстоятельство, что, устанавливая смыслъ термина: „связь между науками“, мой оппонентъ опирается на О. Конта, а извѣстно, что на основаніи этой связи, Контъ *уже объединилъ* въ одну систему шесть, по его мнѣнію, главнѣйшихъ наукъ и эту систему, не во гнѣвъ будь сказано П. И. Аландскому, назвалъ системою *положительной философіи.*

Послѣ этого объясненія я обращаюсь назадъ къ вопросу о томъ, что такое „система наукъ“? Науки, системою которыхъ будетъ построено понятіе міра, „перечислены выше“; онѣ суть: „математика, астрономія, физика, химія, біологія, психологія и политика“. Опять тотъ же неотступный вопросъ: есть ли „система этѣхъ наукъ“ что либо особое отъ этѣхъ наукъ, или тоже самое? Но если тоже самое, то почему же не сказано было просто, что понятіе міра построютъ де такія-то и такія-то науки? Зачѣмъ введено это новое понятіе: *система наукъ*? Неужели только для того, чтобы запутать дѣло? Ставлю тотъ же вопросъ иначе: думаетъ ли П. И. Аландскій, что, напримѣръ, если кто либо прослушалъ отъ живыхъ лицъ 7 курсовъ выше-исчисленныхъ наукъ, или изучилъ 7 курсовъ на основаніи книгъ и другихъ пособій, то ео ipso онъ *обладалъ бы* и „системою наукъ“ и *построилъ бы* понятіе міра? Конечно, на это моему оппоненту не мудрено отвѣтить, что „обладалъ бы и построилъ“. Но далѣе спрашивается, какъ бы онъ построилъ? сознательно или безсознательно, методически или какъ попало? Не только люди, изучившіе 7 курсовъ тѣхъ наукъ, но и одного путемъ не изучившіе, строятъ понятіе міра и не рѣдко безсознательно. Интересно знать, не разумѣетъ ли мой уважаемый антагонистъ эти, по моему, случайныя и безсвязныя построенія, какъ имѣющія получиться послѣ изученія 7 курсовъ наукъ? Или же, можетъ быть, онъ думаетъ, что та „система наукъ“, которая сложится по изученіи 7 курсовъ, и то „понятіе міра“, которое построится послѣ того же изученія, будутъ одинаковы по своему содержанію и будутъ опираться у всѣхъ слагателей и строителей на одинаковыхъ основаніяхъ? Если онъ отвѣтитъ на этотъ послѣдній вопросъ утвердительно, то почему бы эту „систему наукъ и понятіе міра“ не признать *особою дисциплиною* и почему бы не назвать *оную философіею*. Вѣдь, во всякомъ случаѣ содержаніе этой

„системы“ и самое „понятіе міра“ нельзя включить въ одну изъ поименованныхъ наукъ. Если же мой оппонентъ отвѣтитъ на вышепоставленный вопросъ отрицательно, то изъ этого выйдетъ заключеніе, что изученіе 7 наукъ не даетъ еще единой „системы наукъ“ и не ведетъ къ построенію единаго понятія о мірѣ, т. е., къ единству міросозерцанія. Но въ такомъ случаѣ тѣмъ болѣе можетъ оказаться надобность въ особой наукѣ, строющей міросозерцаніе, которую опять таки „ничто не мѣшаетъ назвать философіею“.

Теперь спрашивается, къ чему приводитъ насъ утомительный разборъ положеній П. И. Аландскаго, заключающихся въ цитатѣ № 8?

По моему слабому мудрованію къ тому, что термины: „*объединеніе* теорій наукъ, *приведеніе въ связь* теорій спеціальныхъ наукъ, *система* наукъ, дающая въ результатѣ *понятіе міра*“, или суть *пустыя слова*, вовсе не соотвѣтствующія какой либо мысли, или же что подъ ними скрывается мысль объ *особой научной дѣятельности*, отличаемой отъ тѣхъ научныхъ дѣятельностей, въ результатѣ которыхъ являются спеціальныя физическія, химическія, біологическія, психологическія и т. д. теоріи, или, иными словами, въ результатѣ которыхъ являются частныя науки: физика, химія, біологія, психологія и т. д., науки, которыя изслѣдуютъ или строятъ понятія о *частяхъ*, или, выражаясь точнѣе, *сторонахъ* міра. Если же эта дѣятельность особая, то ничто не мѣшаетъ ей, на основаніи принципа *раздѣленія труда*, составить особую научную спеціальность, которую должно назвать!...

Я крѣпко подозрѣваю, что моему оппоненту просто не нравится имя: философія, подобно тому, какъ иному не нравится имя Маланьи. Что касается до меня, то я стою не за имя, а за дѣло. Я желаю только, чтобы признана была особенность познавательныхъ актовъ, особенность содержанія въ знаніи, а назвать эту особую науку могутъ, какъ угодно. Я только замѣчу, что нѣтъ надобности выдумывать новый терминъ, потому только, что не нравится старый, и самъ буду называть эту науку, по прежнему, философіей.

Но уже намъ давно пора воротиться къ тому залпу, которымъ открывается концептъ міра П. И. Аландскаго. До сихъ поръ предполагаемая бомба прошла „мимо философіи“ и ея недостойнаго служителя, не задѣвъ ни одного волоска. Наблюдемъ же за ея дальнѣйшимъ движеніемъ.

Остановимся нѣсколько на положеніи: „можно ввести въ это по-

нятіе (т. е. о мірѣ) такіе признаки, отсутствіе которыхъ и т. д.“ до слова: авторъ (цит. № 8). Не понимаю, что хочетъ сказать мой оппонентъ этими словами? Если онъ разумѣетъ то логическое правило, что въ понятіе должны войти только тѣ существенные признаки, которые дѣйствительно находятся въ представленіяхъ, составляющихъ матеріалъ для построенія понятія, то это святая истина, съ которой спорить нечего. Само собою разумѣется, что если въ понятіе міра введутся ошибочно такіе признаки, которыхъ нѣтъ въ явленіяхъ, составляющихъ стороны міра и изучаемыхъ частными науками, то такое понятіе будетъ неправильнымъ, выдуманнымъ. Но если въ положеніи П. И. Аландскаго кроется какая либо другая мысль, то она для меня вполнѣ *поглощена туманностью* выраженій.

Остальная часть цитаты (№ 8) со словъ: „авторъ Философскихъ этюдовъ“, и до конца есть, въ моихъ глазахъ, ничто иное, какъ пораженіе того фантома, который былъ принятъ авторомъ „Философіи и Науки“ за опредѣленіе міра, яко бы данное авторомъ „Филос. этюд.“.

Такъ какъ въ фантомѣ я нисколько не заинтересованъ, то пусть онъ отстаиваетъ себя, какъ знаетъ, а я поучусь у моего оппонента постройкѣ нефилософскаго концепта міра, которая начинается со стр. 150 и до конца статьи.

Но что я вижу? Фантомъ, столь многократно побитый, вдругъ появляется у самаго П. И. Аландскаго, только нѣсколько подчищенный и подстриженный. Я говорилъ, что философія при постройкѣ понятія міра должна понимать „міръ, какъ цѣлое, состоящее изъ вещей, явленій и событій, входящихъ въ наше сознаніе“ и П. И. Аландскій утверждаетъ почти тоже съ тою только разницею, что построить концептъ міра должна не философія, а спеціальныя науки. „Сокращая количество терминовъ, говоритъ онъ, скажемъ просто, что міръ есть цѣлое, состоящее изъ явленій“ (стр. 151). Я не согласенъ съ моимъ уважаемымъ оппонентомъ, что слова: „явленіе, вещь, событіе“, синонимы, какъ онъ думаетъ; но чтобы не плодить споровъ, останавливаться на этомъ не буду и спрошу только, зачѣмъ же онъ такъ иронизировалъ на стр. 150 (цит. № 8) надъ моимъ quasi — опредѣленіемъ міра, а потомъ, какъ видится, самъ принялъ его. Правда, онъ подчистилъ его, но къ сожалѣнію, этою операціею низвелъ его почти до нуля, ибо и фантомъ все таки какое то нѣчто, но не нуль. Я не думаю, чтобы *остриженное* выраженіе: „міръ есть цѣлое, состоящее изъ явленій“, было опре-

дѣленнѣе и яснѣе моего выраженія; „міръ какъ цѣлое, состоящее изъ вещей, явленій, событій, *сущихъ* въ сферѣ нашего сознанія и ждущихъ въ ней своего синтеза!!“

Но оставимъ этотъ возникшій изъ своего ничтожества фантомъ и послѣдуемъ за П. И. Аландскимъ, который для постройки безъ „помощи философіи“ понятія міра предлагаетъ намъ слѣдующую первоначальную операцію. Такъ приглашаетъ онъ насъ на стр. 151.

(№ 11) „Соединимъ мысленно въ одну сумму всѣ ощущенія, испытываемыя настоящимъ поколѣніемъ людей на всѣхъ точкахъ земнаго шара съ помощью простыхъ органовъ ощущенія, или съ помощью орудій, расширяющихъ поле доступное этимъ органамъ; прибавимъ къ этому всю сумму ощущеній, испытанныхъ предшествующими поколѣніями людей; затѣмъ примемъ въ разсчетъ и всѣ случаи, гдѣ ощущенія были и будутъ возможны, лишь бы только въ данное мгновеніе было на лицо существо, одаренное органами ощущенія: — соединяя вмѣстѣ все это, мы получимъ то, что должно разумѣть подъ міромъ явленій. Это будетъ нашъ сырой матеріалъ, rudis indigestaque moles, трудно носимый и въ этомъ видѣ ни къ чему не пригодный“.

Прочтя это, я въ изумленіи могъ только проговорить:

Возмогъ ли ты Левіаѳана
На удѣ вытянуть на брегъ?

Да научите меня, ради семи греческихъ мудрецовъ, искусству съ *ощущеніями*, (прошу читателя вникнуть въ этотъ терминъ!) которыя я живо испытываю въ настоящее время, а также съ *прежними* моими *ощущеніями*, отъ которыхъ . остались только болѣе или менѣе живые слѣды, „соединить мысленно въ одну сумму“ *ощущенія*, которыхъ я, мало того, что никогда *не испытывалъ*, но и *не буду испытывать*. Какъ я соединю въ себѣ ощущенія современнаго мнѣ антропофага-фиджеанца, пожирающаго жареное человѣческое мясо, какъ я соединю въ себѣ ощущенія, испытанныя древнимъ человѣкомъ Неандерталя, или пещеры Энгиса, какъ я соединю въ себѣ ощущенія какого либо Нерона, наконецъ какъ я „соединю въ себѣ мысленно“ ощущенія, которыя еще „будутъ возможны“ для существъ одаренныхъ органами ощущенія и т. д. и т. д.?! Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, все это есть матеріалъ, хотя и „трудно носимый“, но все таки, значитъ, носимый?! Но въ невозможности для себя хотя бы на одно мгновеніе „носить этотъ матеріалъ“ я нѣсколько утѣшаюсь тѣмъ, что мой уважаемый оппонентъ не

признаетъ въ немъ, какъ таковомъ, ни какой цѣнности, а потому перехожу къ слѣдующимъ операціямъ, обѣщающимъ привести къ *не философскому* концепту міра.

Но я прошу читателя слѣдить за вѣрностью моихъ слѣдующихъ показаній по статьѣ П. И. Аландскаго, ибо не могу же я выписать здѣсь ее всю.

Сырой трудно носимый матеріалъ, по П. И. Аландскому, подвергается какой то переработкѣ и прессовкѣ, о которой довольно отвлеченно и неопредѣленно сказано на 5, 6-ти строкахъ и вдругъ на концѣ той же 151-й страницы, какъ съ неба, падаетъ какое то *понятіе міра*, и все еще не сходя съ той же страницы почтенный авторъ приглашаетъ насъ „*теперь различить нѣкоторыя черты* въ этомъ понятіи, для того чтобы видѣть, философія или же науки безъ философіи способны установить и точно опредѣлить эти черты“ (стр. 151, 152). Я не знаю, какъ читатель, а я не только что никакихъ чертъ „не могу различить“, но даже и самаго „понятія міра“ вовсе не нахожу. Да и самъ же П. И. Аландскій тутъ же въ началѣ стр. 152 вдругъ говоритъ, что „*теперь* всѣ черты въ понятіи о мірѣ какъ цѣломъ, нами различены быть не могутъ, иначе теперь мы еще не можемъ построить *все* понятіе о мірѣ, а только одну долю его“. Съ каждымъ словомъ я прихожу все въ большее и большее изумленіе и рѣшительно не понимаю, что значитъ построить „не *все понятіе*, а какую либо его долю“. Что напр. значитъ построить $^1/_{10}$ понятія животнаго, $^1/_5$ понятія треугольника, $^1/_3$ понятія государства и такъ далѣе? Сколько мнѣ извѣстно, въ логикѣ различаются понятія правильныя и неправильныя, ясныя и смутныя, общія и частныя, простыя и сложныя, подчиняющія, подчиненныя, соподчиненныя, согласныя и противорѣчивыя, но чтобы были *цѣлыя и дробныя понятія*, въ этомъ я крѣпко сомнѣваюсь. Но пусть припомнитъ читатель, что я уже выше указывалъ на то, что черезъ всю статью П. И. Аландскаго проходитъ отождествленіе терминовъ: понятіе и сумма.

Но пойдемъ далѣе въ погоню хотя бы за дробью концепта міра по П. И. Аландскому.

На той же 152 стр. опять идетъ рѣчь о томъ же „трудно носимомъ“ матеріалѣ. Здѣсь онъ не только матеріалъ, но уже чудеснымъ образомъ превращается въ самый концептъ. Но я боюсь, что читатель мнѣ не повѣритъ, а потому вотъ подлинная цитата. „Филос. и наука“ стр. 152.

(№ 12). „Міръ явленій, какъ цѣлое предполагаетъ части и соединеніе или синтезъ, этихъ *) частей. Собственно говоря, если мы остановимся на первоначальномъ матеріалѣ, изъ котораго вырабатывается наше понятіе о мірѣ, т. е., на суммѣ ощущеній, то въ мірѣ окажется столько частей, сколько есть группъ ощущеній, испытанныхъ когда либо въ дѣйствительности или только возможныхъ. Нашъ первоначальный концептъ міра представляетъ его цѣлымъ, состоящимъ изъ безчисленнаго множества частей или явленій. Эти части въ первоначальномъ концептѣ связываются вмѣстѣ, въ одинъ образъ, вслѣдствіе нашей способности къ воззрѣнію въ пространствѣ и во времени. Первоначально міръ для насъ есть вереница ощущеній, сознаваемыхъ одновременно (отношеніе въ пространствѣ), или послѣдовательно".

Спрашивается, что хочетъ сказать мой уважаемый оппонентъ положеніемъ: „нашъ первоначальный концептъ міра представляетъ его цѣлымъ, состоящимъ изъ безчисленнаго множества частей или явленій"? Во первыхъ неужели это сужденіе можетъ быть найдено кѣмъ либо *правильнымъ* въ логическомъ отношеніи? Можетъ ли „концептъ" (вещь умственная) *представлять* что либо? Далѣе кого его? Должно быть, матеріалъ! Какъ же понять то, что концептъ представляетъ цѣлымъ „трудно носимый матеріалъ"? Наконецъ, кто изъ дѣйствительно *представляющихъ существъ* можетъ представить въ *образѣ* какое то „цѣлое, состоящее изъ безчисленнаго множества частей или явленій"?

Еще разъ прошу безпристрастнаго читателя рѣшить, есть ли какая либо возможность понять что либо въ этой, sit venia verbo, *толкотнѣ* словъ? Я сказалъ бы большое спасибо тому, кто растолковалъ бы мнѣ смыслъ всей этой цитаты, если только она имѣетъ его!

Далѣе авторъ статьи: „Философія и наука", ex abrupto пускается самъ въ несомнѣнную философію и рѣшительно утверждаетъ, „что *нельзя знать вещей самихъ въ себѣ*, да и знать это безполезно" (стр. 152—153). При этомъ случаѣ не могу не замѣтить почтенному автору, что этотъ то, именно, вопросъ и есть, по преимуществу, философскій и что ни одна изъ частныхъ наукъ и не ставитъ, и не рѣшаетъ его. Даже отрицательное его рѣшеніе есть уже философская система, которая

*) Изъ боязни въ чемъ либо измѣнить цитаты изъ статьи „Ф. и Н.", я всюду стараюсь не измѣнять даже орѳографіи, хотя бы она была явной ошибкой или опечаткой. *А. К.*

смотря по основаніямъ, на которыхъ зиждется рѣшеніе, называется либо *скептицизмомъ*, либо *позитивизмомъ*, либо *трансцендентальнымъ идеализмомъ* (Кантъ). Полагаю, что П. И. Аландскій признаетъ, что есть и должны быть доказательства положенія о невозможности знанія вещей въ самихъ себѣ. Полагаю также, что онъ признаетъ, что доказательства этого положенія не легки и что систематическое изложеніе ихъ до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, составляло спеціальность философовъ. Опять предлагаю ему вопросъ, на какую науку возлагаетъ онъ доказательства этого положенія, на химію ли, геометрію и т. д., если онъ отвергаетъ философію?

Но обратимся опять въ погоню за убѣгающимъ отъ насъ концептомъ міра! На стр. 153—154 опять является вышеупомянутый „трудно носимый“ матеріалъ и опять отвлеченно и туманно описывается, какъ этотъ матеріалъ—концептъ „концентрируется и интегрируется“, сводится къ простымъ процессамъ и наконецъ въ заключеніе на стр. 154 мы читаемъ:

(№ 13) „Нашъ концептъ міра, какъ цѣлаго, состоящаго изъ такихъ процессовъ, будетъ уже не *образъ*, подобный тому, какой даютъ ощущенія дня, а *понятіе*, представляемое болѣе или менѣе сложнымъ сочетаніемъ *знаковъ*, *символовъ* или *названій*“.

Когда я преодолѣвалъ въ первый разъ концептъ міра П. И. Аландскаго, то я такъ обрадовался этому заключительному положенію, что въ попыхахъ не замѣтилъ во первыхъ странности сочетанія терминовъ: „концептъ міра будетъ уже не образъ, а понятіе“, а во вторыхъ словечка: „будетъ“. Но теперь я не могу не поставить такого вопроса: значитъ, „концептъ“ былъ „образомъ“? Если я не ошибаюсь, концептъ есть синонимъ понятія, а образъ синонимъ конкретнаго представленія. Подставляя эти слова въ выраженіе П. И. Аландскаго, мы имѣемъ: „Понятіе міра будетъ уже не конкретное представленіе, а понятіе“. И такъ, мы имѣемъ въ первой половинѣ фразы противорѣчіе, ибо понятіе существенно не есть, не было и не будетъ конкретнымъ представленіемъ (а, по конструкціи фразы, оно *было* имъ), а во второй половинѣ невиннѣйшую тавтологію. Далѣе, „концептъ міра только *будетъ* понятіемъ“ и пр. значитъ, теперь мы съ П. И. Аландскимъ не имѣемъ ни концепта, ни понятія міра.

Наконецъ спрашивается: чтобы могло значить выраженіе: „понятіе, представляемое болѣе или менѣе сложнымъ сочетаніемъ, *знаковъ*, *символовъ* или *названій*“? Хоть убейте меня, не понимаю!

Впрочемъ, ни теперь, ни послѣ не удастся намъ, почтенный читатель, сдѣлать пріятное знакомство съ этимъ концептомъ, не смотря на то, что уважаемый авторъ „Философіи и Науки“ (да проститъ онъ мнѣ это выраженіе ради его образности) *топчется* еще на 4 страницахъ съ туманными описаніями разныхъ переработокъ и измѣненій своего матеріала. Но что такое этотъ концептъ послѣ безсчетныхъ переработокъ, т. е., что окончательно разумѣетъ П. И. Аландскій подъ міромъ—это такъ и остается тайною. Нѣтъ ни единаго предложенія, которое было бы похоже на логическое опредѣленіе понятія о мірѣ.

Ни время, ни мѣсто, ни, вѣроятно, утомленное вниманіе читателя не позволяютъ мнѣ шагъ за шагомъ слѣдить за этимъ безплоднымъ топтаніемъ на одномъ мѣстѣ автора „Философіи и науки“, а потому я только ограничусь нѣсколькими выписками изъ остальныхъ страницъ. Уже одно сопоставленіе этихъ выписокъ ясно укажетъ, что никакого концепта міра въ сознаніи моего почтеннаго оппонента не имѣется и что эти страницы наполнены словесною *гимнастикою*, могущею отуманить только неопытнаго читателя.

На стр. 155 сказано:

(№ 14) „Понятіе о мірѣ съ указаннымъ содержаніемъ въ настоящее время выработано далеко еще не во всемъ своемъ объемѣ. Только незначительная относительно доля ощущеній, составляющихъ нашъ первоначальный концептъ міра (міръ явленій) подверглась переработкѣ, опредѣлившей общіе основные элементы этихъ ощущеній и ихъ взаимное отношеніе. Къ этой долѣ принадлежатъ явленія, изучаемыя физикой“.

Изъ этой цитаты ясно видно, что авторъ „Философіи и науки“ думаетъ, что изученіе міра явленій есть ео ipso построеніе по частямъ или долямъ понятія о мірѣ. Это опять вышеуказанное смѣшеніе понятія съ суммою. Конечно, съ этой точки зрѣнія мы понятія о мірѣ не дождемся до втораго пришествія, ибо всегда какая либо наука будетъ отставать отъ другихъ, слѣдовательно, какой либо дроби, по П. И. Аландскому, не будетъ доставать до цѣлаго понятія о мірѣ. Но, къ счастію для насъ, изученіе науками явленій міра и постройка понятія о мірѣ двѣ вещи разныя; и, какъ философія это доказывала въ теченіи вѣковъ, обладаніе понятіемъ о мірѣ вовсе не обусловлено тѣмъ, чтобы мы закончили изученіе всѣхъ явленій міра и во всѣхъ подробностяхъ. Но если бы и допустить то неправильное представленіе, что науки

выработываютъ доли понятій о мірѣ, то слѣдовало бы автору указать сколько долей выработала напр., физика, и какъ же нужно мыслить міръ, сообразно съ этими выработанными долями. Но объ этомъ, конечно, нѣтъ и намека въ статьѣ: „Ф. и н.“.

На стр. 156 мы читаемъ:

(№ 15) „Успѣхъ, уже достигнутый человѣчествомъ въ обработкѣ одной доли міра явленій, даетъ право думать, что и остальная часть работы будетъ исполнена съ неменьшимъ совершенствомъ, хотя и въ болѣе продолжительный періодъ времени. Тогда изъ первоначальнаго концепта міра, состоящаго изъ группъ ощущеній, получится новый, выработанный во всемъ объемѣ и представляющій то что слѣдуетъ назвать *понятіемъ о мірѣ, какъ цѣломъ*. Содержаніе этого понятія я уже обозначилъ раньше“.

Мысль первой половины этой цитаты понятна. Весьма возможно, что, по просту говоря, нѣкоторыя науки, напр., общественныя, достигнутъ такого же развитія какого достигли астрономія, физика. Возможно также и то, что изъ какого-то неизвѣстнаго намъ до сихъ поръ „первоначальнаго концепта міра получится новый“.

Но что П. И. Аландскій, по его увѣренію, „уже раньше обозначилъ содержаніе этого понятія“ т. е. того новаго, которое получится Богъ знаетъ когда,—это для меня непостижимо. Клянусь Пиѳагоромъ, что я считаю за чудо, заранѣе обозначить содержаніе понятія, которое выработается еще въ будущемъ. Неужели возможно, чтобы кто либо до Ньютона могъ обозначить заранѣе содержаніе понятія тяготѣнія такъ, какъ оно выработано Ньютономъ. Тогда тотъ и былъ бы великимъ творцомъ понятія тяготѣнія. Предлагаю многоуважаемому П. И. Аландскому осчастливить насъ всѣхъ, не ожидая будущихъ успѣховъ наукъ, и *на самомъ дѣлѣ* изложить то содержаніе будущаго понятія о мірѣ, въ которое онъ прозрѣлъ чудеснымъ образомъ.

На стр. 157 сказано:

(№ 16) „Когда нашъ первоначальный концептъ міра, весь сырой матеріалъ, данный ощущеніями, будетъ обработанъ во всемъ объемѣ такъ, какъ теперь пока онъ обработанъ лишь въ очень незначительной долѣ, міръ будетъ мыслится нами, какъ цѣлое, состоящее изъ нѣсколькихъ частей, или основныхъ процессовъ, способныхъ переходить или замѣщать другъ друга въ опредѣленномъ количественно отношеніи, существующихъ одновременно и вслѣдствіе этого представляющихся

намъ въ безчисленныхъ и разнообразныхъ сочетаніяхъ въ видѣ безконечной вереницы дѣйствительныхъ и возможныхъ группъ ощущеній".

Въ этомъ мудреномъ словоизліяніи для меня понятно только одно, что *теперь* „нашъ первоначальный концептъ, весь сырой матеріалъ" и пр. еще не обработанъ „во всѣмъ объемѣ", но что будетъ обработанъ *когда то*. Далѣе я вижу, что *теперь* „міръ" еще не мыслится „какъ цѣлое", а только нѣкогда „будетъ мыслиться" какъ такое. Наконецъ я вижу, что на этомъ рѣшеніи все таки не хочетъ помириться авторъ и тутъ же излагаетъ, для меня совсѣмъ невразумительно, *какъ будетъ* нѣкогда мыслиться міръ, какъ цѣлое. На это я скажу все одно и тоже: если вы знаете *какъ* онъ будетъ мыслиться, то eo ipso вы утверждаете, что онъ мыслится *такъ* и въ настоящемъ, ибо вы уже мыслите его теперь такъ-то и такъ-то.

Но не подумаетъ читатель, не знакомый самолично съ статьей: „Философія и наука", что между выписками предложенъ ключъ къ пониманію этихъ темныхъ цитатъ. Никакого ключа нѣтъ, а разжевывается, прессуется, обработывается все тотъ же „трудно носимый и ни къ чему не пригодный матеріалъ — концептъ"; то онъ, по словамъ автора, разлагается на части, то сводится къ чему-то простому. Иногда для разнообразія авторъ обращается къ разнымъ постороннимъ предметамъ, напр., на стр. 155, Богъ знаетъ для чего, переводитъ „фактъ соотношенія физическихъ силъ на психологическій языкъ" притомъ переводитъ такъ, что въ переводѣ „фактъ" становится еще непроницаемѣе, чѣмъ въ оригиналѣ. Точно также на стр. 157 авторъ щеголяетъ новою теоріею причинности, теоріею, которая, сколько мнѣ извѣстно, принадлежитъ англійскому ученому, Бену и излагается, напр., въ его логикѣ. Разумѣется, изложеніе этой теоріи на полстраницѣ *) не отличается особою ясностью, такъ что только знакомый съ нею ex ipsa fonte можетъ понять, о чёмъ идетъ рѣчь.

Утомительное блужданіе наше въ концептѣ міра П. И. Аландскаго я считаю нужнымъ заключить слѣдующими положеніями.

1) То, что мы приняли сначала за бомбу, оказалось фейерверочною ракетою, которая даже не могла сразить и ту тѣнь, которую авторъ „Философіи и науки" принялъ за опредѣленіе понятія міра.

2) Никакого концепта міра, построеннаго будто бы безъ помощи

*) Въ логикѣ Бена изложеніе этой теоріи занимаетъ цѣлую главу.

философіи онъ намъ *не далъ*, а потому приглашеніе „различить черты“ въ томъ, чего не существуетъ, я считаю невыполнимымъ. Отсюда очевидно, что два вопроса, поставленные мнѣ на стр. 158, должны остаться безъ отвѣта, ибо отвѣтъ этотъ могъ бы состояться только тогда, когда „концептъ міра“ былъ бы данъ и когда можно было бы „различить“ въ немъ какія либо „черты“.

3) Если же, по П. И. Аландскому, и построится въ далекомъ будущемъ какой то quasi не философскій концептъ міра, то, судя по вышеразобраннымъ его собственнымъ выраженіямъ (см. цит. № 8) для этого потребуются *особые научные акты*, которые должны будутъ составить особую спеціальность, если вообще научная дѣятельность сохранитъ настоящее состояніе спеціализаціи.

4) Такъ какъ, судя по опыту вѣковъ, обладаніе понятіемъ міра составляло насущную *потребность культурнаго человѣчества*, то оно, вѣроятно, не станетъ ждать, пока построится патентованный, не философскій концептъ міра, и, по проторенной дорогѣ, будетъ обращаться за понятіемъ міра къ философіи.

5) Изъ вышеизложенныхъ положеній само собою слѣдуетъ, что всѣ обильно разсыпанныя рѣчи почтеннаго моего оппонента о ненужности философіи, о постройкѣ концепта міра безъ философіи и пр. суть *пустыя слова*, никого и ничего не опровергающія.

Желая, чтобы въ слѣдующій разъ мой уважаемый оппонентъ не сражался съ тѣнями, я позволю себѣ указать ему на то, на что въ моей книжкѣ встрѣчались только намеки, а именно, на вопросы, которые ставитъ себѣ философская теорія міра.

Въ краткой формулировкѣ важнѣйшіе изъ нихъ суть слѣдующіе:

1) Тождественны или нѣтъ *бытіе и міръ*, т. е., покрывается ли понятіе перваго понятіемъ послѣдняго?

2) Что такое міръ по своей сущности, т. е., что есть *сущность* всѣхъ вещей, явленій, входящихъ въ міръ?

3) *Единое* или *многое* составляетъ послѣднее начало міра?

4) *Конеченъ* или *безконеченъ* міръ въ основныхъ формахъ его существованія (напр., въ пространствѣ, времени)?

5) Существуетъ ли *единый законъ*, обнимающій цѣлый міровой процессъ, или нѣтъ?

6) Должно ли видѣть какой либо *смыслъ* въ міровомъ процессѣ, или, иначе доступенъ ли міръ для разсмотрѣнія съ точки зрѣнія *цѣли?*

7) Какова *цѣнность* міра и міроваго процесса?

Посильное рѣшеніе этихъ вопросовъ представляла въ теченіи вѣковъ философія, всегда опиравшаяся на частныя науки и вмѣстѣ съ ними развивавшаяся. Отъ того или другаго рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ, а особенно двухъ послѣднихъ зависитъ установка теоріи нравственности (впрочемъ объ этомъ будетъ ниже).

Наконецъ я желаю подвергнуть ударамъ многоуважаемаго П. И. Аландскаго подлинное мое опредѣленіе понятія міра, которое не было высказано въ моей книгѣ и за которое онъ принялъ какую то тѣнь.

Изъ направленій современной философіи я считаю основательнѣйшимъ то направленіе, которое вышло непосредственно изъ Канта въ лицѣ сначала Фихте, а потомъ главнымъ образомъ Шопенгауера и отчасти Шеллинга. Рѣзче, яснѣе и основательнѣе это направленіе формулировано было Шопенгауеромъ. На основаніяхъ, положенныхъ имъ, это направленіе, которое можно назвать *философіею воли*, развивается и до сего дня какъ въ ширину, такъ и въ глубину и имѣетъ не мало представителей не только въ сферѣ спеціально философской, но и въ сферѣ другихъ наукъ.

Вотъ опредѣленіе понятія міра съ точки зрѣнія философіи воли: Міръ есть бытіе, проявляющееся какъ воля, хотѣніе. Само собою разумѣется, что здѣсь не мѣсто развивать это опредѣленіе, но въ развитіи его заключались бы отвѣты на всѣ вышеозначенные вопросы.

Для наполненія рубрики мы теперь направимся къ разбору другихъ пунктовъ статьи: „Философія и наука“.

Приглашаю читателя посмотрѣть, какъ П. И. Аландскій атакуетъ одну изъ старинныхъ маетностей философіи,

Понятіе пространства. Когда я говорилъ въ „Фил. этюд.“ о томъ, что кромѣ главной цѣли, построенія понятія міра, философія по дорогѣ выполняетъ и другую, т. е., является въ роли наукословія, то подробное развитіе этого положенія отложилъ до одной изъ будущихъ частей моего труда (см. цитату № 2). Но мимоходомъ я все таки высказался объ этой роли и въ этой первой части моего труда, именно, въ слѣдующихъ словахъ. На стр. 48 и 49 „Фил. этюд.“ мною сказано:

(№ 17). „Философія является регулирующимъ началомъ въ наукахъ, какъ скоро идетъ рѣчь о связи между предметами нѣкоторыхъ или всѣхъ въ данное время существующихъ наукъ: помимо вопроса объ

этой связи каждая наука независима отъ философіи и находится только подъ контролемъ логики. Но такъ какъ вопросъ о связи предмета одной науки съ предметомъ другой есть дѣло вполнѣ естественное, то отсюда всегда естествененъ выходъ изъ каждой науки въ философію. Далѣе, философія является регулирующею наукою (т. е. наукословіемъ) въ слѣдующемъ отношеніи. Нѣтъ той науки, которая въ самомъ началѣ своемъ не принимала бы въ себя понятій, предполагающихся ясными и извѣстными (напр. матерія, пространство, время, движеніе и пр.), а потому и не изслѣдуетъ ихъ. Какъ показываетъ опытъ, каждая наука можетъ существовать и дѣлать свое дѣло, оперируя надъ этой частной матеріей, этимъ частнымъ пространствомъ, этимъ родомъ движенія и не задаваясь вопросомъ, что они такое вообще. Но едва только объединяющая дѣятельность ума станетъ связывать содержаніе наукъ въ одно цѣлое, т. е., строить понятіе міра, то потребность дать отчетъ въ этихъ понятіяхъ становится неотразимою. Удовлетворяя такъ или иначе этой потребности, философія ео ipso неизбѣжно, по самой сущности дѣла, дополняетъ каждую науку, уясняя то, что въ каждой наукѣ стояло въ тѣни и что, между тѣмъ, было весьма важно не *для науки, какъ такой*, а для духа человѣческаго въ его цѣломъ, въ которомъ только и *есть* каждая наука, какъ часть. Здѣсь опять философія выступаетъ въ роли наукословія".

Эти неподкрѣпленныя обстоятельнымъ развитіемъ и объясненіемъ мои положенія и сдѣлались предметомъ усиленныхъ нападеній со стороны моего оппонента. Нападеніе сдѣлано въ два пріема: сперва по по поводу положеній съ начала цитаты до словъ: „далѣе философія является" и пр., потомъ по поводу положеній, начинающихся со словъ: „какъ показываетъ опытъ" и пр. до конца. Относительно перваго нападенія рѣчь будетъ впереди, а вторымъ займемся тотчасъ же.

Само собою разумѣется, что дѣло не обошлось безъ *недомолвочки*. Цитируя въ своемъ разборѣ это мѣсто изъ моей книги авторъ „Философіи и науки" начинаетъ цитату не съ важнѣйшаго и достаточно *объясняющаго* все дѣло предложенія, именно не со словъ: „нѣтъ той науки" и пр., а со словъ: „какъ показываетъ опытъ" и пр. (см. Ф. и Н. стр. 142 и 143).

До того естественно связано пропущенное предложеніе съ остальными слѣдующими, что безъ него они, очевидно, являются какъ бы туловищемъ безъ головы. По этому есть большая вѣроятность, что про-

пущено оно было не безъ умысла, который мы и попытаемся вскрыть. Заключительныя слова цитаты изъ моей книги: „здѣсь опять философія выступаетъ въ роли наукословія“, авторъ сопровождаетъ слѣдующими соображеніями: (Фил. и нау стр. 143).

(№ 18). „Я думаю, что и эта роль не принадлежитъ ей, потому что занята и съ успѣхомъ можетъ быть выполнена наукой и именно уже установившимися ея вѣтвями, между которыми нѣтъ философіи. Мой многоуважаемый противникъ къ сожалѣнію не разъяснилъ подробно, что онъ разумѣетъ подъ выраженіемъ: дать отчетъ въ понятіяхъ, соединяемыхъ съ словами матерія, пространство, время, движеніе и пр. между тѣмъ пока ясно и точно не опредѣленъ смыслъ этого выраженія, нельзя рѣшить, на комъ лежитъ обязанность дать такой отчетъ, на наукѣ или на философіи“.

Ясно, что автору нужно было сперва *постпювать* что „не разъяснилъ я подробно“, что разумѣю подъ выраженіемъ: дать отчетъ въ понятіяхъ: пространство, матерія и пр., а потомъ пуститься въ *произвольныя предположенія* о моемъ разумѣніи. Кажется, что почтенный авторъ чувствовалъ, что не совсѣмъ ловко было бы и предаваться сѣтованіямъ, и строить предположенія, если бы цитата изъ моей книги начиналась предложеніемъ: „нѣтъ ни одной науки“ и пр. Предложеніе это, хотя и не „разъясняетъ подробно“, что я разумѣю подъ выраженіемъ: „дать отчетъ“ и пр., но человѣку, въ „школѣ и университетѣ удѣлявшему не мало времени на чтеніе твореній великихъ умовъ“, достаточно указываетъ, въ какомъ смыслѣ философія изслѣдуетъ понятія: пространство, время, матерія, движеніе и пр. Неужели П. И. Аландскому нужно было подробное разъясненіе того факта, что общія идеи или понятія: пространства, времени, движенія, силы, причины, субстанціи и пр., составляютъ conditio sine qua non не только научнаго, но и обиходнаго познанія и мышленія и что ни одно представленіе не можетъ *состояться* безъ того, чтобы къ нему не привходили этѣ идеи? Далѣе неужели моему оппоненту, „не мало времени удѣлявшему великимъ умамъ“, нужно подробно разъяснять, что *силы* этихъ *умовъ* были главнымъ образомъ потрачены на изслѣдованія сущности этихъ идей, ихъ объективнаго или субъективнаго значенія и на устраненіе противорѣчій, которыя возбуждаютъ онѣ въ мышленіи вообще и въ особенности при постройкѣ понятія о мірѣ? Наконецъ неужели онъ сомнѣвается въ томъ, что всѣ, напр., естественныя науки, необходимо пользуясь этими идеями, не только не задаются во-

просами о сущности этихъ идей или объ ихъ объективной реальности, но и о происхожденіи ихъ въ нашемъ сознаніи? Напротивъ этѣ идеи составляютъ для нихъ необходимое предположеніе, безъ котораго онѣ шагу ступить не могутъ. Не далеко ушли бы науки, изучающія законы движенія матеріи въ массахъ или частицахъ, если бы онѣ прежде всего задались разрѣшеніемъ вопроса, что такое движеніе въ своей сущности, или какъ понять его реальность, не зависимо отъ нашего чувственнаго созерцанія, знающаго движеніе, какъ перемѣну мѣста одними предметами относительно другихъ.

И такъ, заключаю я, если бы мой уважаемый оппонентъ, не смотря на „чтеніе твореній великихъ умовъ“, все таки простодушно недоумѣвалъ относительно смысла, „въ какомъ я употребляю выраженіе: дать отчетъ въ понятіяхъ пространство, время и пр.“, то всего естественнѣе ему было бы спросить у меня объясненій и спокойно *подождать* ихъ. Но такъ какъ онъ поспѣшилъ сдѣлать предположенія на счетъ моего разумѣнія и, на основаніи анализа этихъ предположеній, сдѣлать невыгодныя для философіи заключенія, то я не могу отрѣшиться отъ подозрѣнія, что главнымъ интересомъ для моего почтеннаго оппонента было не выясненіе дѣла, а *вылазка* противъ философіи по поводу понятія пространства. При этомъ недомолвочка оказывается полемической стратагемой и получаетъ естественное объясненіе.

Но какъ бы то ни было, вылазка сдѣлана, надобно ее отразить. Прежде всего опишемъ, въ чемъ она состоитъ.

Авторъ „Философіи и науки“ дѣлаетъ предположеніе, что я подъ наукою, „которая оперируетъ надъ этимъ частнымъ пространствомъ“, разумѣлъ „нашу геометрію“ которая, по мнѣнію почтеннаго автора, есть наука о частномъ пространствѣ 3-хъ измѣреній, и которую должно отличать отъ другой „*геометріи n измѣреній*“ (должно быть, *не нашей*!) Къ крайнему моему сожалѣнію, я долженъ сказать, что почтенный авторъ сдѣлалъ неудачное предположеніе! „Разумѣніе“ мое было вовсе не такъ *замысловато* и много скромнѣе, а именно я просто имѣлъ въ виду, что всякая наука разумѣетъ изслѣдуемые ею объекты, какъ находящіеся въ пространствѣ. Изслѣдуя пространственныя отношенія, въ которыхъ находятся объекты той или другой науки, она необходимымъ предположеніемъ имѣетъ *данное частное пространство*, напр., астрономія то чудовищныхъ размѣровъ пространство, которое какъ бы ограничено видимыми небесными тѣлами, геологія пространство земной

планеты, метеорологія пространство, занимаемое атмосферной оболочкой земнаго шара, и т. п. Всѣ эти науки, какъ я думаю, безъ предположенія какого либо *этого*, т. е., даннаго частнаго пространства не могли бы вовсе оперировать, хотя рѣшительно не задумываются о томъ, что такое пространство вообще, есть ли оно реальность о себѣ, есть ли оно свойство вещей и пр.

Но этого мало! Если бы въ то время, какъ мысль моя о частномъ пространствѣ принимала такой не замысловатый видъ, если бы, говорю я, и вздумалось мнѣ о такъ называемомъ пространствѣ, n—измѣреній, то навѣрное могу сказать, что мысль моя не приняла бы того хода, который гадательно начертанъ для нея многоуважаемымъ оппонентомъ. Прежде всего я сробѣлъ бы передъ такой мудреной вещью, какъ метаматематическія спекуляціи о пространствѣ n—измѣреній, во вторыхъ я крѣпко сомнѣваюсь, чтобы *геометрія* была *наукою о пространствѣ*, какъ думаетъ мой оппонентъ. Въ курсахъ геометріи чаще всего встрѣчаешь такое опредѣленіе: геометрія есть наука объ *измѣреніи* пространства или объ *измѣреніи* протяженія, или же геометрія есть наука о *свойствахъ протяженій*. Наконецъ, помнится, есть и такое: геометрія есть наука о *пространственныхъ отношеніяхъ*. Во всякомъ случаѣ геометрія не есть наука о пространствѣ. Она не только не есть наука о пространствѣ, но также, какъ и другія науки, имѣетъ пространство своимъ необходимымъ *предположеніемъ*. Представленіе безграничнаго и безконечно дѣлимаго пространства съ тремя измѣреніями вовсе не есть результатъ геометрическихъ изслѣдованій, какъ то было бы въ томъ случаѣ, если бы она была наукою о пространствѣ; напротивъ оно есть необходимое предположеніе, безъ котораго геометрія не могла бы установить свои основныя опредѣленія.

Считаю не безполезнымъ сослаться на такой авторитетъ, который и вообще въ данномъ случаѣ вполнѣ компетентенъ, но еще болѣе долженъ имѣть особую силу для моего многоуважаемаго оппонента. Это именно тотъ самый О. Контъ, котораго П. И. Аландскій призналъ своимъ руководителемъ въ такомъ капитальномъ воззрѣніи, какъ воззрѣніе на связь наукъ. Вотъ что говоритъ О. Контъ ipsissimis verbis: On définit communément la géometrie d'une manière tres vague et tout à fait vicieuse, en se bornant à la représenter comme la *science de l'étendue*. Il conviendrait d'abord d'ameliorer cette définition, en disant, avec plus de prècision, que la géometrie à pour objet la *mesure* de

l'étendue. Mais une telle explication serait, par elle méme, fort insuffisante, bien qu'au fond, elle soit exacte*). (Cours. I, 258).

Далѣе Контъ объясняетъ, какъ нужно понимать терминъ: протяженіе; и такъ какъ это объясненіе для насъ не безполезно, то я и изложу его. Протяженіе, измѣреніемъ котораго занимается геометрія, не есть, по Конту, то протяженіе, которое реализуется тѣлами въ природѣ и которое разсматривается въ отвлеченіи отъ другихъ свойствъ тѣлъ. Геометрія изучаетъ не только это протяженіе, но и вообще всѣ возможныя протяженія, а для этого, по Конту, геометрія, пользуется *идеею* пространства (notion de l'espace), „на которое мы смотримъ, какъ на неопредѣленную среду, заключающую въ себѣ всѣ тѣла вселенной“ (I, 258). При этомъ Контъ кратко излагаетъ свое мнѣніе (по моему, несостоятельное, замѣчу я мимоходомъ) о природѣ пространства и происхожденіи понятія о немъ въ сознаніи, но для насъ это мнѣніе не важно, да и самъ Контъ считаетъ вопросъ о томъ дѣломъ второстепеннымъ. Важно для насъ слѣдующее положеніе Конта: „Au contraire en concevant l'étendue dans *l'espace* l'esprit humain peut envisager toutes les formes quelconques imaginables, ce qui est indispensable pour donner à la géometrie un caractère entièrement rationnel“ **) (I, 259—260).

И такъ, что же мы видимъ при „свѣтѣ указаній“, данныхъ намъ О. Контомъ, во первыхъ спеціалистомъ математикомъ, а во вторыхъ вообще сильнымъ мыслителемъ?

1) Видимъ, что геометрія есть наука не о пространствѣ, но объ *измѣреніи протяженія* во всевозможныхъ его формахъ и 2) видимъ, что для выполненія своей задачи геометрія протяженіе полагаетъ въ нѣкоей неопредѣленной средѣ, пространствѣ; иначе говоря, для геометріи пространство составляетъ необходимое предположеніе. 3) Я поз-

---

*) Обыкновенно опредѣляютъ геометрію весьма не ясно и не точно, называя ее *наукою о протяженіи*. Прежде всего можно поправить это опредѣленіе, выразивъ его яснѣе: геометрія имѣетъ своимъ предметомъ *измѣреніе* протяженія. Но и это поясненіе все еще недостаточно, хотя, въ сущности, оно представляетъ точное опредѣленіе.

**) Напротивъ, представляя протяженіе въ пространствѣ, умъ человѣческій можетъ обозрѣть всѣ формы (протяженія), какія только могутъ быть вообразимы; и только эта возможность даетъ геометріи вполнѣ раціональный характеръ.

волю себѣ сдѣлать предположеніе что, можетъ быть, Контъ нашелъ бы, что *философія нужна* хотя бы для того, чтобы не смѣшивать такихъ различныхъ понятій, какъ пространство и протяженіе.

Теперь предстоитъ мнѣ вслѣдъ за авторомъ „Философіи и Науки“ сдѣлать скачекъ въ таинственное пространство и геометрію n—измѣреній? По не компетентности своей въ этой области я позволю себѣ высказать только нѣкоторыя сомнѣнія, возбуждаемыя во мнѣ воззрѣніями моего почтеннаго оппонента на этотъ предметъ.

1) Я сомнѣваюсь, чтобы можно было „принимать пространство трехъ, четырехъ, пяти и болѣе измѣреній за *виды* пространства вообще“ (стр. 144), какъ выражается П. И. Аландскій. Мнѣ кажется, что въ понятіяхъ, которыя выработаны разными представителями этой новой геометріи или пангеометріи, видовыми понятіями пространства вообще можно назвать лишь понятія о пространствѣ разныхъ *мѣръ кривизны* (Krummungsmaass). Хотя пространства иной мѣры кривизны, чѣмъ наше плоское пространство, суть для насъ только абстракціи, но все таки они суть пространства трехъ измѣреній, а потомъ и самое понятіе мѣры кривизны основано на нашемъ данномъ пространственномъ созерцаніи, слѣдовательно, связь этихъ понятій съ нашимъ интуитивнымъ пространствомъ не нарушена. Но пространства 4, 5, 10 и 15 измѣреній суть для насъ не пространства, а какіе то *значки*, подобно мнимымъ величинамъ. Что математиками могутъ быть отвлеченно мыслимы: трехъ—четырехъ—пяти—n—*протяженная многоразличность* (drei—vier—funf—n—fache ausgedehnte Mannifaltigkeit — по терминологіи Римана и Гельмгольца)—, изъ того не слѣдуетъ, чтобы мы называли ихъ пространствомъ, признаки котораго рѣзко опредѣлены въ нашемъ созерцаніи *in concreto*. Если же мы и знаемъ, что одному изъ этихъ понятій, именно трехъ протяженной многоразличности, соотвѣтствуетъ наше пространство 3-хъ измѣреній—то это мы знаемъ, потому что сами же мы въ *аналитической геометріи* отвлеклись отъ конкретнаго созерцанія пространственныхъ измѣреній и замѣнили ихъ отвлеченными алгебраическими величинами. Не будь этого обстоятельства, то и понятіе 3-хъ протяженной многоразличности не означало бы для насъ непремѣнно пространство, а просто означало бы какое то *нѣчто*, которое во всякое время точно опредѣляется тремя независимо другъ отъ друга измѣняющимися величинами. Тѣмъ болѣе понятіе пяти, шести и т. д. протяженной многоразличности можетъ быть мыслимо, какъ какое-то *нѣчто*,

которое во всякое время точно опредѣляется 5, 6 и т. д. независимо другъ отъ друга измѣняющимися величинами. И такъ, я позволяю себѣ сомнѣваться, чтобы можно было, выражаясь точно, говорить о пространствѣ 5, 15 и т. д. измѣреній, ибо кромѣ смѣшенія понятій никакой пользы отъ этихъ выраженій не будетъ. Мнѣ кажется, что если бы мы даже, при посредствѣ метафизической фантастики, и предположили, что этимъ чисто умозрительнымъ понятіямъ соотвѣтствуютъ въ трансцендентномъ бытіи какія либо непостижимыя для насъ реальности, то и тутъ нѣтъ никакой причины предполагать скорѣе пространственныя измѣренія, чѣмъ что либо другое.

2) Я еще болѣе сомнѣваюсь, что, какъ говоритъ П. И. Аландскій „геометрія n—измѣреній будетъ въ состояніи *дать отчетъ* въ томъ, что такое пространство вообще, именно, она установитъ общія его свойства и извлечетъ выводы вытекающія изъ этихъ свойствъ“ (стр. 144). Судя по формѣ рѣчи, теперь еще этого нѣтъ; но я рѣшительно не могу постичь, какъ это *будетъ;* а потому остается пока припять слова моего почтеннаго оппонента за пророчество. Признаюсь, отчаяннѣйшіе метафизики—философы не позволяли себѣ входить въ такія трансцендентныя сферы, въ какихъ самымъ вольнымъ аллюромъ разгуливаетъ П. И. Аландскій будто при помощи такой точной науки, какъ математика. Остается только ждать, что онъ со временемъ объявитъ, что какая либо *будущая алгебра* откроетъ, что значитъ корень квадратный изъ минусъ одного фунта чаю!

Наконецъ 3) я окончательно не могу прійти въ себя отъ изумленія при слѣдующихъ затѣмъ словахъ автора „Философіи и Науки“: „Пространство, (т. е. пространство вообще) какъ *познаваемая реальность*, какъ нѣчто такое, что нами принимается за всеобщее свойство *тѣлъ* будетъ предметомъ этой геометріи (т. е. геометріи n—измѣреній)“ (стр. 144). Здѣсь уже явно авторъ не только входитъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, но просто предается метафизическому неистовству. Самъ на предъидущей страницѣ (143) объявилъ, что „мы не можемъ *представить* или *вообразить* себѣ пространство, имѣющее болѣе трехъ измѣреній, а тутъ утверждаетъ, что пространство вообще, т. е. 5, 6, 20, n —измѣреній есть „*познаваемая реальность*“. Далѣе я, конечно, не могу согласиться, чтобы и наше пространство 3-хъ измѣреній было общимъ свойствомъ тѣлъ, для меня опять таки здѣсь очевидное смѣшеніе авторомъ понятій протяженія и пространства. Но непостижимѣе

всего для меня то, какъ узналъ авторъ, что *пространство вообще*, пространство n—измѣреній есть общее свойство тѣлъ!! Не ужели же онъ. спрашиваю я себя, проникнулъ умственными очами въ тѣла, наполняющія пространство n—измѣреній, не ужели онъ постигаетъ *фигуры* булыжниковъ или даже кирпичей n'—измѣреній?!!

Подлинно, скажу я въ заключеніе. что до такихъ чудныхъ вещей можно дойти только безъ *помощи* философіи!...

Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ разсмотрѣнію другого рода предположеній, которыя дѣлаетъ мой почтенный оппонентъ о значеніи моего выраженія: „дать отчетъ въ понятіи пространства“. Именно смыслъ этого выраженія можетъ быть „психологическимъ“; и авторъ обозрѣваетъ нѣсколько психологическихъ точекъ зрѣнія на происхожденіе въ нашемъ сознаніи идеи пространства. Я согласенъ съ моимъ уважаемымъ оппонентомъ, что психологія изслѣдуетъ происхожденіе понятія пространства, времени, матеріи и пр. въ нашемъ сознаніи, хотя я во многомъ не могу согласиться съ его изложеніемъ различныхъ психологическихъ теорій объ идеѣ пространства. Но я освобожу какъ себя, такъ и читателя отъ не легкаго разбора этого изложенія, также не блистающаго ясностью и точностью. Я остановлюсь только на заключительныхъ положеніяхъ автора, направленныхъ противъ философіи. Указавъ на одно возможное психологическое объясненіе происхожденія въ нашемъ сознаніи понятія о пространствѣ, потомъ на другое, авторъ говоритъ: „Фил. и Науки“ стр. 147.

(№ 19) „Въ такомъ случаѣ (т. е. и въ случаѣ втораго психологическаго объясненія происхожденія идеи пространства) объясненіе нашего понятія о пространствѣ было бы опять дѣломъ психологіи. Сказать рѣшительно, что у нея найдутся всѣ средства для такого объясненія, я не осмѣливаюсь; но, спрашивается, какими средствами рѣшитъ философія ту задачу, предъ которой окажется безсильною наука о сознаніи. Гдѣ у философіи свои источники и свои пріемы познанія, которые были бы недоступны психологіи? Пока нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ, я не вижу, почему нашей потребности дать отчетъ въ понятіи о пространствѣ могла бы удовлетворить только философія“.

Какъ видно изъ этой цитаты, П. И. Аландскій оподозрилъ меня, что я посягнулъ на законныя права психологіи; и онъ выступилъ защитникомъ оныхъ. Но, какъ уже о томъ было упомянуто выше, я не только *отличаю* философію отъ психологіи (см. цит. № 3), но и по-

нимаю эту послѣднюю въ томъ же смыслѣ, въ какомъ и мой антагонистъ. На стр. 73 „Фил. этюд.“ прямо сказано мною, что „ученіе о сознаніи составляетъ психологію“. Значитъ, главное дѣло для моего оппонента состояло не въ защитѣ психологіи, на которую никто не посягалъ, а опять таки въ отрицаніи философіи на томъ основаніи, что психологія занимается объясненіемъ идей: пространства, времени, движенія и пр. Но тѣмъ не менѣе существованіе психологіи нисколько не исключаетъ философіи. Одни и тѣ же предметы онѣ разсматриваютъ въ разныхъ отношеніяхъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія. Такъ и *понятіе пространства* съ одной стороны и въ *одномъ отношеніи* изслѣдуетъ психологія, съ другой и *въ другомъ отношеніи* философія. Но прежде чѣмъ указать на это различіе относительно понятія пространства, я считаю нужнымъ привести мнѣнія *европейскихъ авторитетовъ* въ области психологіи, которые нисколько не отрицаютъ философіи и признаютъ ее рядомъ съ своей наукой. Я считаю это нужнымъ, потому что въ нашемъ отечествѣ, гдѣ вообще смутны представленія объ обѣихъ наукахъ, довольно обычно мнѣніе, что философія собственно была когда-то только психологіей и что за выдѣленіемъ послѣдней въ ней ничего не осталось. Такое мнѣніе высказываемо было даже и представителями отечественной психологіи.

Приводя мнѣнія европейскихъ авторитетовъ, начнемъ съ старѣйшаго.

1) *Лотце*, который былъ самъ вкладчикомъ въ одну изъ психологическихъ теорій пространственнаго воспріятія, не только признаетъ рядомъ обѣ науки, но именно слѣдующимъ образомъ разграничиваетъ отношенія психологіи и философіи къ идеѣ пространства. На стр. 584 Микрокосмоса (т. 3 пер. Корша) мы читаемъ:

„Психологическія изслѣдованія о томъ, какъ возникаетъ въ насъ созерцаніе пространственнаго, или какъ оно вовсе не возникаетъ, а напротивъ изначала прирождено нашей душѣ, не могутъ дать отвѣта на вопросъ о существованіи пространственнаго міра. Только метафизическое соображеніе, какого рода дѣйствительность можетъ принадлежать пространству, вслѣдствіе того, что оно мыслится такъ, а не иначе, соображеніе, чѣмъ выйдетъ тогда пространство или что будетъ оно означать,—одно только это соображеніе способно окончательно установить его идеальность или реальность“.

Очевидно, что Лотце (который, надобно замѣтить, не только философъ, психологъ, но и естествовѣдъ и математикъ) на долю психо-

логіи относитъ изслѣдованіе о возникновеніи въ сознаніи пространственнаго созерцанія, а на долю философіи или метафизики изслѣдованіе о его реальности (т. е. его внѣшнемъ существованіи, независимомъ отъ нашего сознанія), или идеальности (или только формальномъ существованіи въ духѣ).

2) *Вундтъ*, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ представителей психологіи, который, по собственному его признанію, „почти не зная того и не желая", приведенъ былъ отъ естествовѣденія къ философіи (см. его рѣчь 1874 г. въ Цюрихѣ „Ueber die Aufgabe der Philosophie in der Gegenwart), въ другой своей рѣчи 1875 г. въ Лейпцигѣ (Ueber den Einfluss der Philosophie auf die Enfahrungs wissenschaften — О вліяніи философіи на опытныя науки), говоритъ слѣдующее объ отношеніи философіи къ психологіи:

„Такъ какъ мы дѣлимъ опытъ на внѣшній и внутренній, то естествовѣдѣніе и психологія образуютъ двѣ самыя общія опытныя науки. Какъ ни близко къ философіи стоитъ психологія и по ея исторіи и по природѣ ея проблеммъ, но тѣмъ не менѣе для современныхъ научныхъ цѣлей весьма удобно ее (т. е. психологію) вмѣстѣ съ естествовѣдѣніемъ противопоставить философіи. Естественное взаимодѣйствіе этой послѣдней съ первыми бываетъ двухъ родовъ. Съ одной стороны области, принадлежащія, въ тѣсномъ смыслѣ, къ теоретической философіи, логика, теорія познанія и метафизика, испытываютъ вліяніе психологіи и естественныхъ наукъ. Исторія философіи почти на каждой страницѣ своей свидѣтельствуетъ о широкомъ вліяніи, которое производили психологія и естественныя науки на метафизическія понятія; и изученіе исторіи индуктивныхъ наукъ становится особенно привлекательнымъ, если мы будемъ слѣдить за метафизическими идеями, которыя развивались въ этихъ наукахъ и служили какъ-бы предвѣстниками цѣлыхъ философскихъ системъ. Но чѣмъ болѣе мы въ настоящее время вправѣ сочувствовать вліянію опыта по философію, тѣмъ болѣе своевременно обратить особое вниманіе на то, какъ съ другой стороны, именно, въ наше время, философія поддерживаетъ свое старое вліяніе между опытными науками". (Стр. 5—6).

Въ чёмъ и какъ проявляется вліяніе философіи на психологію и естествовѣдѣніе, то излагаетъ Вундтъ далѣе въ своей рѣчи, къ которой и можетъ обратиться любопытный читатель. Я же только отмѣчу, что извѣстный психологъ не только допускаетъ философію при психологіи, но и признаетъ естественную ихъ связь и взаимодѣйствіе.

3) *Горвицъ* психологъ, имя котораго, въ слѣдствіе его замѣчательнаго труда: „Psychologische Analysen“, получило извѣстность не только въ Германіи, но въ Англіи и Франціи, по поводу спора своего съ Фолькельтомъ, однимъ изъ его критиковъ, говоритъ слѣдующее:

„Съ полнымъ сознаніемъ я говорю, что психологія, наравнѣ съ другими спеціальными науками, должна заимствовать у философіи самыя общія начала и основныя понятія, какъ—то: тождество, законъ противорѣчія, причинность и т. д. Безъ таковыхъ тихомолчныхъ предположеній не возможенъ напростѣйшій опытъ, не говоря уже о цѣлой опытной наукѣ. Конечно, при этомъ оказывается нѣчто противорѣчивое въ отношеніяхъ метафизики къ психологіи, потому что съ одной стороны послѣдняя опирается на первую, а съ другой психологія должна быть основной наукой для всяческой философіи. Объ этомъ противорѣчіи я безъ обиняковъ высказался на 167 стр. моихъ „Анализовъ“ *). Науки никогда не стоятъ въ такомъ простомъ отношеніи, чтобы можно было изъ одной точки соорудить цѣлую пирамиду наукъ. Если бы дѣло стояло такъ, что, не окончивши изученія метафизики, нельзя было бы понять опытную науку, то вовсе никогда нельзя было бы прійти къ знанію. Вѣдь, и метафизика въ свою очередь несомнѣнно предполагаетъ весь матеріалъ нашихъ опытныхъ наукъ. Это было бы похоже на то, какъ если бы кто, по выраженію Спинозы, хотѣлъ доказать, что невозможно ковать желѣзо, потому что для этого нуженъ молотокъ, который въ свою очередь долженъ быть выкованъ. Такимъ образомъ неизбѣжно приступать къ опытнымъ наукамъ съ полученными по преданію, несовершенными и только на половину понятыми, но все таки полезными и во всякомъ случаѣ необходимыми основными понятіями и потомъ уже на основаніи результатовъ тѣхъ опытныхъ наукъ снова обратиться къ изученію основныхъ понятій“ (Philosophische Monatshefte 1873, IX Band, 343—344).

Совершенно вѣрная у Горвица характеристика отношеній философіи къ психологіи и другимъ наукамъ, очевидно, не только не отрицаетъ философіи, но и признаетъ ея необходимость и для психологіи, и для другихъ наукъ.

Но если моему уважаемому оппоненту не нравятся нѣмцы, то я

---

*) Мѣсто „Психологическихъ Анализовъ“, на которое ссылается Горвицъ, заключаетъ туже мысль, какая слѣдуетъ ниже.

могу ему въ дополненіе сослаться еще и на крупную величину въ англійской психологической наукѣ. Гербертъ Спенсеръ при психологіи признаетъ и философію; и туже самую идею пространства дѣлаетъ предметомъ изслѣдованія какъ въ своей психологіи, такъ и въ „Основныхъ началахъ“, которые составляютъ философскую часть его сочиненій. Въ психологіи онъ изслѣдуетъ происхожденіе этой идеи въ нашемъ духѣ, а въ „Основныхъ началахъ“ изслѣдуетъ вопросъ о природѣ и реальномъ значеніи пространства. (См. Основныя начала, русск. пер. глава III).

При „свѣтѣ указаній“, данныхъ вышеупомянутыми строителями психологіи, мнѣ остается сказать отъ себя уже весьма немногое, а именно:

1) Существованіе психологіи, какъ *науки о сознаніи*, нисколько не мѣшаетъ существованію философіи, какъ *науки о мірѣ* и объ основныхъ формахъ его бытія.

2) Психологія разсматриваетъ *происхожденіе* идей пространства, времени и т. д. на ряду съ другими явленіями сознанія, философія же изслѣдуетъ *значеніе* этихъ идей въ вопросѣ о *дѣйствительномъ бытіи* міра.

3) Психологія въ качествѣ опытной науки изслѣдуетъ *законообразное происхожденіе* всего состава нашего познанія, какъ *данныхъ явленій* духа; философія же поднимаетъ гораздо труднѣйшій вопросъ, а именно о самой *возможности познанія*, или иначе вопросъ о томъ, какъ бытіе становится познаніемъ.

4) Относительно понятія пространства дѣло психологіи объяснить *происхожденіе* его въ духѣ, дѣло философіи рѣшить вопросъ о *реальности* или *идеальности* пространства и о значеніи этого понятія при образованіи понятія о бытіи вообще и о мірѣ.

Что же касается до „источниковъ и пріемовъ познанія“, посредствомъ которыхъ философія выполняетъ свои задачи, то они должны быть извѣстны моему уважаемому оппоненту, если онъ дѣйствительно „въ школѣ и университетѣ удѣлялъ не мало времени чтенію твореній великихъ умовъ“. Если же они ему, не смотря на то, все таки неизвѣстны, то я могу здѣсь указать ему на нихъ только весьма кратко: источники — *высшія понятія и теоріи спеціальныхъ наукъ*; пріемы — *дѣятельность логическаго мышленія*, прилагаемая и въ остальныхъ наукахъ. Вдаваться въ подробности не позволяютъ ни время, ни мѣсто. Во всякомъ случаѣ я имѣю въ виду продолжать начатыя мною изслѣ-

дованія о методѣ философіи, слѣдовательно, надѣюсь высказаться подробно и по поводу настоящаго вопроса.

Что касается до сдѣланной моимъ оппонентомъ вылазки противъ философіи по поводу понятія пространства, то, надѣюсь, она отражена при помощи такихъ надежныхъ союзниковъ, какъ Контъ, Вундтъ, Горвицъ и проч.

Теперь переидемъ къ другимъ пунктамъ.

Теперь мнѣ предстоитъ обратить вниманіе читателя на....

Пророчества П. Н. Аландскаго. Въ предисловіи къ своей книгѣ я высказался, что необходимымъ условіемъ для борьбы съ умственной и нравственной анархіей, которою страдаетъ современное общество и которая отмѣчена была Ог. Контомъ, было бы „единство въ философскомъ міросозерцаніи;“ кромѣ того я высказалъ положеніе, что только „философія можетъ дать основаніе для нравственности.“ Эти положенія высказаны были мимоходомъ и должны составить предметъ особыхъ изслѣдованій. Но тѣмъ не менѣе противъ нихъ направлена цѣлая половина статьи моего многоуважаемаго оппонента.

Съ фактомъ умственной анархіи, „разъѣдающей общественный строй въ самыхъ его основахъ,“ (Ф. и Н. стр. 96) онъ соглашается, но отвергаетъ, чтобы „міросозерцаніе, (которое бы объединило умы), могла дать философія и чтобы философія могла занимать мѣсто въ общей системѣ познаній на правахъ отдѣльной науки“ (Ф. и Н. стр. 96). Положеніе это онъ подкрѣпляетъ соображеніями, которыя я не нахожу удовлетворительными, а потому и не могу оставить безъ возраженій. На стр. 96 Ф. и Н. читаемъ:

(№ 20). Мнѣнія и правила, которыми руководится современное общество въ своей дѣятельности, идутъ изъ двухъ источниковъ. Одна доля ихъ, несравненно меньшая, доставляется знаніемъ, накопленнымъ вѣками и приведеннымъ въ систему общихъ положеній или истинъ науки. Наука сообщаетъ точныя и положительныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ явленіяхъ вселенной, и изъ ея теорій можно извлечь правила, имѣющія такую же роковую силу, какъ и самые законы природы. Отступать отъ такихъ правилъ безнаказанно — нельзя; имъ противиться—безразсудно. Точное знаніе дѣйствительнаго порядка и соотношенія явленій, возбуждаетъ въ нашемъ умѣ ясный и отчетливый образъ всѣхъ бѣдствій, угрожающихъ намъ, если мы не исполнимъ тѣхъ требованій, которыя вытекаютъ изъ этого порядка; этотъ образъ

встрѣчается нами съ полной увѣренностью въ томъ, что онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ неизбѣжному ходу событій, вѣрно предсказываетъ участь, которая ожидаетъ насъ въ случаѣ отступленія отъ требованій, предъявляемыхъ дѣйствительностью."

Въ этой цитатѣ мы встрѣчаемся съ довольно обыкновеннымъ мнѣніемъ, что науки какъ бы непосредственно указываютъ на нормальный и общеобязательный образъ дѣйствій. Между тѣмъ мнѣніе это ошибочно, не смотря на всю иллюзію его кажущейся истины. Иллюзія заключается въ томъ, что независящую отъ субъективнаго настроенія не измѣняемость и тождественность научнаго знанія мы безсознательно смѣшиваемъ съ зависящею отъ нашихъ влеченій и измѣнчивою дѣятельностью, въ которой мы непремѣнно осуществляемъ научные законы. Иными словами, въ этой цитатѣ я усматриваю смѣшеніе *законовъ науки* съ *правилами искусства* или практики. Правила искусства вовсе не имѣютъ „таковой же роковой силы, какъ и самые законы природы." О нарушеніи законовъ природы, излагаемыхъ теоритической наукой, и рѣчи быть не можетъ; нарушать же правила прикладной науки или искусства можно и иногда даже *совершенно безнаказанно.* При этомъ какъ безнаказанное нарушеніе этихъ правилъ, такъ и съ наказаніемъ совершается въ силу тѣхъ же роковыхъ законовъ теоретической науки. Законы природы, напр. физіологическіе, существуютъ независимо отъ нашихъ соображеній, потому что такъ, а не иначе существуютъ явленія, выражаемыя этими законами; правила же искусства, напр. гигіеническія, существуютъ, только благодаря тѣмъ или инымъ *поставленнымъ нами цѣлямъ.* Ни безнаказанно, ни съ наказаніемъ нельзя нарушить законовъ физіологіи, но правила гигіены нарушить *можно*, а иногда даже *должно* и *похвально*, хотя бы и съ наказаніемъ, когда, напр., этимъ нарушеніемъ обусловливается возможность выполнить требованія этики—случай самый обыкновенный въ жизни. Руководясь одними и тѣми же законами химическихъ соединеній, мы можемъ приготовить лѣкарство для спасенія человѣка, ядъ для истребленія, или горючій составъ для взрыва цѣлаго города. Во всѣхъ случаяхъ законы химіи дѣйствуютъ непреложно, но нисколько прямо не вліяютъ на направленіе нашихъ влеченій, убѣжденій, а потомъ и дѣятельности.

Развивая далѣе мысль, выраженную въ цитатѣ, авторъ находитъ, что не смотря на „знаніе явленій природы", люди все таки „не поступаютъ въ отношеніи къ нимъ одинаково" (стр. 97). Причина того

заключается въ недостаткахъ воспитанія. Не столько „наука, какъ система истинъ и правилъ“ важна „для установленія единства міросозерцанія и согласія въ поведеніи,“ (стр. 98) сколько воспитаніе, пріучающее человѣка дѣйствовать по правиламъ науки. думаетъ П. И. Аландскій.

Но и энергическаго воспитанія по плану, данному науками. мало, по его мнѣнію, для достиженія цѣли. Самая организація человѣческая должна измѣниться, потому что настоящая, при которой чувства господствуютъ надъ разсудкомъ, заключаетъ въ себѣ „сѣмена розни и анархіи“ (стр. 98 и 99). На стр. 100 „Ф. и Н.“ мы читаемъ:

(№ 21). „Міровоззрѣніе, внушаемое наукой о природѣ и проведенное въ сознаніе всѣхъ энергическимъ и своевременнымъ воспитаніемъ, не устранитъ умственной анархіи, не уничтожитъ совершенно атомистической розни мнѣній и интересовъ, если знаніе и принципы, внушаемые имъ, будутъ перевѣшиваться давленіемъ чувства вслѣдствіе того, что послѣднее господствуетъ надъ вниманіемъ. Наука и воспитаніе сдѣлаютъ свое дѣло, внѣдрятъ въ умы всѣхъ одинаковое міровоззрѣніе и научатъ извлекать изъ него одинаковые принципы поведенія. Останется измѣнить умственную организацію человѣка, эмансипировать вниманіе отъ чувства, сдѣлать человѣка въ каждый данный моментъ равнодушнымъ ко всему, что не внушается знаніемъ дѣйствительности и ея требованій. Возможность такого измѣненія организаціи человѣка очевидна изъ тѣхъ отдѣльныхъ случаевъ, гдѣ каждому изъ насъ удается стать господиномъ своего вниманія и направлять его независимо отъ чувства. Вопросъ въ томъ, при какихъ условіяхъ возможно всеобщее измѣненіе умственной организаціи въ этомъ направленіи? По моему отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать только спеціальная наука, а не философія—наука о мірѣ, какъ цѣломъ“.

Ниже мы познакомимся съ названіемъ чудной науки, которая, по видимому, не только „укажетъ условія, при какихъ возможно всеобщее измѣненіе умственной организаціи,“ но и нѣчто гораздо большее. Но какая бы то наука ни была, во всякомъ случаѣ для того, чтобы люди согласились подвергнуться видоизмѣненію своей организаціи, надобно, чтобы у нихъ уже было міросозерцаніе, съ точки зрѣнія котораго видоизмѣненіе казалось бы желательнымъ и обязательнымъ. Правда первыя положенія этой цитаты говорятъ о какомъ то „міровоззрѣніи, внушаемомъ наукой и пр.“: но оно, Богъ знаетъ, откуда вдругъ взялось.

Вѣдь, для него еще нужно „измѣненіе организаціи?“ Вѣдь, у насъ, сообразно съ первой цитатой, есть только „мнѣнія и правила, которыми руководится современное общество?“ Впрочемъ, я думаю, что читатель уже достаточно привыкъ къ тому, что у моего почтеннаго оппонента сужденія и понятія являются только вслѣдствіе магическаго движенія пера, а не въ силу логическаго закона о достаточномъ основаніи.

Кромѣ мнѣній и правилъ, которыя для нашего руководства доставляются науками о природѣ, есть у насъ и другія мнѣнія, на основаніи которыхъ мы относимся къ личности и обществу. Эти мнѣнія и правила, какъ думаетъ мой уважаемый оппонентъ, не научны и рутинны, потому что не имѣется „научныхъ теорій личности и общественности.“ Эти то не научныя мнѣнія главнымъ образомъ и производятъ какъ умственную рознь между людьми, такъ и рознь въ дѣйствіяхъ и поведеніи. Рознь эта усиливается подъ вліяніемъ страданій, которыя люди несутъ отъ природы и строя общественнаго. Но страданія отъ природы еще выносятся, потому что, опираясь на научномъ знаніи, всякій убѣжденъ, что съ законами природы ничего не подѣлаешь; но, относительно строя общества, всякій его критикуетъ по своему и всякій дѣлаетъ свои планы для его преобразованія. Будь извѣстны законы общественности, думаетъ П. Л. Ландскій, люди не метались бы зря, а знали бы точно, что и какъ можно измѣнить въ строѣ общественномъ. Эти соображенія, разумѣется гораздо подробнѣе, мы читаемъ на стр. 101—106.

Очень жаль, что я не могу вполнѣ согласиться съ этими соображеніями, хотя въ нѣкоторомъ отношеніи и нахожу ихъ вѣрными. Я позволю себѣ оспаривать ту мысль, что будто люди *примиряются* съ законами природы только въ силу убѣжденія, что они несоборимые законы. Это кажущееся примиреніе стоитъ для огромнаго большинства на убѣжденіи, что, какъ ни тяжелы вліянія природы, ихъ все таки нужно переносить, потому что такова воля Божія. Другіе, у которыхъ этотъ мотивъ ослабъ, смотрятъ на природу въ цѣломъ, какъ на благодѣтельницу, въ которой все само собою устроено для пользы человѣка, такъ что если люди страдаютъ отъ нея, то по своей винѣ, т. е., по невѣжеству или по недостатку энергіи. Третьи мирятся съ ней, потому что, благодаря своему случайному положенію, или ловкости, достаточно охранены отъ ея золъ; о страданіяхъ же, которыя терпятъ отъ нея другіе, они, по эгоизму, не хотятъ и думать. Едва ли, думаю

я, примиряются съ законами природы тѣ, которые убѣждены, что общій ходъ этихъ законовъ не благопріятенъ для счастія человѣческаго вообще и для ихъ счастія въ частности. Что и таковые покоряются привычкѣ жить, хотя бы и проклиная ежедневно эту жизнь, то это еще не будетъ означать „спокойнаго перенесенія неудобствъ положенія.“ Я съ своей стороны думаю, что во первыхъ дѣйствительное убѣжденіе въ необоримой механикѣ законовъ природы, въ соединеніи съ убѣжденіемъ, что общій ходъ ихъ неблагопріятенъ для счастія общечеловѣческаго, и во вторыхъ полное отсутствіе тихомолчной вѣры въ оптимистическую телеологію, скорѣе повели бы людей не къ „спокойному перенесенію неудобствъ и спокойной борьбѣ съ природой,“ а къ вѣрной и ожесточенной борьбѣ другъ съ другомъ за тотъ небольшой кусокъ, который можно вырвать у природы, и развернули бы передъ нами картину отчаяннѣйшаго „sauve qui peut général.“ Конечно, и при этихъ условіяхъ возможны мирныя отношенія людей и спокойное перенесеніе страданій; но при единственномъ условіи убѣжденія въ томъ, что не счастіе, а выполненіе нравственнаго долга есть высшій жизненный идеалъ.

Далѣе я считаю нужнымъ отмѣтить мнѣніе П. И. Аландскаго о задачѣ этики. На стр. 106 „Ф. и Н.“ мы читаемъ:

(№ 22). „Согласить практическіе принципы съ теоретическими представленіями человѣка,—есть дѣло практической науки, морали или этики въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Этика, имѣя въ своемъ распоряженіи готовый запасъ теоретическихъ знаній, имѣя готовое міросозерцаніе, извлекаетъ изъ этихъ знаній сумму правилъ или предписаній, обозначающихъ тотъ путь, какимъ долженъ идти человѣкъ къ тому высшему идеалу, какой достижимъ для него при настоящемъ порядкѣ вещей и который опредѣляется во всѣхъ подробностяхъ его теоретическимъ міросозерцаніемъ.“

Гдѣ „готово то міросозерцаніе, изъ котораго этика извлекаетъ сумму правилъ и пр.?“ Если мой почтенный оппонентъ хочетъ быть вѣрнымъ себѣ, то онъ не долженъ допускать готоваго міросозерцанія, ибо таковыя предлагаетъ только философія. Не *философскаго* же концепта міра пока еще нѣтъ, какъ мы видѣли выше. Если же такъ, то у насъ пока нѣтъ и этики. Далѣе я думаю, что задача этики не ограничивается только указаніемъ „пути, какимъ долженъ идти человѣкъ къ высшему идеалу,“ но главнымъ образомъ опредѣленіемъ этого са-

маго идеала. Точно также остается тайною, что разумѣетъ П. И. Аландскій подъ терминомъ: „теоретическое міросозерцаніе, которымъ опредѣляется во всѣхъ подробностяхъ идеалъ.“ Есть ли это „теоретическое міросозерцаніе“ какая либо спеціальная наука. и если такъ. то какъ называется эта наука и кто ея представители? Вопросы эти вовсе не придирка съ моей стороны, а желаніе научиться. Всѣ знакомые мнѣ этическіе идеалы имѣютъ своимъ источникомъ либо *религіозное* вѣрученіе, либо *философское* міросозерцаніе. Я очень желалъ бы познакомиться съ идеаломъ, „во всѣхъ подробностяхъ опредѣляемымъ теоретическимъ міросозерцаніемъ“... но въ тоже время и не философскимъ. Но будемъ слѣдить далѣе за соображеніями автора относительно науки объ обществѣ и ея значеніи. На стр. 108 Ф. и Н. мы читаемъ; (№ 23). „Такъ точно, какъ наука о природѣ постепенно водворяетъ согласіе въ мнѣніяхъ и принципахъ, руководящихъ отношеніями человѣка къ природѣ, наука объ обществѣ со временемъ водворитъ такое же согласіе и въ отношеніяхъ человѣка къ обществу. Объ науки будутъ распадаться на множество отдѣловъ и вѣтвей, изъ которыхъ иныя теперь еще не намѣчены, но между этими вѣтвями не будетъ философіи съ ея претензіей быть наукою о мірѣ, какъ *цѣломъ*.“

Здѣсь слѣдуетъ припомнить, что нѣсколько страницъ тому назадъ П. И. Аландскій *увѣрялъ*, что „люди имѣютъ всѣ данныя для того чтобы одинаково думать о явленіяхъ природы и одинаково поступать въ отношеніи къ нимъ и тѣмъ не менѣе думаютъ и поступаютъ различно“ (стр. 97). Припомнимъ также, что для *одинаковости отношеній къ природѣ* понадобилось „энергическое воспитаніе,“ а въ помощь сему послѣднему понадобилось „измѣненіе организаціи.“ Итакъ, намъ предстоитъ алтернатива, или, согласно съ соображеніями на стр. 97 и слѣд., думать, что, какъ для одинаковости отношеній къ природѣ недостаточно было существованія точной науки о природѣ, такъ и для *одинаковости отношеній къ обществу* недостаточно *будетъ* будущей точной *науки объ обществѣ*. Понадобятся энергическое воспитаніе и измѣненіе организаціи, въ которомъ, какъ видится, заключается самый корень проблеммы единства міросозерцанія и единства поведенія безъ помощи философіи.. Если же остановиться на послѣдней цитатѣ (№ 23), то должно думать, что была бы лишь точная наука о природѣ, одинаковое отношеніе къ природѣ установливается само собою; точно также само собою установится и отношеніе къ обществу, какъ скоро выра-

богается точная наука объ обществѣ. Но если такъ, то къ чему же была рѣчь объ энергическомъ воспитаніи и тѣмъ болѣе объ измѣненіи организаціи?

Но полное согласіе человѣчества и въ теоріи, и на практикѣ (возникшее на основаніи точной науки о природѣ и обществѣ) не исключаетъ, по мнѣнію моего оппонента, страданій и бѣдствій въ человѣчествѣ, а между тѣмъ „полное благополучіе всѣхъ членовъ общества“ должно бы слѣдовать изъ единства въ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ. По крайней мѣрѣ, такъ ставится это дѣло въ воззрѣніяхъ П. И. Аландскаго. На стр. 110 „Ф. и Н.“ мы читаемъ слѣдующее:

(№ 24). „Положимъ, что этотъ идеалъ начертанъ и приведенъ въ исполненіе съ помощью всѣхъ наличныхъ знаній о природѣ и обществѣ, о взаимной зависимости отдѣльныхъ элементовъ и силъ, дѣйствующихъ тамъ и здѣсь. Не трудно понять, что и при такомъ относительно наилучшемъ устройствѣ общества жить не для всѣхъ будетъ одинаково хорошо. Человѣку живется хорошо, когда всѣ его потребности и стремленія получаютъ полное и своевременное удовлетвореніе и притомъ такъ, что одно стремленіе не живетъ на счетъ другаго, когда всѣ чувства своевременно разрѣшаются соотвѣтствующими дѣйствіями, нормальныя—удовольствіями, достаточными для того, чтобы насытить возбужденный аппетитъ, не нормальныя—лѣкарствами, прекращающими болѣзненное раздраженіе чувствительности.“

Положенія, высказанныя въ этой цитатѣ, опять повергаютъ меня въ недоумѣніе. Я до сихъ поръ все думалъ, что то, что называется жизненнымъ идеаломъ, есть предѣлъ, за которымъ уже ничего не остается желать. Но, по мнѣнію почтеннаго моего оппонента, и къ „приведенному въ исполненіе съ помощью науки о природѣ и обществѣ“ идеалу остается еще прибавить нѣкій плюсъ. По моему, высочайшее благо = осуществленный идеалъ, установленный этикою на основаніи философскаго міросозерцанія; по П. И. Аландскому, высочайшее благо или „полнота благополучія человѣческаго“ = приведенный въ исполненіе идеалъ, „опредѣленный во всѣхъ подробностяхъ теоретическимъ міросозерцаніемъ“ (см. цит. № 22) и т. д. Конечно, такое различіе въ нашихъ воззрѣніяхъ должно объясняться различіемъ нашихъ исходныхъ пунктовъ, хотя я и не съумѣлъ бы сдѣлать этого объясненія, потому что, какъ сказано выше, я не имѣю никакого понятія объ „идеалѣ, опредѣленномъ теоретическимъ міросозерцаніемъ“. Ясно только одно, что

у П. И. Аландскаго идеалъ и полнота благополучія человѣческаго относятся, какъ часть къ цѣлому или, такъ сказать, надъ его идеаломъ есть еще идеалъ.

Есть еще и другое недоумѣніе. По стр. 106 (см. цит. № 22) путь къ идеалу (т. е. очевидно, къ его осуществленію) обозначается этикой, а тутъ предполагается, что идеалъ осуществляется прямо при помощи наукъ о природѣ и обществѣ. Отсюда для меня неясно точное отношеніе этики къ этимъ наукамъ; да и вообще всѣ эти понятія моего почтеннаго оппонента, выражаемыя терминами: „наука (вообще), наука о природѣ, наука объ обществѣ, воспитаніе, измѣненіе организаціи, этика, готовое міросозерцаніе, теоретическое міросозерцаніе, идеалъ, полное благополучіе“ и пр. никакъ въ моей испорченной „безплоднымъ мудрованіемъ“ головѣ мирно не укладываются. Но пойдемъ далѣе! Что же нужно для полноты благополучія, т. е., чтобы для всѣхъ было одинаково хорошо? Вотъ тутъ то и выступаетъ снова измѣненіе умственной организаціи. Ни точныя науки о природѣ и обществѣ, ни съ помощью ихъ приведенный въ исполненіе идеалъ не гарантируютъ отъ возрастанія „числа голодныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ, томящихся, ищущихъ и разочаровывающихся, если не пойдетъ рядомъ измѣненіе въ умственной организаціи человѣка“ (стр. 112). Но такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, по біологическому *закону соотношенія* частей организма, измѣненіе умственной организаціи едва ли возможно безъ соотвѣтствующаго измѣненія физической, то я позволю себѣ дополнить, что вся *суть* и установки одинаковаго міросозерцанія (см. выше), и полноты благополучія заключается, по ученію П. И. Аландскаго, въ созданіи новой породы людей. Но возможно ли это и какъ, спроситъ кто либо? Картина, изображающая, какъ все это будетъ, набросана моимъ уважаемымъ оппонентомъ такъ соблазнительно, что я не могу позволить себѣ передавать ее въ своемъ изложеніи, а передамъ цѣликомъ на языкѣ точной, строгой, реальной науки. На стр. 112 и 113 „Фил. и Н.“ сказано слѣдующее.

(№ 25) „Вслѣдъ за всеобщимъ и точнымъ знаніемъ природы и общества; вслѣдъ за оконченной системой достовѣрныхъ теоретическихъ представленій о природѣ и обществѣ, данныхъ физикой и политикой; вслѣдъ за установленіемъ полнаго кодекса практическихъ принциповъ, извлеченныхъ изъ этихъ представленій и соединенныхъ въ систему технологіи и этики въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ терминовъ,

вслѣдъ за воспитаніемъ, пріучившимъ рутиннымъ и механическимъ образомъ слѣдовать на практикѣ тому, что человѣкъ признаетъ истиннымъ, полезнымъ и справедливымъ въ теоріи,—вслѣдъ за этими двумя условіями третье, необходимое для устраненія умственной анархіи и страданій, причиняемыхъ ею, заключается въ такомъ измѣненіи или усовершенствованіи человѣческой организаціи, при которомъ человѣкъ могъ бы управлять своими потребностями и влеченіями, предупреждая пробужденіе однихъ, ослабляя или усиливая напряженіе другихъ и совсѣмъ заглушая и подавляя третьи. Такую власть надъ влеченіями и позывами можетъ сообщить человѣку только наука, именно антропологія, ученіе объ организаціи и отправленіяхъ личности, успѣвшее уже теперь собрать значительный запасъ фактовъ и выводовъ, но, къ сожалѣнію, не получившее еще такой обработки, при которой оно могло бы быстро и энергично проводиться въ умы массы. Я думаю, что и здѣсь для философіи, какъ науки о мірѣ въ его цѣломъ, нѣтъ мѣста, и, главное, что и здѣсь въ такой наукѣ нѣтъ ни малѣйшей надобности".

„На роль антропологіи въ борьбѣ противъ умственной и нравственной анархіи общества, на значеніе этой науки для устройства будущаго идеальнаго общества изъ идеальныхъ личностей, я могу указать здѣсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Антропологія выяснитъ и начертитъ идеалъ человѣческой личности, т. е., тотъ типъ физической и психической организаціи, который будетъ наилучшимъ образомъ жить и дѣйствовать при данныхъ физическихъ условіяхъ нашей планеты и зависящемъ отъ нихъ устройствѣ общества. Это будетъ вовсе не образъ, похожій на поэтическіе вымыслы, а просто сухой перечень размѣровъ, градусовъ температуры, комбинацій химическихъ элементовъ, пропорцій въ соотношеніи между отдѣльными частями и такъ далѣе. Опредѣливъ соотношеніе органовъ и функцій, составляющихъ личность, какъ взаимное *), такъ и къ внѣшнимъ вліяніямъ антропологія откроетъ и средства, съ помощью которыхъ идеальный типъ можетъ быть достигнутъ съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ. Изъ теоріи личности будетъ извлечена система правилъ для нормальнаго ухода за своимъ тѣломъ и душей, за питаніемъ, размноженіемъ, движеніемъ и сознаваніемъ. Своевременное и энергичное образованіе проведетъ эту

*) Здѣсь въ статьѣ П. И. Аландскаго какой либо типографскій пропускъ, нигдѣ не оговоренный. А. К.

теорію и систему правилъ въ общее сознаніе, сдѣлаетъ ее достояніемъ всѣхъ, дорогимъ и священнымъ, какъ наиболѣе важное условіе счастья, а послѣдовательная и неуклонная дисциплина пріучитъ оставаться вѣрнымъ и теоріямъ, и принципамъ, внушеннымъ наукой, во всѣхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ".

Масса вопросовъ и недоумѣній, возбуждаемыхъ всѣмъ высказаннымъ въ этой цитатѣ, такъ велика, что ихъ хватило бы на цѣлую книгу; а потому я долженъ ограничиться только краткою постановкою немногихъ изъ нихъ.

1) Очевидно, что какъ замѣчено было выше, у П. И. Аландскаго этика имѣетъ значеніе только искусства, стоящаго на ряду съ технологіей: это значитъ, что онъ либо обходитъ вопросъ какъ объ *основаніи нравственности*, такъ и объ ея *основныхъ положеніяхъ*, либо предполагаетъ это само собою разумѣющимся. Вѣрнѣе предположить послѣднее; кажется, что онъ думаетъ, что высшая нравственность заключается въ стремленіи осуществить одинаковое счастіе всѣхъ.

Но тогда предстоятъ вопросы: почему счастіе людей, а не что либо другое составляетъ содержаніе этической задачи, а во вторыхъ въ чёмъ заключается счастіе, иначе говоря, требуются основныя положенія, въ которыхъ бы содержаніе понятія счастія было формулировано. На первый вопросъ у него нѣтъ прямого отвѣта; правда, можно подумать, что будто счастіе, какъ содержаніе нравственности, основано на физикѣ и политикѣ (такъ, по видимому, названа П. И. Аландскимъ наука объ обществѣ), но такое мнѣніе было бы, по моему, совершенно произвольнымъ. Физикѣ, очевидно, нѣтъ дѣла до нравственности, а политика, по П. И. Аландскому, еще не точная наука, слѣдовательно, и фундамента для чего бы то ни было дать не можетъ. Обыкновенно, сколько я знаю, *этическая теорія счастія* либо стоитъ на философскихъ спекуляціяхъ и аргументируется философами, (эмпиризмъ, сенсуализмъ, утилитаризмъ, матеріализмъ и пр.) либо почти безъ всякой аргументаціи и обоснованія принимается полуобразованной толпой за очевидную истину. Выдѣляя изъ этой толпы моего многоуважаемаго оппонента, я необходимо долженъ предположить, что этическій идеалъ счастія обоснованъ у него на философскихъ соображеніяхъ, которыя онъ и скрываетъ подъ туманными выраженіями: „готовое міросозерцаніе, теоретическое міросозерцаніе, (цит. № 22)" и т. п. Зачѣмъ такъ дѣлается, это я объясню позже. Что касается до втораго вопроса, то отвѣтъ на него можно

извлечь изъ многихъ мѣстъ статьи (напр., цит. № 24) въ такомъ видѣ, что счастіе есть полное и своевременное удовлетвореніе всѣхъ *нормальныхъ* потребностей. Это самая обычная формула этической теоріи счастія и составляетъ важный камень преткновенія для всей теоріи. Что такое *нормальная* потребность? Это вопросъ, на который логическаго рѣшенія обыкновенно эта теорія не даетъ и постоянно впадаетъ въ произволъ. Конечно, ни рѣшенія этого вопроса, ни указаній на его рѣшеніе не даетъ и П. И. Аландскій, если не принимать въ разсчетъ голословныхъ пророчествъ, что антропологія дастъ рецептъ приготовленія новой породы счастливыхъ людей.

2) Къ пріемамъ моего почтеннаго оппонента, до крайности затрудняющимъ объясненіе съ нимъ, нужно причислить и обычай не дѣлать никакихъ намековъ и указаній на *представителей науки* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это было бы весьма естественно. Такъ, излагая опредѣленіе антропологіи и задачъ, которыми она занимаются, отчего бы для ясности дѣла не намекнуть, что согласно съ авторомъ смотрятъ на нее такіе-то и такіе-то ея представители. Вѣдь, такъ называемая антропологія есть еще только нарождающаяся наука, въ которой, по этой самой причинѣ, что ни антропологъ, то особое пониманіе науки. Можетъ быть, кто либо изъ нихъ и опредѣляетъ ее, какъ „ученіе объ организаціи и отправленіяхъ личности“, но признаюсь, для меня это опредѣленіе не вразумительно. Главное затрудненіе въ этомъ опредѣленіи представляетъ неопредѣленность и многосмысленность термина: личность. Что касается до дальнѣйшихъ объясненій автора относительно задачи антропологіи, то остается только повѣрить ему на слово, но нельзя сколько нибудь отчетливо представить себѣ тѣ средства, какими эта наука „начертитъ тотъ типъ, который будетъ наилучшимъ образомъ жить и дѣйствовать при данныхъ физическихъ условіяхъ нашей планеты и зависящемъ отъ нихъ устройствѣ общества“. Откуда, напр., возьметъ она критерій, по которому будетъ судить „о наилучше дѣйствующемъ и живущемъ человѣкѣ“? Вѣдь, для установки этого критерія и нужно *единство міросозерцанія*, отсутствіе розни въ мнѣніяхъ и стремленіяхъ!

Далѣе опять таки нужно принять за пророчество слова автора: „это будетъ вовсе не образъ, похожій на поэтическій вымыселъ и пр.“ Вѣдь, если не ошибаюсь, ихъ нужно понять такъ, что антропологія укажетъ размѣръ роста, количество ударовъ пульса въ минуту, количество кровяныхъ шариковъ, отношеніе мускульной ткани къ нервной,

костной, вѣсъ и расположеніе мозга, цвѣтъ кожи, волосъ, глазъ, количество принимаемой пищи, даже количество ежедневныхъ выдѣленій и т. д. и т. д. „человѣка, наилучшимъ образомъ живущаго и дѣйствующаго“. Остается только пожалѣть, что эта чудная наука „хотя уже успѣвшая собрать значительный запасъ фактовъ и выводовъ, еще не получила такой обработки, чтобы быстро и энергично проводиться въ умы массы“, остается пожалѣть, говорю я, что эта наука не можетъ быть приложена къ прекращенію борьбы партій, раздирающихъ современное общество. Какъ просто, напр., при ея помощи былъ бы рѣшенъ вопросъ, *кому руководить* современной Франціей, бонапартистамъ ли, легитимистамъ, орлеанистамъ, умѣреннымъ и не умѣреннымъ республиканцамъ. Выбрана была бы компетентная комиссія изъ антропологовъ, которые, вооружившись „сухими перечнями“ и различными измѣрительными инструментами, взвѣсили, вымѣряли, выслушали, ощупали и другими разными способами изслѣдовали бы всѣхъ этихъ господъ и точно, безспорно обозначили бы „живущихъ и дѣйствующихъ наилучшимъ образомъ при настоящихъ условіяхъ нашей планеты и зависящемъ отъ нихъ устройствѣ общества“ За тѣмъ уже само собою разумѣется, что почтенный маршалъ Макъ-Магонъ, конечно, выдержавшій предварительно антропологическое испытаніе, произвелъ бы этихъ „наилучше живущихъ и дѣйствующихъ“ въ министры, генералы, префекты и т. д. Полагать, впрочемъ, нужно, что и тутъ ловкіе бонапартисты пробрались бы интригою въ корпорацію антропологовъ и смастерили бы подлогъ въ „сухихъ перечняхъ“.

3) Возникаетъ у меня сильное недоумѣніе объ отношеніяхъ *антропологіи къ этикѣ*. По цит. № 22 „этика заключаетъ въ себѣ правила или предписанія, обозначающія тотъ путь, какимъ долженъ идти человѣкъ къ тому высшему идеалу, который достижимъ для него при настоящемъ порядкѣ вещей и пр.“; по цитатѣ же № 25 „антропологія откроетъ средства, съ помощью которыхъ идеальный типъ можетъ быть достигнутымъ съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ“. Интересуетъ меня слѣдующій вопросъ: покрываютъ ли въ ученіи П. И. Аландскаго другъ друга понятія: „высшій идеалъ и идеальный типъ“? Если они одно и то же, то существенной разницы между этикой и антропологіей не окажется; ибо тогда и „сухіе перечни, и система правилъ для нормальнаго ухода за своимъ тѣломъ и душою, за питаніемъ, размноженіемъ, движеніемъ, сознаваніемъ“ должны войти и въ этику. Если же

вышеозначенныя понятія не одно и тоже, то спрашивается, не можетъ ли случиться такой казусъ, что путь къ достиженію „высшаго идеала“ *не совпадетъ* съ путемъ къ достиженію „идеальнаго типа“. Положимъ, для примѣра, что „въ сухихъ перечняхъ и системѣ правилъ“ между признаками „человѣка наилучшимъ образомъ живущаго и дѣйствующаго при данныхъ условіяхъ планеты“ показаны между прочимъ: вѣсъ тѣла въ 6 пудовъ, ежедневная перемѣна чистаго бѣлья, ежедневный обѣдъ изъ 4 разнообразныхъ блюдъ, обладаніе дачей съ прудомъ, полученіе порядочнаго годоваго дохода, обладаніе супругой, дамой пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, обладаніе парой ребятъ, прелестныхъ какъ херувимы и кроткихъ какъ агнцы и пр. и пр. Возможно ли спрашиваю я, чтобы „въ предписаніяхъ этики“ обозначенъ былъ такой „путь къ высшему идеалу достижимому при настоящемъ порядкѣ вещей“, на которомъ (т. е. пути) всѣ эти условія и признаки были бы не только весьма рѣдкою случайностью, но даже въ огромномъ большинствѣ случаевъ составляли бы *препятствія* для достиженія цѣли. Иначе говоря, возможенъ ли случай, въ которомъ человѣкъ, исполняя „предписанія этики“ и достигая высшаго идеала, тѣмъ самымъ не выполняетъ требованія „сухихъ перечней и системы правилъ антропологіи“. Если возможенъ, то какъ помирить это противорѣчіе П. И. Аландскій?

4) По цитатѣ № 24 „человѣкъ тогда живетъ хорошо, когда всѣ его потребности и стремленія получаютъ полное и своевременное удовлетвореніе и притомъ такъ, что ни одно стремленіе не живетъ на счетъ другого“, а по цитатѣ № 25 антропологія научитъ, какъ „заглушать и подавлять потребности“. Любопытно было бы знать, что это „подавленіе и заглушеніе“ произведется безъ боли или съ болью? Если при помощи антропологіи произойдетъ подавленіе съ болью, то люди умѣли дѣлать это, какъ извѣстно, и безъ антропологіи, подъ вліяніемъ *этическихъ мотивовъ*. Если же безъ боли, то я не понимаю, почему въ концѣ концовъ мой уважаемый оппонентъ поскромничалъ и не рѣшился гарантировать человѣку *полное счастіе и блаженство?* Можетъ ли еще чего недоставать человѣку, если бы онъ, при помощи антропологіи, умѣлъ одни потребности подавлять безъ боли, а другія вызывать по произволу? Послѣ этого оставалось бы или проситься на Олимпъ въ родню къ Зевсу, или ради любопытства и нарочитаго упражненія въ способности подавленія подавить безъ боли и самую *потребность жить*.

Да, все таки не рѣшился П. П. Аландскій гарантировать „полноту человѣческаго благополучія“ даже и при помощи антропологіи! Вотъ, что говоритъ онъ на стр. 114 послѣ соблазнительнаго описанія чудной науки: „сказать, что полное знаніе міра,*) общества и самого себя, ставъ единственнымъ принципомъ поведенія и регуляторомъ нашихъ дѣйствій, можетъ окончательно уничтожить всѣ страданія человѣка, я не рѣшаюсь.“

Но къ какому же результату, спроситъ иной читатель, привела насъ рѣчь о физикѣ, политикѣ, антропологіи, энергическомъ воспитаніи, измѣненіи организаціи, готовомъ міросозерцаніи, сухихъ перечняхъ, системахъ правилъ и пр. и пр?

Единственно къ тому, что у читателя стоятъ нѣкоторое время опьяняющій *туманъ* въ головѣ отъ *звонкихъ* словъ: „знаніе, реальное знаніе, положительное знаніе, точное знаніе, наука, точная наука, точное изслѣдованіе, кропотливое наблюденіе въ лабораторіи, функціи, органы, законы природы, предписанія науки, физика, политика, антропологія“ и пр. и пр., и *сладкихъ* словъ: „счастіе, полное человѣческое благополучіе, своевременное и полное удовлетвореніе человѣческихъ потребностей“ и т. п.

Но какъ передъ пушкинской старухой, которая, разлакомившись „щучьимъ велѣньемъ и моимъ хотѣньемъ“, хватила черезъ край, осталось только старое разбитое корыто, такъ и передъ нами остается нерѣшеннымъ старый вопросъ о *единствѣ міросозерцанія* и единствѣ дѣйствія, вопросъ, подъ страхомъ великой скверны, требующій, по возможности, скорѣйшаго разрѣшенія и не могущій ждать новой породы людей.

Но, къ счастію, положеніе наше не совсѣмъ безнадежно: существуетъ еще философія, которая можетъ быть, и разрѣшитъ трудную проблемму единаго міросозерцанія при той человѣческой организаціи, какую мы знаемъ въ настоящее время.

---

*) Не могу мимоходомъ незамѣтить, что П. И. Аландскій явно здѣсь считаетъ міръ предметомъ физики и что у него человѣкъ и общественность стоятъ внѣ міра; а между тѣмъ въ своемъ концептѣ міра (см. выше) онъ утверждалъ, что міръ заключаетъ всѣ явленія, т. е., слѣдовательно, и общественныя, и человѣческія!

Условія, при которыхъ приходится философіи рѣшать проблемму, кратко могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ.

1) Требуется выработать *понятіе міра* и притомъ такъ: чтобы a) при развитіи этого понятія въ цѣлую систему не встрѣчалось внутреннихъ *противорѣчій*, b) чтобы система не противорѣчила твердо установленнымъ *даннымъ* частныхъ *наукъ* и объединяла ихъ въ себѣ, c) чтобы это понятіе міра и система могли соединить около себя *большинство* лучшихъ наличныхъ представителей философіи.

2) До сихъ поръ выполнить это требованіе философіи не удавалось. Главными причинами неудачи были слѣдующія обстоятельства: a) сильное *давленіе* и прямое, и косвенное, которое производилось на философію, преимущественно передъ другими науками, со стороны государства и господствующихъ религіозныхъ доктринъ; b) *малое количество силъ*, самостоятельно работавшихъ какъ вообще въ наукѣ, такъ особенно въ философіи. Особенно важенъ былъ, при существованіи перваго условія, недостатокъ въ такихъ индивидуальныхъ силахъ, которыя могли бы сохранить должную умственную и нравственную независимость при рѣшеніи философскихъ вопросовъ. Отъ этого мощные по таланту и другимъ духовнымъ качествамъ люди въ одиночку строили цѣлыя системы и необходимо вносили въ нихъ противорѣчія и ошибки, отъ которыхъ даже и геніальнѣйшему человѣку не возможно уберечься, если онъ работаетъ одинъ. Отъ той же причины зависѣла и рѣзкая печать субъективности, лежавшая на каждой изъ оригинальныхъ философскихъ системъ. c) Далѣе, съ одной стороны *изолированность* дѣятелей частныхъ наукъ отъ философіи, съ другой стороны *антагонизмъ* ихъ противъ нея. Входить въ сложныя причины и той, и другаго теперь не мѣсто и не время. Одна изъ главныхъ—неразграниченность предметовъ наукъ съ предметомъ философіи. d) Наконецъ сравнительно *не совершенное состояніе* частныхъ наукъ особенно же психологіи, потому что въ сущности философія всегда опиралась на науки.

3) Съ половины настоящаго столѣтія положеніе философіи начинаетъ постоянно принимать благопріятнѣйшій характеръ, а именно: a) *давленіе*, если не исчезло совсѣмъ, то сильно *ослабѣло* во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы; b) кто дѣйствительно знаетъ, сколько силъ работаетъ надъ философіей за послѣднее время во всѣхъ этихъ странахъ, для того очевидно, что для философіи наступаетъ *пора* такой же

прочности положенія, какою пользуются другія, сравнительно съ ней легчайшія и простѣйшія науки. Во всѣхъ главныхъ направленіяхъ философіи работаютъ значительныя и качественно, и количественно силы. Происходящее отъ того треніе сглаживаетъ противорѣчія, стираетъ угловатости и субъективности. Талантливѣйшіе люди строютъ науку, не раздѣленные временемъ и даже пространствомъ, какъ прежде, но *одновременно и совмѣстно*, слѣдовательно, дополняя и поправляя другъ друга. По видимому, количество *философскихъ „измовъ"* какъ будто увеличивается, но эти размножившіеся и дифференцировавшіеся *измы* не оказываются радикальными, не совмѣстимыми другъ съ другомъ различіями, а суть только незначительныя видоизмѣненія весьма не многихъ основныхъ различій. c) Лучшіе представители частныхъ наукъ теперь не только не чуждаются философіи, но сами начинаютъ работать въ ней: треніе съ частными науками усиливается, шансы уничтоженія противорѣчій, односторонностей и ошибокъ увеличиваются. d) *Высокій уровень* многихъ наукъ, напр. естественныхъ и успѣхи психологіи даютъ лучшій базисъ для постройки теоріи міра.

Теперь позволю себѣ высказать нѣсколько — не смѣю сказать — *предвидѣнія*, но *предположенія*, или вѣрнѣе, *чаянія* о будущемъ, которое можетъ воспослѣдовать изъ этихъ условій.

1) Главныя радикальныя различія въ міровоззреніяхъ представляются мнѣ исчерпанными исторіею философіи, такъ что *новыхъ основныхъ концепцій* ожидать нельзя.

2) Что касается до философскихъ измовъ, существующихъ въ настоящее время, то окажется возможнымъ свести ихъ къ *двумъ категоріямъ*, въ которыхъ они представляютъ частныя развѣтвленія. Общій девизъ направленій первой категоріи можетъ быть выраженъ формулой: *„нѣтъ ничего, чего бы мы не знали или не могли знать"* (міръ и бытіе совпадаютъ); общій девизъ направленій второй категоріи — формулой: *„есть нѣчто, чего мы не знаемъ и не можемъ знать"* (міръ и бытіе не совпадаютъ).

3) Есть признаки, которые указываютъ на возможность *синтеза* направленій первой группы въ одно единство, направленій второй въ другое. Уже одно осуществленіе этой возможности было бы значительнымъ благомъ сравнительно съ рознью настоящаго положенія.

4) При имѣющемъ затѣмъ произойти борьбѣ двухъ единствъ должно ожидать, что побѣдитъ *второе* (есть нѣчто).

5) Изъ направленій второй группы *философіи воли* (см. выше) течетъ, такъ сказать, по такому *глубокому и широкому* руслу, что при ожидаемомъ синтезѣ поглотитъ всѣ сродныя направленія въ одно теченіе. Затѣмъ ему предстоитъ поглотить и противуположную группу или по частямъ или уже объединенную.

Эти чаянія относительно пути философіи къ единству міросозерцанія далеко *не суть* только *голыя желанія*, но имѣютъ подъ собой основанія, изложеніе которыхъ потребовало бы особаго спеціальнаго сочиненія.

Теперь нѣсколько словъ о *результатахъ* единства міросозерцанія.

Такъ какъ ни *фундамента* (принципа) для этическаго ученія о *долженствующемъ быть*, ни *основнаго положенія* или формулы этого ученія негдѣ взять кромѣ философскаго ученія о сущности міра и о значеніи его процесса, то единство въ міросозерцаніи должно отразиться въ единствѣ пониманія этическихъ задачъ. Одно изъ глубокихъ страданій при настоящемъ положеніи вещей, по крайней мѣрѣ, для людей съ сильною потребностью въ удовлетвореніи нравственнаго чувства заключается въ томъ, что они не имѣютъ достаточныхъ основаній для выбора пути, на которомъ можно было бы удовлетворить это чувство, или, выбравши путь, сомнѣваются въ немъ, или же идутъ почти въ одиночку и т. п. Изъ цѣлой *картины* золъ, представляемыхъ всеобщей борьбой въ природѣ, самую мрачную часть составляетъ борьба между людьми, а изъ этой части самыя *темныя пятна* изображаютъ борьбу между собою людей, по природѣ, хорошихъ и честныхъ, но преслѣдующихъ не совмѣстимыя этическія цѣли. Всего же ужаснѣе то, что эти честные люди по временамъ сомнѣваются въ истинѣ преслѣдуемыхъ цѣлей. *Величайшее благо* въ нашей жизни, полной страданіями, только и возможно при условіи мощнаго нравственнаго чувства и далѣе при условіи возможности всегда и на всѣхъ путяхъ знать точно и несомнѣнно свой долгъ.

Что касается до *единства въ дѣйствіяхъ людей*, то, хотя оно единствомъ міросозерцанія и основанною на немъ опредѣленною и единою этикой прямо и не гарантируется, тѣмъ не менѣе въ нихъ (т. е. міросозерцаніи и этикѣ) несомнѣнно заключается тотъ *шансъ*, что честные, добрые и умственно развитые люди могутъ мало по малу соединиться въ одинъ лагерь и вмѣстѣ бороться съ безчестными, злыми и невѣжественными. Высокое значеніе этого шанса для всяческаго прогресса станетъ яснымъ и очевиднымъ,

когда мы вспомнимъ, что *главную силу* каждаго лагеря, каждой партіи, каждаго принципа составляютъ честные и умственно развитые люди, входящіе въ составъ лагеря, партіи и пр. Между тѣмъ рознь въ міросозерцаніяхъ распредѣляетъ лучшихъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи людей по разнымъ лагерямъ въ перемежку съ посредственными и дурными. Но такъ какъ всѣ эти міросозерцанія въ одно и тоже время не могутъ быть равно основательными и истинными, то очевидно, что нѣкоторые лучшіе люди борятся, если не вполнѣ за ложь и зло, то за значительную примѣсь этихъ послѣднихъ къ небольшой долѣ истины и добра. Мимоходомъ замѣчу, что я считаю невозможнымъ, чтобы *дѣйствительно* лучшіе люди въ нравственномъ и умственномъ отношеніи боролись за голое зло и ложь.

Какой фундаментъ для этическаго ученія и какія основныя его положенія дастъ философія воли и далѣе какую роль въ соображеніяхъ о практическомъ приложеніи этого ученія будутъ играть спеціальныя науки о природѣ, науки объ обществѣ и человѣкѣ—на всѣ эти вопросы я здѣсь отвѣчать не могу по той простой причинѣ, что они во первыхъ слишкомъ важны и сложны, чтобы отвѣчать на нихъ въ двухъ словахъ, а во вторыхъ потому что они не относятся къ предмету этой статьи. Надѣюсь, что со временемъ мнѣ придется высказаться обстоятельно какъ объ этихъ вопросахъ, такъ и объ основаніяхъ вышеизложенныхъ чаяній.

Намъ уже давно, давно пора подвести *итогъ* всему сказанному и заключить нашу вторую рубрику.

Разбирая концептъ міра П. И. Ландскаго, его вылазку противъ философіи, по поводу понятія пространства, его пророчества о полнотѣ человѣческаго благополучія и могуществѣ антропологіи, я, надѣюсь, *достаточно выяснилъ:*

1) Что подъ различными неопредѣленными выраженіями, какъ напр., „наука (не обозначая какая), система наукъ, связь теорій спеціальныхъ наукъ“, онъ собственно обозначалъ именно ту *дѣятельность*, которая составляетъ философію.

2) Что какъ скоро онъ дѣлалъ попытки точно обозначить науки, которыя будто бы выполняютъ ту дѣятельность, на которую претендуетъ философія, то обнаруживались: или не вѣрный взглядъ на предметъ науки (геометрія), или не точное разграниченіе смежныхъ наукъ (фи-

лософія и психологія), или же просто произвольное обозначеніе предмета науки (антропологія).

Теперь мнѣ остается, сказать что вся полемика П. И. Аландскаго противъ философіи велась имъ *въ сущности* съ точки зрѣнія философіи же, а вовсе не частныхъ наукъ. Можетъ быть, онъ самъ ясно этого обстоятельства и не сознавалъ, но тѣмъ не менѣе это дѣйствительный фактъ.

Дѣло въ томъ, что ни одна частная наука, какъ таковая, *просто не можетъ и не должна* оспаривать возможность построенія понятія міра философіею ли, или же какою другою наукою, по той простой причинѣ, что она въ этомъ спорѣ вышла бы изъ своихъ предѣловъ. Что это можетъ дѣлать и дѣлаетъ ученый, занимающійся той или другой частной наукой, то изъ этого слѣдуетъ только для насъ обязанность отличать носителя науки in concreto отъ ея абстрактнаго понятія. Столкновеніе и споръ, въ который можетъ вступить частная наука, какъ такая, съ другой наукой, а также и съ философіей естественно долженъ возникнуть только по поводу *собственныхъ* ея (т. е., спорящей науки) *понятій и положеній*. Химикъ, физикъ, физіологъ и пр., какъ таковые, рѣшительно не имѣютъ законнаго права обсуживать предметъ философіи, выполнимость или невыполнимость ея задачъ, ея методъ и пр. Ихъ столкновеніе съ философіею ограничивается только тѣмъ случаемъ, когда философія (или, что все равно, другая какая бы то ни была наука) *искажаетъ понятія* или же *ошибается въ положеніяхъ*, соотвѣтствующихъ имъ спеціальностей. Какъ скоро химикъ, физикъ и пр. выходятъ за эти предѣлы, то они перестаютъ быть химиками, физиками и пр., но уже выступаютъ въ качествѣ философовъ, ибо всякій человѣкъ, хоть немножко, да философъ. Что въ ученомъ, какъ человѣкѣ, неразрывно связаны его спеціальныя познанія съ другими, что въ немъ ученый спеціалистъ и философъ нераздѣльны, что не только въ обычномъ разговорѣ, но даже въ серьезныхъ, по видимому, трактатахъ абстрактная наука постоянно смѣшивается съ носителями ея in concreto,—что наконецъ мы привыкли къ неточному употребленію родового термина: наука, вмѣсто видоваго: та или другая,—всѣ эти обстоятельства нисколько не уполномочиваютъ насъ смѣшивать то, что, на логическихъ основаніяхъ, должно быть раздѣлено.

Изъ всѣхъ этихъ соображеній слѣдуетъ, что *просто не возможно* частнымъ наукамъ ни *каждой отдѣльно*, ни *всѣмъ вмѣстѣ* отрицать предметъ философіи, или возможность его изслѣдованія. Но да не обма-

нетъ въ данномъ случаѣ кого либо мое выраженіе: „всѣ вмѣстѣ“. *Всѣ вмѣстѣ* здѣсь не значитъ объединенныя въ синтезѣ, а только во временномъ или мѣстномъ совпаденіи, при чемъ, конечно, особность каждой сохраняется.

И такъ, заключаю я, науки могутъ рѣшать основные вопросы философіи, напр., о выполнимости или невыполнимости тѣхъ или другихъ ея задачъ, о методѣ выполненія, о правильности основныхъ понятій, но не иначе, какъ выступивъ въ синтезѣ, въ системѣ, но тогда онѣ исчезаютъ, какъ частныя науки, и становятся философіей, слѣдовательно, *подъ страхомъ противорѣчія*, не могутъ отрицать самой *идеи философіи*.

Но воротимся къ моему многоуважаемому оппоненту!

Что касается до него, то онъ въ сущности воевалъ не съ философіей, а съ философомъ. Для меня очевидно, что ему не понравилось что-то *въ духѣ и направленіи* моей книги, хотя очевидно также, что въ этомъ что-то онъ или не могъ, или полѣнился дать себѣ отчетъ. По нѣкоторымъ темнымъ выходкамъ его статьи можно думать, что ему почудилось въ моемъ направленіи нѣчто слишкомъ метафизическое, телеологическое, можетъ быть, даже мистическое; но, не поймавъ въ моей книгѣ никакого *положнаго* въ этихъ предполагаемыхъ прегрѣшеніяхъ, онъ опрокинулся на то, что подвернулось подъ руку, а именно на опредѣленіе философіи и на другія еще невиннѣйшія положенія.

Что дѣйствительно онъ тихомолкомъ исходитъ изъ философіи, то на это я указалъ уже нѣсколько разъ. Во первыхъ онъ признаетъ философію, признавая *возможность понятія міра*. Человѣку, который подлинно (хотя и тщетно) захотѣлъ бы отрицать философію, чтобы быть послѣдовательнымъ, должно бы не допускать никакой возможности синтеза, объединенія познаній. Для него частныя познанія, или науки должны бы быть на вѣки осужденными на разрозненность. Тѣмъ болѣе терминъ: міръ, для такого человѣка долженъ бы быть пустымъ, безполезнымъ словомъ, которое нужно изгнать изъ словаря. Правда, въ концепціи міра мой почтенный оппонентъ обнаружилъ значительную шаткость и неясность, но все таки онъ не отрицалъ концепта міра. Далѣе я указалъ на то, что онъ промолвился положеніемъ о *невозможности знать* вещей самихъ въ себѣ, положеніемъ, которое рѣшительно не можетъ войти въ сферу какой либо частной науки и есть по преимуществу положеніе философское. Наконецъ самая теорія счастія автора едва ли можетъ имѣть какой либо другой источникъ, кромѣ

философіи. Всѣ виды и разновидности этической теоріи *евдемонизма* стоятъ на философіи и ведутъ свое происхожденіе отъ философовъ, начиная отъ древнихъ гедониковъ и циниковъ и кончая новѣйшими Кондильяками, Вольтерами, Гельвеціями, Болинброками, Бентамами, Фейербахами, Штраусами и пр. и пр.

Но если П. И. Аландскій воевалъ противъ меня не оружіемъ частныхъ наукъ, а тоже философіи, то спрашивается, оружіемъ какой философіи, и далѣе спрашивается, зачѣмъ и почему онъ не выставилъ этого прямо?

На первый вопросъ обстоятельно отвѣтить почти невозможно, ибо статья П. И. Аландскаго какъ по сравнительной краткости своей, такъ и по неопредѣленности, отмѣченной мною, не даетъ *матеріала* для опредѣленія его философскаго направленія. Впрочемъ, съ нѣкоторою вѣроятностью, можно предположить, что его основныя точки зрѣнія стоятъ на сенсуализмѣ. Но такъ какъ чистый сенсуализмъ представляетъ весьма не устойчивую точку зрѣнія, то онъ всего чаще переваливаетъ въ направленія, представляющія его дальнѣйшее развитіе (матеріализмъ, скептицизмъ, позитивизмъ и пр.). У меня есть нѣкоторое подозрѣніе, что почтенный авторъ тяготѣетъ къ тому направленію, которое выражено въ послѣднемъ сочиненіи Льюиса: „Вопросы о жизни и духѣ.“ Направленіе это, представляющее разновидность позитивизма, въ основѣ своей сенсуалистическое, хотя и титулуетъ себя затѣйливымъ названіемъ раціональнаго реализма *).

Гораздо легче отвѣтить на другой вопросъ, ибо отвѣтъ можетъ принять общую форму. Въ виду успѣховъ и завоеваній естествовѣденія, рѣзко всѣмъ и каждому бросающихся въ глаза въ силу практическаго ихъ примѣненія, въ массѣ болѣе или менѣе образованной публики съ словомъ: точныя, опытныя науки, соединяется мысль о такой точности и непогрѣшимости, какая соединяется у вѣрующаго съ мыслью о св. Писаніи. При этомъ условіи весьма естественно, что нѣкоторыя философскія направленія пытаются *выдать себя за точную науку*. Такъ въ 50-хъ годахъ матеріализмъ, который есть несомнѣнно философско—метафизическая система, въ глазахъ образованныхъ людей рѣшительно выдавалъ себя за точную и положительную науку.

*) Здѣсь я позволю себѣ указать читателю на поучительный, по моему мнѣнію, разборъ системы Льюиса, принадлежащій г. Стадлину и помѣщенный въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1876 года.

Но какъ бы то ни было, самое обычное *злоупотребленіе* словомъ: „наука“, состоитъ въ томъ, что выставляютъ какую либо теорію, систему, словомъ, опредѣленное ученіе и приклеиваютъ къ нему общій ярлыкъ: „наука.“ Мой совѣтъ людямъ неопытнымъ всегда у предлагающаго ученіе съ такимъ ярлычкомъ добиваться отвѣта на вопросъ: „какая наука?“ Пусть не даютъ предлагающему укрываться за такой отвѣтъ, что „ученіе де не принадлежитъ той или другой наукѣ, а наукѣ вообще.“ Дѣло въ томъ, что *въ отвлеченномъ понятіи: наука*, не можетъ и не должно заключаться представленія о какомъ бы то ни было выраженномъ ученіи или положеніи. *Въ понятіи науки мы отвлекаемся отъ всякого опредѣленнаго содержанія* и мыслимъ только познаніе вообще, а также другіе общіе признаки наукъ, напр., систематичность, логическую обработку и пр.

Но какъ скоро какое либо опредѣленное содержаніе дѣйствительно не принадлежитъ частнымъ наукамъ, а составляетъ ихъ *синтезъ*, то оно не есть просто наука, а есть, было и, вѣроятно, будетъ *особою наукою*, имя которой *философія*.

Само собою разумѣется, что люди въ большинствѣ случаевъ безсознательно и неумышленно свои философскія соображенія прикрываютъ флагомъ науки вообще и въ то же время ратуютъ противъ философіи, т. е., въ сущности противъ другихъ философскихъ направленій Къ этому же случаю относится, вѣроятно, и ратованіе моего многоуважаемаго оппонента. Дѣйствуетъ въ этихъ случаяхъ *инстинктъ*, который иногда вѣрнѣе сознательнаго соображенія указываетъ человѣку способъ пустить въ міръ хилое, но въ то же время любезное родительскому сердцу, философское *дѣтище подъ флагомъ* точной науки.

Въ главномъ я окончилъ свой отвѣтъ П. И. Аландскому. Теперь остается еще въ немногихъ словахъ дополнить характеристику его стратегическихъ пріемовъ. Это дополненіе я и сгруппирую подъ новою рубрикою.

Captatio benevolentiae. Да, инстинктъ иногда лучшій стратегъ и дипломатъ, чѣмъ самое обстоятельное сознательное соображеніе. Онъ не только подсказалъ моему многоуважаемому оппоненту способъ свою философію противопоставить всякой другой подъ общимъ именемъ науки, но онъ же и указалъ ему пріемы, посредствомъ которыхъ всего удобнѣе воспользоваться для этой цѣли данною *почвою*, т. е., общимъ настроеніемъ большинства читателей.

Нападеніе П. И. Аландскаго на философію въ лицѣ недостойнаго ея представителя раздѣлялось на двѣ части: въ одной онъ пытался опровергнуть ее съ теоретической точки зрѣнія, т. е., утверждать, что она не наука и что міръ не ея предметъ, во второй съ практической, т. е., доказывать, что она безполезна и что для единства міросозерцанія и нравственности отъ нея помощи никакой нѣтъ. Вторая часть предшествовала у моего оппонента первой, между тѣмъ какъ, очевидно, *естественный* порядокъ долженъ быть обратный. Для науки, проигравшей свое дѣло на теоретической почвѣ, мудрено поправиться на практической.

Неестественность эта возбудила мое любопытство, и я пытался объяснить ее. Сначала я подумалъ, что отрицаніе самой философіи послѣдовало за отрицаніемъ ея практической пользы, потому что первое труднѣе втораго по самой сущности дѣла. Но, принявъ въ соображеніе ту легкость, съ какою мой антагонистъ скользилъ по препятствіямъ, я убѣдился, что трудность дѣла была не при чемъ въ порядкѣ содержанія „Философіи и Науки.“ Тогда стало ясно, что я имѣю дѣло просто съ стратегическимъ пріемомъ, цѣль котораго потрясти подо мною почву. Всего вѣроятнѣе, что стратегическій пріемъ этотъ подсказанъ тѣмъ же инстинктомъ, который нашептывалъ его носителю приблизительно слѣдующее:

„Самое главное дѣло въ завоеваніи отечественнаго читателя заключается въ томъ, чтобы прежде всего *отуманить* его разными излюбленными *словами*, напр., реальное знаніе, точная наука и т. п. Эти слова у русскаго читателя соединены съ представленіемъ $2\times2=4$; о логическомъ же содержаніи этихъ понятій онъ во всю свою читательскую жизнь ни разу не подумалъ, потому что онъ вообще не любитъ даже словъ: логика или логическій. Далѣе тотъ же читатель любитъ разговоръ о *силѣ знанія*, науки. Онъ давно уже вѣруетъ, что съ физикой и химіей можно устроить райское житье, если бы только не мѣшали разныя соціальныя условія. Но въ послѣднее время отечественные публицисты на столько пашумѣли ему о новыхъ наукахъ, соціологіи и антропологіи, что онъ повѣритъ, если приписать имъ, какую угодно, чудодѣйственную силу въ дѣлѣ общественности и въ дѣлѣ благополучія человѣческаго. *Стѣсняться* въ изображеніи чудесъ соціологіи и антропологіи ничѣмъ *не нужно*, ибо читатель ни за что не станетъ справляться о соціологіи у какихъ либо Контовъ или Спенсеровъ, а

объ антропологіи въ какихъ либо мемуарахъ или бюллетеняхъ антропологическихъ обществъ. Затѣмъ, отуманивъ читателя всѣми этими наркотиками, можно смѣло уничтожить и „Этюды“ и философію Этюдовъ безъ всякихъ другихъ усилій, кромѣ простой *игры* перомъ“.

Какъ мы видѣли, совѣтъ инстинкта исполненъ былъ въ точности. Ошибся или нѣтъ инстинктъ въ своемъ разсчетѣ на читателя?—разрѣшить этотъ вопросъ и притомъ фактически можетъ онъ самъ.

Теперь удобное мѣсто сказать нѣсколько словъ о *нотаціи*, которую далъ мнѣ П. И. Аландскій по поводу термина: *связь*. См. цитату № 9-й.

Нотація была дана совершенно даромъ. Такъ какъ дѣйствительно въ своей книгѣ я упомянулъ объ связи между науками мимоходомъ и не давалъ „болѣе подробнаго разъясненія съ помощью терминовъ болѣе точныхъ и спеціальныхъ“, по выраженію моего оппонента, предоставляя себѣ сдѣлать это въ будущихъ частяхъ своего труда, то со стороны моего критика всего справедливѣе было бы подождать этого разъясненія съ присовокупленіемъ, или даже безъ присовокупленія сожалѣнія, что я не сдѣлалъ его до сихъ поръ. Во всякомъ случаѣ рѣчь о „смутности представленій и о только *кажущейся* ясности“ термина: связь, была преждевременною и излишнею. Далѣе совершенно неестественно приведено было воззрѣніе Конта въ истолкованіи Милля на связь между науками. Прежде всего почему было бы не допустить, что взглядъ Конта *извѣстенъ* и мнѣ самому; а во вторыхъ взглядъ Конта вовсе не есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ, что признаетъ и самъ Контъ. Величественный апломбъ, съ какимъ мой почтенный оппонентъ указывалъ въ своей статьѣ на *свѣтъ, проливаемый* Контомъ на связь между науками, нѣсколько перегибаетъ въ комическое, когда мы припомнимъ слѣдующія обстоятельства.

Дѣло въ томъ, что во второй главѣ „Курса положительной философіи“ Контъ излагаетъ планъ своего курса и опредѣляетъ науки, которыя должны войти въ систему положительной философіи. Раздѣливъ науки на теоретическія и практическія или искусства, раздѣливъ первыя на абстрактныя и конкретныя и далѣе разрѣшивъ вопросъ о раціональнѣйшемъ изложеніи наукъ, Контъ переходитъ къ вопросу о *классификаціи наукъ*, имѣющихъ войти въ систему и о ихъ *іерархіи* или объ энциклопедической лѣстницѣ. Принимая, что основныхъ наукъ шесть (математика, астрономія, физика, химія, физіологія, соціальная

физика), онъ прежде всего допускаетъ возможность (по числу математическихъ перемѣщеній) 720 различныхъ классификацій. Хотя только весьма немногія изъ этихъ комбинацій были предложены, но нѣтъ ни одной, думаетъ Контъ, за которую нельзя было бы найти какихъ либо основаній. Самъ Контъ раціональнѣйшею энциклопедическою лѣстницею считаетъ распредѣленіе наукъ въ порядкѣ, „опредѣляемомъ степенью простоты или, что то же самое, общности явленій, которою обусловливается ихъ послѣдовательная зависимость и большая или меньшая легкость ихъ изученія". (Cours I, 68). Выше обозначенный порядокъ наукъ, въ которомъ мы переходимъ отъ легчайшей и изучающей всеобщія явленія науки къ труднѣйшимъ и изучающимъ частныя и сложнѣйшія явленія, выражаетъ, по Конту, *истинную филіацію* наукъ и естественную ихъ *связь и зависимость* другъ отъ друга.

Что же мы видимъ изъ всего этого?

То, что *связь*, объединяющая, по Конту, науки вовсе не есть какая то *особая* и *безусловная* (какъ могъ бы подумать иной изъ торжественности указанія на нее моего оппонента). Связь эта просто обусловлена особою точкою зрѣнія Конта на отношенія явленій, изучаемыхъ науками, при чемъ онъ самъ допускаетъ возможность иныхъ точекъ зрѣнія, слѣдовательно, и иныхъ воззрѣній на связь. И дѣйствительно, *отношенія* между предметами наукъ такъ *разнообразны*, что возможно на нихъ посмотрѣть иначе, тогда и *связь* между науками будетъ формулирована *иначе*, и схема зависимости ихъ приметъ другой видъ. Что теорія Конта о связи, взаимной зависимости и іерархіи наукъ не есть нѣчто безусловное, доказывается и тѣмъ, что она можетъ быть оспариваема и дѣйствительно оспаривалась напр., Спенсеромъ (см. его статью: Генезисъ науки). Этотъ послѣдній не только отвергаетъ Контовскую схему и іерархію, но даже самую идею линейнаго распорядка наукъ. По Спенсеру, Контъ односторонне посмотрѣлъ на взаимную зависимость наукъ и просмотрѣлъ зависимость ихъ въ обратномъ порядкѣ его ряда. Мнѣ, конечно, нѣтъ надобности входить здѣсь въ разсмотрѣніе спора Спенсера съ Контомъ: я упомянулъ объ немъ только для того, что воззрѣніе Конта на связь между науками не есть выраженіе какого либо точнаго научнаго закона, въ родѣ закона тяготѣнія и т. п.

Но, не говоря о возраженіяхъ Спенсера, мы даже à priori можемъ смѣло оподозрить основательность воззрѣній Конта на связь и зависи-

мость наукъ на томъ основаніи, что Контъ не признавалъ такой важной науки, какъ психологія, которую признаетъ мой почтенный оппонентъ. Между тѣмъ очевидно, что психологія должна имѣть огромное вліяніе, если не на формулировку содержанія остальныхъ наукъ, то на *философское истолкованіе* этого содержанія по той простой причинѣ, что факты внѣшняго опыта есть прежде всего выраженіе законовъ, въ которыхъ выражается дѣятельность нашихъ психическихъ силъ. По этому даже въ схемѣ линейнаго ряда наукъ можно съ достаточною основательностью поддерживать, что рядъ можетъ начаться съ психологіи.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній я позволю себѣ вывести заключеніе, что *и нотація* за „смутное“ якобы представленіе о связи наукъ, и слѣдующее въ подкрѣпленіе нотаціи *указаніе на „свѣтъ“*, проливаемый Контомъ, суть результаты не стремленій разъяснить дѣло и выработать истинный на него взглядъ, а возбужденій того же инстинкта, научающаго пользоваться почвою. Большинство читателей благоволитъ къ Конту, хотя знакомство съ его сочиненіями и надлежащая оцѣнка этого замѣчательнаго мыслителя составляетъ большую рѣдкость не только у читателей, но и у писателей *) о Контѣ. Мнѣ думается, что благосклонность *однихъ* читателей къ Конту главнымъ образомъ коренится на неблагосклонности къ нему *другихъ*, которые, пожалуй, еще менѣе чѣмъ первые, могутъ похвалиться знакомствомъ съ нимъ.

Но такъ какъ благосклонные къ Конту читатели и многочисленнѣе и посвѣжѣе, то весьма естественно, что мой уважаемый оппонентъ, выставляя Конта, инстинктивно пытался съ одной стороны уловить ихъ на свою сторону и съ другой возбудить противъ враждебной философіи.

Къ стратегическимъ пріемамъ, имѣющимъ въ виду почву, а не самое дѣло, должно отнести и разныя, не относящіяся къ дѣлу *замѣчанія*, напр., что „философія для объясненія біологическихъ явленій любитъ прибѣгать къ цѣлесообразности, которой не знаетъ наука“, (стр. 142) или же что, когда объ органическихъ процессахъ имѣли „неопредѣленное понятіе“, то объясняли ихъ „жизненной силой“ (стр. 141). Полагаю, что всякій, кто внимательно читалъ статью: „Философія и Наука“ охотно согласится, что означенныя и другія замѣчанія мо-

*) При этомъ считаю долгомъ замѣтить, что недавно появившееся изслѣдованіе г. Лесевича: объ основныхъ началахъ философіи Конта, составляетъ достойное вниманія исключеніе.

гли бы отсутствовать въ ней безъ всякаго ущерба для того хода мысли автора, въ который онѣ внѣшнимъ образомъ включены. По этому очень вѣроятно, что главная цѣль этихъ замѣчаній, *накинуть тѣнь* на гонимые „Этюды“. Вѣдь, весьма и весьма возможно, что кто либо, не читавшій Этюдовъ, сообразитъ, что эти „цѣлесообразности и жизненныя силы“ въ оныхъ „Этюдахъ“ кишмя кишатъ. Возможность такого соображенія со стороны читателя становится для него какъ бы необходимостью, когда онъ среди изложенія, идущаго отъ лица автора „Философіи и Науки“, вдругъ встрѣчаетъ четыре словечка: „неопредѣленное понятіе“ и „жизненная сила“, заключенными въ кавычкахъ (стр. 141). Едва ли какой читатель отнесетъ эти кавычки къ чему либо иному, а не къ содержанію Этюдовъ: и до сихъ поръ я не могу понять, какой бы могъ быть мотивъ появленія этихъ кавычекъ, кромѣ цѣли соблазнить читателя.

Но я бы, пожалуй, и не поднялъ вопроса ни о кавычкахъ, ни вообще о замѣчаніяхъ, если бы эти послѣднія могли быть поставлены *исключительно въ укоръ* если не Этюдамъ, то вообще *философіи*. Но этого-то и нѣтъ! Не говоря уже о томъ, что великій споръ между чисто механическимъ и телеологическимъ объясненіемъ міра все таки окончательно не рѣшенъ (рѣшенъ онъ, по моему, противъ телеологіи только по отношенію къ ходячему пониманію идеи цѣлесообразности, но возможны и есть иныя воззрѣнія на эту идею); не говоря уже о томъ, спрашивается, давно ли сама *біологія*, какъ частная наука, въ своей собственной средѣ *отказалась* отъ идеи цѣлесообразности, да и отказались ли и теперь въ лицѣ всѣхъ своихъ представителей. Далѣе одни ли философы принимали понятіе жизненной силы? Не говоря уже о томъ, что въ свое время эта идея была принята многими извѣстными представителями зоологіи и ботаники, каковы напр. Тревиранусъ, Аутенритъ и другіе, еще не очень давно защищалъ се одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей положительной науки, Ю. Либихъ!

Но пока довольно: довлѣетъ дневи злоба его!

Разставаясь съ моимъ многоуважаемымъ оппонентомъ, я позволю себѣ *увѣрить* его, что въ настоящемъ спорѣ моемъ съ нимъ главною задачею моею было отстоять, по мѣрѣ силъ, *положеніе и права* той науки, которой я имѣю честь считать себя однимъ изъ послѣднихъ представителей. Ради одной защиты своего труда я всего вѣроятнѣе и не вошелъ бы въ это утомительное препирательство.

Теперь обращусь къ другому противнику философіи, г. Гроту.

II.

Въ „Извѣстіяхъ“ Нѣжинскаго историко-филологическаго института напечатанъ былъ критическій очеркъ на мою книгу другого моего оппонента, г. Грота.

Въ началѣ своей статьи (стр. 1) [1]) авторъ заявляетъ, что книга моя свидѣтельствуетъ о моихъ „серьезныхъ стремленіяхъ, глубокихъ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ“ и что она заслуживаетъ „серьезнаго разбора.“ Это заявленіе вызываетъ чувство глубокой благодарности къ автору. Но съ другой стороны я очень сожалѣю, что моя книжка нисколько не способствовала примиренію его съ возможностью и надобностью философіи, какъ науки.

„Философія, говоритъ онъ (стр. 10), какъ особая наука о мірѣ въ его цѣломъ, выходящая изъ общихъ положеній другихъ наукъ, не только не нужна, но и невозможна какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія.“

Ясно, что г. Гротъ въ энергическомъ отрицаніи философіи не уступаетъ г. Аландскому, съ которымъ у него есть вообще солидарность въ воззрѣніяхъ, что признано и имъ самимъ (стр. 13). Но при общности основныхъ воззрѣній, конечно, есть и различіе у обоихъ моихъ критиковъ. Г. Аландскій не входилъ въ подробности при разборѣ моей книги и напалъ на сравнительно общія положенія. Г. Гротъ подвергъ критикѣ не только мои „общія положенія и выводы,“ но вскрылъ и всѣ „неточности, невѣрности или промахи въ фактическихъ указаніяхъ, неопредѣленности и противорѣчія въ изложеніи“ (стр. 19, 22),

---

1) Я имѣлъ подъ руками отдѣльный оттискъ критическаго очерка г. Грота, а потому цитаты мои обозначены по нумераціи этого оттиска.

однимъ словомъ, *перетряхнулъ* все содержаніе книги вплоть до опечатокъ. Г. Аландскій совершалъ вышеуказанныя перестановочки, недомолвочки и проч., потому что не рѣдко глядѣлъ на содержаніе моей книги нѣкоторымъ образомъ съ высоты птичьяго полета. Г. Гротъ напротивъ не мало погрѣшилъ противъ меня и „Философскихъ этюдовъ“ въ слѣдствіе *чрезмѣрной пылкости*, съ какою онъ устремился на сокрушеніе моихъ заблужденій, и вслѣдствіе *нарочитаго усердія*, съ которымъ онъ отыскивалъ въ моей книгѣ промахи, ошибки и прочія провинности. Эта пылкость и усердіе до того ослѣпили г. Грота, что онъ не замѣтилъ *настоящихъ* ошибокъ, промаховъ и противорѣчій, которыя, по общей судьбѣ дѣлъ человѣческихъ, непремѣнно есть въ моей книгѣ. Отсюда въ объекты для его ударовъ внесены были имъ же самимъ мнимые и искусственные *элементы*, состоящіе изъ *перетолкованій и искаженій* моихъ мыслей, искусственно *вздутыхъ вопросовъ и требованій объясненій* тамъ, гдѣ дѣло ясно и безъ объясненій, наконецъ изъ *мухъ*, превращенныхъ въ слоновъ.

Выпрямить всѣ искривленія, которыя произвелъ г. Гротъ въ моихъ мысляхъ, пересчитать всѣ мыльные пузыри вздутыхъ имъ недоразумѣній и редуцировать всѣхъ слоновъ къ ихъ естественнымъ мушинымъ размѣрамъ было бы работою крайне неблагодарною и утомительною, а потому я остановлюсь только на *немногихъ образчикахъ* критическихъ эволюцій моего второго оппонента. Да и нѣтъ надобности до мелочей разверстываться съ нимъ, ибо самозащита есть для меня второстепенное дѣло и предпринимается въ той степени, въ какой это полезно для защиты той науки, подъ знаменемъ которой я имѣю честь состоять. Въ предыдущихъ же частяхъ моей статьи я уже высказалъ крайнее свое разумѣніе по поводу многихъ вопросовъ, въ которыхъ подвергалось сомнѣнію значеніе философіи. Образчиковъ искривленій и перетолкованій моихъ мыслей и положеній довольно много у г. Грота сравнительно съ цѣлымъ объемомъ его статьи ($27^1/_2$ страницъ). Я остановлюсь на нѣсколькихъ, сдѣланныхъ моимъ критикомъ, при разборѣ *одного только вопроса*: „можетъ ли философія имѣть значеніе науки, строющей общую идею міра?“ (стр. 4). Ходъ мысли г. Грота въ этомъ случаѣ таковъ:

Признавая, что мои „доказательства“ вышепостановленнаго положенія „историческія и не считая важнымъ для своихъ цѣлей немедленное рѣшеніе вопроса о вѣрности“ этихъ историческихъ доказа-

тельствъ и выводовъ изъ нихъ, г. Гротъ спрашиваетъ: „достаточно ли собрать всѣ сходныя черты въ дѣятельности людей, случайно или не случайно признаваемыхъ общественнымъ сознаніемъ за философовъ, выразить эти сходныя черты въ одномъ опредѣленіи и приставить это опредѣленіе къ термину философія, чтобъ доказать, что такое-то содержаніе философія дѣйствительно можетъ и должна имѣть въ будущемъ“ (стр. 5).

Я не могу оставить безъ отвѣта этотъ вопросъ моего критика, но прежде считаю нужнымъ цитировать дальнѣйшія его разсужденія.

„Для того чтобы согласиться съ такимъ пріемомъ доказательства, необходимо было бы признать непогрѣшимость абсурднаго принципа, „что то, что существовало прежде, этимъ самымъ фактомъ своего прошедшаго существованія доказало свои права на неизмѣнное существованіе въ будущемъ „такое положеніе есть явное πρῶτον ψεῦδος. Такимъ пріемомъ можно бы было, пожалуй, доказать и права схоластическихъ бредней на вниманіе современнаго общества. Мало ли было заблужденій, которыя прошли, чтобъ не возвращаться“ (стр. 5).

Какъ ни тяжко, а приходится остановиться надъ этимъ узелкомъ г. Грота.

Спрашивается, существуютъ ли нѣсколько вѣковъ имена: философія, философъ? Безспорно существуютъ! Существовали ли и существуютъ ли особыя явленія и вещи, къ которымъ эти имена прилагаются? Существуютъ и существовали для меня, по крайней мѣрѣ, явленія, которыя этими именами называются и назывались: философіею называются особые продукты дѣятельности человѣческаго мышленія, а философами люди, по преимуществу упражняющіеся въ дѣятельности, дающей эти особые продукты. Предполагая, что мы или вовсе не знаемъ, или очень смутно знаемъ, что это за продукты и что за дѣятельность, спрашивается, какъ узнать точно, что они такое, или, говоря техническимъ языкомъ, требуется опредѣлить понятіе философа и философіи.

Удовлетворить въ достаточной мѣрѣ этому требованію можно было единственно прочнымъ путемъ *изслѣдованія* тѣхъ особыхъ продуктовъ человѣческаго мышленія, которые назывались философіею и собрать *общія и существенныя* черты или признаки этихъ продуктовъ. Такъ я и сдѣлалъ; и казалось бы, что г. Гроту слѣдовало немедленно подвергнуть изслѣдованію вѣрность этой операціи отвлеченія общихъ и существенныхъ чертъ отъ данныхъ въ исторіи явленій и на этомъ

основаніи произнести свою оцѣнку разбираемаго труда. Но вмѣсто этой естественной своей задачи мой критикъ завелъ совершенно неидущую къ дѣлу рѣчь о „содержаніи, которое философія дѣйствительно можетъ и должна имѣть въ будущемъ.“ Да откуда же взялъ г. Гротъ, что я въ своей книгѣ задался этимъ праздным вопросомъ! Вопросъ состоялъ въ томъ, была ли и есть ли философія наука о мірѣ, а вовсе не въ томъ, чѣмъ она можетъ и должна быть въ будущемъ? Этотъ вопросъ, какъ и всѣ другіе вопросы о будущемъ, нельзя рѣшить въ такой безусловной постановкѣ. Если люди не снизойдутъ до состоянія звѣрей, если у нихъ будетъ живая потребность въ понятіи міра, если научная дѣятельность людей останется въ состояніи спеціализаціи, если затѣмъ вообще космическія и теллурическія условія останутся приблизительно таковыми же, какъ и теперь, то можно утверждать навѣрное, что могутъ и должны быть тѣ особые продукты мысли человѣческой, которые до сихъ поръ назывались философіею. Но что они и впередъ будутъ называться такъ же, а не иначе, о томъ, даже и при предположеніи всѣхъ вышеозначенныхъ условій, утверждать весьма трудно по той простой причинѣ, что *имена вещей* или явленій перемѣняются совсѣмъ отъ *другихъ* причинъ, чѣмъ самыя вещи. Но вопросъ объ имени, конечно, никакого вліянія на самое дѣло не имѣетъ.

Какъ бы то ни было, мы въ этомъ случаѣ несомнѣнно натыкаемся на одинъ изъ тѣхъ *мыльныхъ пузырей*, которые вздуваетъ мой критикъ ради удовольствія разрушать ихъ собственнымъ же дуновеніемъ. Для меня несомнѣнно, что въ основѣ этого пузыря лежитъ смѣшеніе вещи или явленія съ ея понятіемъ. Содержаніе философскихъ воззрѣній мѣняется съ теченіемъ времени, но само понятіе философіи остается незыблемымъ. Схоластическое міросозерцаніе, естественный, но не удовлетворительный для насъ продуктъ философской мысли своего времени, также точно имѣло право на имя философіи, какъ и міросозерцаніе современной философской мысли. Какъ ни различно содержаніе сочиненій Риттера и Страбона, но все таки они обнимаются общимъ понятіемъ географіи, потому что это послѣднее заключаетъ такіе признаки, которые оказываются общими сочиненіямъ и древняго, и новаго географа.

Но воротимся къ дальнѣйшимъ соображеніямъ г. Грота.

Находя, что я не рѣшилъ вопроса „о возможности *будущаго существованія* философіи какъ науки о мірѣ,“ онъ рѣшаетъ его самъ.

Я ничего не имѣлъ бы противъ этого занятія, если бы на первомъ же шагу онъ не *покривилъ* и не *перетолковалъ* одного изъ моихъ положеній. Дѣло въ томъ, что г. Гротъ на основаніи двухъ мѣстъ моей книги (см. выше цит. № 3 и Фил. Этюды стр. 73) говоритъ, что я „выдѣляю изъ области философіи психологію и психологическую теорію познанія“ (стр. 5). Совершенно *вѣрно* относительно психологіи, но относительно психологической теоріи познанія не только въ обоихъ мѣстахъ, но и въ цѣлой моей книжкѣ не было сказано *ни слова*. (Не сказано было не потому, чтобы терминъ: психологическая теорія познанія, былъ невозможенъ, но потому что это весьма, такъ сказать, деликатный терминъ, представляющій весьма тонкій оттѣнокъ мысли, а потому подлежащій несомнѣнному смѣшенію въ сознаніи тѣхъ читателей, которые умѣютъ отличать только комара отъ слона). Очевидно, что г. Гротъ мое выраженіе: „законы процесса познанія вообще“ замѣнилъ своимъ выраженіемъ: „психологическая теорія познанія“ считая ихъ тождественными.

Не могу не замѣтить мимоходомъ, что тотъ произволъ, съ которымъ господа критики позволяютъ себѣ иногда распоряжаться выраженіями разбираемаго автора, коренится главнымъ образомъ на *предположеніи*, что авторъ употребляетъ свои выраженія зря, какое попадетъ подъ руку. Конечно бываютъ и такіе, но есть авторы, которые, можетъ быть, ни одного предложенія безотчетно не напишутъ, а потому справедливость требуетъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ и всѣхъ мѣрить по этой мѣркѣ.

Но возвращаясь къ г. Гроту, я долженъ сказать, что онъ не только позволилъ себѣ произволъ вообще, но *произволъ*, очевидно, *умышленный*. Дѣло въ томъ, что, при отсутствіи термина: „психологическая теорія познанія,“ нѣсколько разъ въ моей книгѣ встрѣчается другой терминъ: *философская теорія познанія*, такъ напр. на стр. 80, 81 и 82. Но этого мало! тотъ же самый терминъ есть въ *предложеніи*, какъ разъ *непосредственно* слѣдующемъ за тѣмъ, на которое ссылается г. Гротъ, говоря, что я „выдѣляю изъ области философіи психологію и психологическую теорію познанія.“ Но и этого все еще мало! Въ этомъ слѣдующемъ предложеніи сказано ясно, ipsissimus verbis, что „теорія философскаго познанія образуетъ особый весьма важный отдѣлъ философіи.“ (Я прошу читателя, если онъ только интересуется вопросами, о которыхъ у меня идетъ споръ съ моими оппонентами,

свѣрить стр. 5 очерка г. Грота съ моей книгой стр. 48. Для тѣхъ же, у кого нѣтъ подъ рукой ни книги, ни очерка г. Грота, замѣчу, что изъ двухъ предложеній составляющихъ цитату № 3 (см. выше) первое со словъ: „Далѣе философія...," до словъ: „Общіе законы" приведено въ выноскѣ у г. Грота).

И такъ, *присутствіе* моего термина: философская теорія познанія, не только не остановило г. Грота отъ навязыванья мнѣ ни разу не употребленнаго мною термина: психологическая теорія познанія, но даже не остановило отъ явнаго и полнаго искаженія и изувѣченія моей мысли. Я не только *не выдѣляю теорію познанія* изъ области философіи, но считаю ее важнѣйшею составною частью этой науки.

Для чего понадобилось г. Гроту умышленное искаженіе моей мысли, это уясняется изъ слѣдующаго за тѣмъ заявленія г. Грота, что онъ самъ подъ „философіей разумѣетъ только общее названіе круга частныхъ, спеціальныхъ наукъ (какъ психологія, теорія познанія, исторія развитія мысли, т. е., исторія философіи и т. д.);" для него философія есть „только flatus vocis" (стр. 6). Дѣло, видите ли, въ томъ, что г. Гроту хотѣлось *обойти* споръ со мною о значеніи теоріи познанія, споръ, въ которомъ вся, по крайней мѣрѣ, нѣмецкая философская современная литература была бы на моей сторонѣ. Дѣло въ томъ, что то, для чего въ послѣднее время у нѣмцевъ окончательно установился терминъ: Erkenntniss theorie, Erkenntnisslehre, и что называлось въ философіи также многими другими именами, напр., діалектикой, метафизикой, объективной логикой, онтологіею, логикой въ широкомъ смыслѣ и пр., составляло и составляетъ важнѣйшую часть, отдѣлъ, главу (названіе ad libitum) философіи. Вотъ *эту то главу* и хотѣлось оттягать г. Гроту у философіи, и если бы ему это удалось, то дѣло его было бы, что называется, въ шляпѣ, ибо возможны и есть такія философскія направленія (напр. скептицизмъ) которыхъ вся философія, если можно такъ выразиться, состоитъ только изъ одной и притомъ весьма жиденькой теоріи познанія. Но, какъ утверждаю я, желая выиграть дѣло безъ боя, г. Гротъ сдѣлалъ попытку воспользоваться въ ущербъ философіи и ея недостойнаго представителя весьма *смутнымъ* по своей неустановленности въ русскомъ языкѣ (хотя и точно переводящемъ нѣмецкое: Erkenntnisstheorie) *терминомъ*: теорія познанія. Для большей гарантіи успѣха прибавлено прилагательное: психологическая, которое, послѣ того какъ отслужило свою службу на стр. 5, было отброшено за ненадобностью на 6-й.

Но я еще ворочусь къ значенію теоріи познанія, а теперь послѣдуемъ за ходомъ мысли г. Грота и за другими искривленіями, которымъ онъ подвергъ мою мысль.

Навязавъ мнѣ отреченіе отъ теоріи познанія и спрятавъ изъ игры, такъ сказать, старшаго козыря философіи, мой критикъ уже съ *веселымъ духомъ* принимается ощипывать ее далѣе и говоритъ, что „особаго фактическаго матеріала на долю *особой науки* философіи не выпадаетъ“ (стр. 6). Что „наблюденіе частныхъ фактовъ и выводъ частныхъ законовъ“ не входятъ въ задачу философіи, въ томъ г. Гротъ весьма *справедливо* ссылается на мои „Этюды.“ Точно также вѣрно и то, что я не признаю предметомъ философіи идеи, составлявшія ея содержаніе въ до-Кантовскомъ догматизмѣ, напр., Богъ, душа.

Но далѣе у г. Грота слѣдуетъ новое искривленіе моей мысли, когда онъ прибавляетъ: „ни другія какія либо сущности не могутъ быть предметомъ философскихъ построеній, думаетъ г. Козловъ“ (стр. 6). При этомъ мой критикъ опять таки ссылается на меня самого, что будто бы я говорю о „невозможности познанія сущностей вообще въ разсужденіяхъ о различіи понятій бытія и міра“ (стр. 6 прим.) и даже приводитъ одно предложеніе изъ этихъ разсужденій. Но какъ въ этомъ приведенномъ предложеніи, такъ и во всѣхъ моихъ разсужденіяхъ о различіи понятій бытія и міра („Этюды“ стр. 23—37) о *„невозможности познанія сущностей“* нѣтъ ни слова, что я и прошу читателя, имѣющаго подъ рукою мою книгу, провѣрить. Но зато въ этихъ разсужденіяхъ *не разъ говорится* о невозможности познанія *„пустыхъ возможностей,“* которыя мыслятся въ признаваемомъ философами трансцендентномъ бытіи; о нихъ же говорится и въ цитированномъ г. Гротомъ предложеніи. Дѣло въ томъ, что сущности сущностямъ рознь; такъ, напр., съ сущностями, ученіе о которыхъ излагалось въ старинныхъ *пневматологіяхъ* или въ сочиненіяхъ новѣйшихъ спиритовъ, долженъ быть одинъ разговоръ, а съ сущностями въ родѣ монадъ Лейбница, реальныхъ Гербарта или атомовъ матеріализма и пр.—другой: дѣло зависитъ отъ способа постановки сущностей и основаній, на которые опирается ученіе о нихъ. Философія, задающаяся вопросомъ о *сущности* міра или міроваго процесса, никогда не можетъ и не должна принципіально отказаться отъ изысканія *послѣднихъ и простѣйшихъ началъ*, къ которымъ можно было бы свести все разнообразіе и вещей, и событій міра. Все ограниченіе, къ которому она при

этомъ обязывается, состоитъ только въ крайней и всесторонней осмотрительности и отчетливости въ дедукціяхъ, гипотезахъ, и другихъ логическихъ пріемахъ, которые употребляетъ философія на ряду съ другими науками для рѣшенія своихъ вопросовъ. Но вопросъ о *сущности* міра, и его процесса, или иначе выработка *понятій* міра и мірового процесса и есть главная задача философіи.

Конечно, нѣкоторые утверждаютъ, что нельзя рѣшить вопроса о сущности міра: но это утвержденіе, при попыткѣ подкрѣпить его *доказательствами и логическими основаніями*, обнаруживаетъ замѣчательное свойство приводить къ результатамъ, противоположнымъ тѣмъ, которые повидимому намѣчаются. Попытки логически *отрицать бытіе сущности* вещей приведутъ только къ убѣжденію въ бытіи этой сущности, попытки *утверждать ея непознаваемость* къ убѣжденію, что или нѣтъ вовсе никакого знанія, или что знаніе только и можетъ состояться при предположеніи познаваемости сущности вещей во-первыхъ, а во-вторыхъ что послѣдняя цѣль всяческаго знанія есть познаніе этой сущности. Къ сожалѣнію, я немогу вступить здѣсь съ читателемъ въ интересную но, по свойству своему, длинную бесѣду объ этомъ предметѣ, хотя надѣюсь имѣть къ тому поводъ въ другомъ мѣстѣ и въ другое время. Во всякомъ случаѣ *скептицизмъ*, т. е., направленіе, отрицающее сущность вещей или ихъ познаваемость, всегда само принадлежало къ области философіи и при томъ совершенно законно, добавлю я.

Но однако воротимся къ г. Гроту!

Во всякомъ случаѣ я *не отрицалъ* принципіально *сущностей* и мой критикъ позволилъ себѣ произвольно измѣнить букву моихъ положеній и перетолковать ихъ смыслъ.

И такъ, „ни теоріи познанія, ни простыхъ опытныхъ фактовъ, ни сущностей“ нѣтъ у философіи! Остается у ней „*синтезъ* результатовъ, добытыхъ всѣми прочими отраслями знанія“ (стр. 7). Этимъ, думаетъ г. Гротъ, долженъ я удовольствоваться, и не ошибся. Я согласенъ и на это, ибо въ *этой задачѣ* философіи я могу въ случаѣ надобности возстановить все, и законно (факты), и незаконно (теорію познанія и сущности) отнятое у меня г. Гротомъ. Но г. Гротъ вовсе не такъ благодушенъ, чтобы оставить надолго философіи „синтезъ результатовъ.“ Онъ только, sit venia verbo, подразнилъ насъ лакомымъ кускомъ и тотчасъ же спрашиваетъ: „возможна ли и нужна ли подобная наука,

которая имѣла бы *спеціальностью* своею такой высшій синтезъ“ (стр. 7). Отвѣтъ (г. Грота): „Историческій опытъ показалъ противоположное“ (стр. 7).

Какъ, почему, спрашиваете вы?

Вы думаете, что г. Гротъ и въ самомъ дѣлѣ *опирается* на исторію? Нисколько! Онъ предпочитаетъ болѣе легкій, излюбленный имъ способъ подкрѣпить себя *выводомъ* изъ моихъ же показаній. Онъ приводитъ изъ моей книги цитату, въ которой высказана та мысль, что „ученые, занимающіеся естественными науками ясно и однообразно, особенно въ послѣднее время опредѣляютъ предметъ своихъ наукъ, между тѣмъ, какъ ученые философы разногласятъ въ обозначеніи своей науки.“ Прежде всего вѣрно то, что мысль эта была мною высказана.... но что же изъ того слѣдуетъ?

По моему ничего другаго какъ то, что одни философы не ясно различали границы и предметъ той самой науки, которую они созидали, между тѣмъ какъ другіе, что и указано мною въ „Этюдахъ,“ опредѣляли предметъ своей науки вѣрно.

По г. Гроту слѣдуетъ другое. „Наука, въ которой предметъ еще не опредѣлился не есть наука въ своемъ *прошедшемъ и настоящемъ*, она можетъ сдѣлаться таковою развѣ въ *будущемъ*“ (стр. 7).

На этотъ разъ я не обвиняю моего критика въ какомъ либо искривленіи, но все таки согласиться съ его выводомъ не могу, потому что это значило бы *реальное*, сущее въ природѣ, ставить въ зависимость отъ идеальнаго, т. е., нашего знанія о немъ. Если дѣйствительно существующій предметъ не различенъ людьми отъ другихъ, а потому съ ними смѣшивается, отсюда еще нисколько *не слѣдуетъ*, что предметъ не существовалъ. Весь вопросъ въ томъ, *существовали ли реально* въ сознаніи человѣческомъ познанія о мірѣ, хотя бы и смѣшиваемыя, по нашему, съ познаніемъ о другихъ предметахъ? Если существовали, то наука о мірѣ *была* въ прошедшемъ. Конечно мы, теперь, съ нашей точки зрѣнія, имѣемъ право отвергнуть большую или меньшую часть содержанія бывшей науки, или же и все это содержаніе. Послѣднее можетъ случиться только въ такомъ случаѣ, когда предметъ бывшей науки былъ безусловно мнимый (случай на самомъ дѣлѣ *невозможный*), или же когда содержаніе науки относится не къ мнимому предмету, а къ дѣйствительному, только, съ нашей настоящей точки зрѣнія, составляющему предметъ другой науки.

Дѣло въ томъ, что *граница* между науками не есть нѣчто безусловное, неподвижное; граница науки можетъ быть разширена, съужена—это зависитъ отъ нашихъ, вызванныхъ многими данными въ исторіи обстоятельствами, слѣдовательно, условныхъ цѣлей или задачъ. Границы наукъ только тогда были бы неподвижны, когда не было бы связи между ихъ предметами; но этого нѣтъ; въ дѣйствительности все слито, соединено безчисленными посредствующими мостиками, многообразно *входитъ* одно въ другое. По этому то нѣтъ ничего, по моему крайнему разумѣнію, нелѣпѣе и неестественнѣе, какъ такъ называемый *споръ* между философіей и науками. Науки, которыя дѣйствительно отрицали бы философію, отрицали бы сами себя, ибо конечная цѣль ихъ есть философія, что подъ другимъ именемъ признано на той же страницѣ и г. Гротомъ; съ другой стороны философія, отдѣляющая себя отъ наукъ, отрицала бы себя и дѣлала бы себя мнимою. Дѣйствительный споръ и ведется, и можетъ быть веденъ только между *философіями* различныхъ направленій, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ было уже замѣчено выше, укрываются подъ знамя точной науки, совершая при этомъ ту ошибку, что *условный* и имѣющій только *сравнительное значеніе* терминъ: точная наука, возводятъ во что-то безусловное.

Вообще мы могли бы избавиться отъ многихъ, даромъ отнимающихъ силы и время споровъ, если бы постарались уяснить себѣ все содержаніе весьма *сложнаго* и потому *труднаго* для анализа понятія: наука. Безъ этого уясненія всѣ наши препирательства объ относительномъ значеніи наукъ будутъ безполезны.

Но какъ бы то ни было, философія *существовала въ прошедшемъ и настоящемъ*, не смотря на то, что и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ философы не ясно различали ея границы отъ другихъ наукъ. Точно также нисколько не мѣшаетъ существованію физики, химіи, астрономіи и пр. то обстоятельство, что кто либо изъ представителей этихъ наукъ даетъ не точное опредѣленіе своей науки. Далеко не рѣдкость тотъ случай, что люди, знающіе содержаніе науки, не могутъ сдѣлать точнаго ея опредѣленія. Такой случай ничего иного не означаетъ, какъ то, что эти люди не дали себѣ отчета въ *цѣломъ содержаніи* своей науки сравнительно съ цѣлымъ содержаніемъ другихъ наукъ. Да и давно ли естественныя науки строже и точнѣе разграничили свои предметы? Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія не точность въ опредѣленіяхъ и смѣшеніе областей естественныхъ наукъ были дѣломъ обычнымъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы этѣ науки не существовали.

Далѣе г. Гротъ стремится доказать, что „философія не нужна и невозможна въ будущемъ.“ *Не нужна*, потому что и „частныя науки стремятся къ обобщеніямъ и синтезу, ибо объединяющій синтезъ есть уже *идеальная цѣль частныхъ наукъ*“ (стр. 7). Совершенно вѣрно, но надобно, чтобы кто либо эту идеальную цѣль старался осуществить на дѣлѣ, чего сами науки не дѣлаютъ, что подтверждается и самимъ г. Гротомъ на той же стр. 7-й. Значитъ, философія все таки *нужна*.

Не давши никакого доказательства положенія о ненужности философіи, г. Гротъ переходитъ къ вопросу *о невозможности философіи*.

Главный аргументъ заключается въ томъ, что такъ какъ въ философіи нѣтъ *своихъ фактовъ*, составляющихъ сравнительно устойчивыя исходныя точки, то ей приходится имѣть своимъ основаніемъ и „матеріаломъ не устойчивыя гипотезы другихъ вѣтвей знанія.“ Отъ этого философія не можетъ имѣть достовѣрности, ибо ей приходится „первичныя гипотезы и недоказанныя, хотя и плодотворныя, теоріи синтетизировать во вторичное, *еще болѣе гипотетическое* представленіе о мірѣ какъ цѣломъ!“ Далѣе при этомъ условіи философіи „пришлось бы съ каждымъ новымъ открытіемъ механически перестроивать свои теоріи“ (стр. 8). Наконецъ этотъ „высшій синтезъ наукъ невозможенъ, по г. Гроту, уже и потому, что съ увеличивающимся запасомъ фактическихъ знаній, задачи философіи дѣлаются *практически* неосуществимыми“ (стр. 9). Гдѣ же знать одному человѣку много наукъ со всѣми безчисленными ихъ „вѣтвями и вѣточками.“ На „однихъ выводахъ“ основываться нельзя, „ибо они могутъ быть невѣрны“ (ibid). На авторитеты также полагаться нельзя, „ибо для каждой изъ взаимно исключающихъ и противорѣчащихъ другъ другу теорій существуютъ свои столь же сильные авторитеты.“ Наконецъ авторитетъ, думаетъ г. Гротъ, можетъ имѣть для насъ цѣну только въ той мѣрѣ „въ какой онъ точно, въ научной или литературной формѣ, выражаетъ нашу собственную мысль, или фактъ, эту мысль подтверждающій“ (стр. 10).

Я съ большою охотою *признаю*, что сей часъ изложенное *возраженіе* противъ философіи есть единственное мѣсто въ цѣломъ очеркѣ г. Грота, представляющее признаки серьезной и дѣйствительной критики. Къ счастію, сила этого возраженія значительно ослабляется слѣдующими соображеніями.

1) Г. Гротъ, какъ и многіе другіе противники философіи, забываетъ, что, хотя философія должна имѣть своимъ фундаментомъ нѣ-

сколько частныхъ наукъ, но что онѣ входятъ въ этотъ фундаментъ далеко *не въ равныхъ* составныхъ частяхъ. Задача философіи, и теперь не легкая, можетъ быть, была бы затруднена до непреодолимости, если бы философія находилась *въ равной зависимости* отъ всѣхъ наукъ, которыя должна принимать во вниманіе при построеніи своихъ теорій. Но это не такъ! Главное основаніе для философіи составляетъ *психологія* и ея важнѣйшая, но въ тоже время самостоятельная отрасль, *логика*: зависимость, въ какой стоитъ философія отъ этихъ наукъ значительно *превышаетъ* зависимость ея отъ остальныхъ. Причина этого отношенія станетъ для насъ совершенно ясною, когда мы вспомнимъ, что всѣ безконечно разнообразныя внѣшнія явленія, наполняющія неизмѣримую вселенную, суть не только въ то же время, но прежде всего наши внутреннія явленія, *состоянія или акты* того, что мы называемъ своимъ духомъ, своимъ я. Понятно далѣе и то, что логика составляетъ краеугольный камень философіи, потому что всѣ безъ исключенія науки зависятъ отъ логики, ибо каждая изъ нихъ устанавливая какое либо познаніе на своихъ специфическихъ основаніяхъ должна, —conditio sine qua non—установить его на *логическихъ*. Изъ этого слѣдуетъ, что психологія и логика должны быть знакомы философу во всей полнотѣ такъ что, если ужь, во что бы то ни стало, нужно, чтобы у философіи были свои частные факты, то она смѣло можетъ считать таковыми факты психологіи и логики. Не даромъ психологія только въ послѣднее время выдѣлилась изъ философіи, а логику и до сихъ поръ многіе философы и логики считаютъ отдѣломъ философіи. Конечно, тѣсная связь логики и психологіи нисколько не мѣшаетъ воздѣлывать ихъ независимо отъ философіи, хотя впрочемъ *сомнительно*, чтобы можно было быть *активнымъ дѣятелемъ* въ обѣихъ наукахъ, не имѣя хорошаго знакомства съ исторіею философіи.

2) Далѣе *зависимость* философіи отъ другихъ наукъ, составляющихъ ея фундаментъ, далеко *не обусловливается цѣлымъ содержаніемъ* этихъ наукъ, напр., частными понятіями, частными законами, частными гипотезами, а только основными, *высшими понятіями*, высшими законами. Въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія даже и психологія. Въ сущности очень немногія понятія составляютъ предметъ философіи: бытіе, существованіе, познаніе, истина, субъектъ, объектъ, пространство, время, движеніе, причина, начало, конецъ, единое, многое, простое, сложное, сила, вещество, матерія и пр. и пр.

Вообще списокъ былъ бы не великъ, если-бы и всѣ перечислить. Сумма предложеній касающихся этихъ понятій въ каждой наукѣ, въ которую они входятъ, *не велика сравнительно* съ остальнымъ содержаніемъ науки, къ которому философія при своихъ синтетическихъ построеніяхъ можетъ относиться болѣе или менѣе индифферентно. Иначе говоря, философія при синтезѣ можетъ и не имѣть въ виду всего громаднаго содержанія наукъ, входящихъ въ ея фундаментъ и обращать постоянное вниманіе только на немногія, такъ сказать, *избранныя положенія* частныхъ наукъ. Это именно суть тѣ сравнительно немногочисленныя положенія, которыя не только составляютъ, такъ сказать, *философію частной науки* (выраженія: философія математики, философія физики и пр. не только употребляются, но и имѣютъ, по моему, за себя достаточное основаніе), но и *матеріалъ* для философіи въ собственномъ смыслѣ.

3) Вышепоименованныя и имъ подобныя понятія, которыя приходится соединять въ одну систему философіи, составляютъ *такіе устои* для мышленія и познанія, что взглядъ на нихъ въ сферѣ различныхъ наукъ подверженъ сравнительно ничтожнымъ колебаніямъ. Такъ напр., цѣлые вѣка прошли, въ теченіи коихъ математика постоянно развивалась и разширялась, а между тѣмъ *капитальное*, лежащее въ основѣ геометріи *понятіе* о пространствѣ, какъ о безконечно дѣлимомъ, однородномъ, имѣющимъ три измѣренія безграничномъ *вмѣстилищѣ* всяческихъ тѣлъ оставалось незыблемымъ. Только недавно начавшіяся *спекуляціи* нѣкоторыхъ математиковъ о пространствахъ различныхъ мѣръ кривизны и болѣе чѣмъ трехъ измѣреній угрожаютъ *поколебать* до селѣ господствовавшее въ математикѣ представленіе пространства. Тоже можно сказать и о *высшихъ гипотезахъ* наукъ, которыя, какъ я думаю вопреки г. Гроту, по самой сущности дѣла должны быть чрезвычайно устойчивы. Очевидно, что чѣмъ большее количество фактовъ и частныхъ законовъ объясняется гипотезой, тѣмъ она, при своей установкѣ, подвергается наибольшему испытанію; отсюда или она очень скоро окажется несостоятельною, или же, если выдержитъ испытанія, *становится устойчивою*. Неустойчивыми могутъ быть напротивъ частныя гипотезы въ наукахъ, объясняющія незначительную область фактовъ. Вспомнимъ, что высшія научныя гипотезы напр., Коперника, Ньютона, стоятъ уже сотни лѣтъ, ни сколько не колеблясь, а только укрѣпляясь отъ безчисленныхъ открытій и непрестаннаго прогресса

въ тѣхъ наукахъ, къ которымъ онѣ относятся. Такъ какъ матеріаломъ для философскаго синтеза служатъ именно высшія понятія, всеобъемлющія гипотезы и наиболѣе общіе законы частныхъ наукъ, то напротивъ нужно ожидать, что, если удастся *хоть разъ* философіи вывести *цѣлое и стройное зданіе* на этомъ фундаментѣ, то оно простоитъ долго. Не оттого, позволю я себѣ напомнить г. Гроту, быстро падали и рушились нѣкоторыя философскія системы и построенія, что они исключительно стояли на научныхъ гипотезахъ и „плодотворныхъ теоріяхъ," а отчасти оттого, что этотъ матеріалъ напротивъ *весьма скудно* доставлялся науками, отчасти же отъ того, что къ этому матеріалу прибавлялись продукты *фантазіи*, отчасти же отъ *односторонностей и ошибокъ*, въ которые впадали творцы системъ при самомъ синтезѣ высшихъ научныхъ понятій и теорій.

4) Кромѣ того благопріятнаго обстоятельства, что философія имѣетъ своимъ матеріаломъ сравнительно устойчивыя высшія гипотезы и понятія есть еще и другое, о которомъ обыкновенно забываютъ противники философіи. Ходъ природы однообразенъ; безусловно новое, неожиданное встрѣчается весьма рѣдко; то, что ходячее мнѣніе считаетъ за новое, есть въ огромномъ большинствѣ случаевъ нѣсколько *иначе скомбинированное* и потому *иначе выглядывающее* старое. Не только трудно ожидать, чтобы къ исчерпаннымъ нами *основнымъ силамъ* природы привзошли новыя, но трудно ожидать, чтобы встрѣтились особенно замысловатыя, *новыя комбинаціи* явленій, въ коихъ выражаются эти силы.

Такъ какъ объединенію философіи подлежатъ наиболѣе общія выраженія того, что *есть и бываетъ*, то мы почти можемъ быть увѣрены что *спеціальныя гипотезы и формулы*, въ которыхъ философы пытались высказать ученіе объ общеміровомъ бытіи, его процессѣ и проч. *исчерпаны*. Дальнѣйшаго прогресса философіи должно ожидать не въ созиданіи новыхъ, а въ преобразованіи наличныхъ главныхъ философскихъ *концепцій*, въ болѣе методическомъ развитіи ихъ въ систему, въ соглашеніи съ данными наукъ, въ основательнѣйшей аргументаціи, въ выдѣленіи изъ философскихъ построеній фантастическихъ элементовъ, наконецъ въ соединеніи однородныхъ и сопринадлежащихъ философскихъ началъ и въ отдѣленіи другъ отъ друга разнородныхъ и т. п. Вся исторія философіи *подтверждаетъ* сей часъ высказанное. Въ теченіи вѣковъ мы видимъ смѣну *монизма, дуализма и плюрализма*

въ вопросѣ объ одномъ или многихъ простѣйшихъ началахъ, къ которымъ можно свести весь міръ; далѣе въ вопросѣ о свойствѣ этихъ началъ смѣняются *матеріализмъ и спиритуализмъ*, въ вопросѣ о характерѣ нашего познанія относительно бытія, *реализмъ и идеализмъ* въ разныхъ оттѣнкахъ, въ вопросѣ объ источникахъ познанія бытія, *сенсуализмъ и раціонализмъ*, въ вопросѣ о характерѣ міроваго процесса, *механизмъ и телеологія*, въ вопросѣ о цѣнности міроваго бытія, *оптимизмъ и пессимизмъ* и т. п. Та же исторія философіи указываетъ намъ, что одна и та же концепція проходитъ, преобразовываясь, въ теченіи вѣковъ, напр., атомы отъ Демокрита черезъ Эпикура, Гассенди и пр., доходятъ до новѣйшаго матеріализма; тоже явленіе представляетъ намъ, напр., и другая концепція въ монадахъ Джордано Бруно, потомъ Лейбница и наконецъ реальныхъ Гербарта.

5) Что касается до затрудненій, будто представляемыхъ невозможностью знать всѣ науки для того, чтобы философъ былъ способенъ къ ихъ синтезу, то затрудненія эти противниками философіи преувеличиваются. Обыкновенно тѣже самые противники считаютъ естественнымъ и возможнымъ требованіе знать многія науки, когда оно ставится не ради философіи, а другихъ цѣлей. Нигдѣ ни разу, напр., не приходилось мнѣ читать о невозможности соціологіи Ог. Конта, потому что онъ требуетъ для знанія и воздѣлыванія этой науки знанія предшествующихъ въ его классификаціи наукъ. Что для занятій соціологіей нужно знать пять трудныхъ наукъ, это считается дѣломъ естественнымъ и понятнымъ, но какъ скоро этѣ же науки нужно знать для занятій философіей, то начинаются *разговоры*: „да гдѣ же, да какъ же, да возможно ли.“ И такъ, въ чемъ же дѣло? Оно, по моему, просто сводится къ тому, чтобы философы имѣли какъ можно разностороннѣйшее и обширнѣйшее научное образованіе. Трудно вычислить науки, которыя, кромѣ логики, психологіи и исторіи философіи, необходимо ему знать въ достаточной полнотѣ: но ясно, что *не всѣ* же существующія науки. Конечно, едва ли возможно творчество для философа, если бы онъ не зналъ, напр., математики, физики, біологіи. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ требованія, чтобы онъ непремѣнно зналъ всѣ малѣйшія „вѣточки“ этѣхъ наукъ, чтобы онъ въ нихъ произвелъ какія либо спеціальныя работы, чтобъ онъ зналъ, напр., всѣ химическія формулы, удѣльные вѣсы всѣхъ тѣлъ, умѣлъ рѣшать всевозможныя задачи по математикѣ, механикѣ и т. п. Вѣдь, сплошь и рядомъ

случается, что человѣкъ, напр., несомнѣнно знающій физику вообще и даже преподающій ее, сознается, что онъ плохо знаетъ какой либо ея отдѣлъ, оптику что ли или акустику, разумѣется, сравнительно съ другимъ знающимъ этомъ отдѣлъ лучше. Поставлю вопросъ проще: достаточно ли ознакомляется съ науками своего курса въ теченіи четырехлѣтняго занятія в. Университетѣ хорошій и дѣльный студентъ математическаго факультета, получившій предварительно основательное гимназическое образованіе? Если онъ ознакомляется *достаточно*, то прикиньте ему еще четыре года для изученія психологіи, исторіи философіи и нѣкоторыхъ соціальныхъ наукъ, и вы получите *фундаменталько* подготовленнаго человѣка для самостоятельной дѣятельности въ философіи, разумѣется, если у него есть главное условіе для нея, а именно, *искра Божія* въ головѣ и въ сердцѣ. Несомнѣнно также и то, что для самостоятельной и спеціальной дѣятельности въ области философіи человѣкъ долженъ выступать гораздо позже, чѣмъ въ другихъ наукахъ, ибо, кромѣ научной подготовки, ему нужно знаніе жизни въ личномъ опытѣ: нужно чтобы результаты его философской дѣятельности истекали не изъ одной только умственной области, но и изъ нравственной. Что, при не нормальныхъ условіяхъ нашей соціальной жизни, на поприще философіи выступаютъ люди *ни научно, ни жизненно* къ тому не приготовленные, то это обстоятельство не можетъ ничего говорить противъ возможности философіи. Мы всегда можемъ указать на то, что *истые философы*, творцы науки (Парменидъ, Гераклитъ, Платоны, Аристотели, Декарты, Спинозы, Лейбницы, Локки, Юмы, Вольфы, Канты, Шопенгауеры, Гербарты и пр. и пр.) въ прошедшемъ всегда обладали всею должною научною и жизненною подготовкою для своего дѣла. Что касается до замѣчанія г. Грота о Кантѣ, „въ которомъ критики замѣчаютъ поверхностное отношеніе къ фактамъ и къ исторіи, не смотря на то, что онъ почти 50 лѣтъ просидѣлъ на одномъ стулѣ, не поднимая глазъ съ книги“ (стр. 9), то это замѣчаніе не принадлежитъ къ числу удачныхъ. Отношенія Канта ко всему тому, что подлинно составляло *систематическую науку* въ его время можно выразить только словами, которыя сказаны были объ извѣстномъ Салмазіѣ: „non defuit homini, sed scientiae quod nescivit Kantius.“ Поверхностное отношеніе къ исторіи, о которомъ „замѣчаютъ критики,“ относится къ неважнымъ, по существу, фактамъ исторіи философіи, которая во время Канта не была систематическою наукою, да и теперь

еще, къ сожалѣнію, не вполнѣ стала таковою. Что и въ наше время имѣть достаточныя научныя познанія для философской дѣятельности не невозможно, доказывается примѣромъ многихъ *современныхъ дѣятелей*, каковы напр. Спенсеръ, Льюисъ, Лотце, Вундтъ, Ланге, Дюрингъ и другіе и даже тотъ самый Гартманъ, котораго такъ свысока третируетъ г. Гротъ. Конечно, при усердіи, можно *выудить* въ сочиненіяхъ всѣхъ ихъ какую либо фактическую ошибку и даже не одну: но никто способный къ болѣе серьезной, философской критикѣ не сталъ бы недостаточность философскихъ воззрѣній этихъ мыслителей въ томъ или другомъ отношеніи объяснять этѣми самыми фактическими ошибками. Да и у кого же вовсе нѣтъ ошибокъ?

6) Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о *значеніи авторитета*. Напрасно думаетъ г. Гротъ, что авторитетъ только тогда и авторитетъ, когда подтверждаетъ или выражаетъ нашу же мысль. Онъ, должно быть, забылъ о другой, такъ сказать, гораздо важнѣйшей функціи авторитета давать и возбуждать въ насъ мысли и представленія, которыхъ мы не имѣли. Отъ колыбели, начиная съ авторитета матери и няньки, черезъ школу и всю жизнь до могилы, огромной массой того, что мы считаемъ своимъ собственнымъ умственнымъ достояніемъ, мы обязаны авторитету. Конечно, во множествѣ случаевъ мы даже и не сознаемъ, что постоянно произносимъ научныя положенія, въ которыхъ твердо убѣждены, а между тѣмъ не могли бы, въ случаѣ требованія, не только дать *тотчасъ же* доказательства этихъ положеній, установленныя въ наукахъ, но даже и вообще воспроизвести эти доказательства. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ, мы руководствуемся только *выводами* на вѣрѣ въ научные авторитеты. Впрочемъ, кромѣ этого основанія ставить высоко авторитеты у меня есть и другое, приложимое вообще въ дѣлѣ философіи и спеціально къ заурядным философамъ, къ которымъ я прежде всего причисляю себя. Это основаніе въ діалогѣ съ самимъ собою я выставляю приблизительно въ такой формѣ: „Учился ты, говорю я себѣ, какъ и многіе соотечественники, безпорядочно, „чему нибудь и какъ нибудь,“ а потому фундаментъ для твоего философствованія слабенекъ. Кромѣ того философія болѣе, чѣмъ какая либо другая наука, требуетъ напряженнаго, отчетливаго, т. е., логическаго мышленія, а оно весьма не легко. Взвѣсь же добросовѣстно свои слабыя силы и пойми, что для тебя самое лучшее средство выработать истину заключается въ неуклонномъ слѣдованіи

по стопамъ тѣхъ титановъ знанія и мысли, которые не только знали все, чѣмъ обладала ихъ эпоха въ наукѣ, но все это знаніе силою своей мысли изъ разрозненнаго превращали въ стройную систему. Не кичись своимъ 19 вѣкомъ и его прогрессомъ, не увлекайся этими: „*мы, наше время, современный прогрессъ, точная наука*“ и пр. и проч. и твердо помни, что все, что сотни милліоновъ, населяющихъ теперь земной шаръ, считаютъ своимъ искусствомъ, техникою и наукою, все, что они называютъ своими нравами, убѣжденіями, вѣрованіями, цѣлями, идеалами—*все это* было въ первый разъ выдумано, изобрѣтено, высказано, сформулировано, проповѣдано, установлено тѣми людьми, которыхъ мы называемъ великими философами и учеными, великими художниками, великими основателями и проповѣдниками религій, великими государственными и народными дѣятелями. Во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ ихъ, этихъ великихъ, можетъ быть, не наберется и десятка тысячъ, а между тѣмъ во всѣ вѣка милліоны жили ихъ творчествомъ. Что ты можешь открыть *ошибки* сдѣланныя и *нелѣпости* сказанныя великими людьми, то и тѣмъ ты обязанъ имъ же, ибо самому тебѣ никогда бы не вскрыть этихъ ошибокъ. Да и ошибка то великаго человѣка въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше твоей банальной истины и т. д. и т. д.... А посему, говорю я въ заключеніе, постоянно памятуя, что ты *фабричный и машинный* продуктъ природы, а они ея *помазанники*, не спѣши пошвыривать авторитетами и произносить имъ безаппеляціонные приговоры. Памятуя далѣе, что только немногіе, особенно въ философіи, способны мыслить *оригинально и самостоятельно*, прежде всего изучи мысль великихъ и авторитетныхъ людей, повѣряя ихъ другъ другомъ, старайся воспроизвести въ себѣ эту мысль наивозможно точнѣйшимъ образомъ, а не поверхностно; и только послѣ искренняго убѣжденія въ томъ, что ты добросовѣстно *взвѣсилъ* всѣ pro и contra, высказанные сильными мыслителями, формулируй окончательно *свое* убѣжденіе по *крайнему разумѣнію*.“—Что касается до „противоположныхъ теорій, за которыя одновременно стоятъ сильные авторитеты, то если теорія не имѣетъ особо важнаго значенія для философскаго синтеза, можно и подождать, пока *выяснится* дѣло, если же теорія очень важна, то само собою разумѣется, что философъ долженъ *самъ изучить* вопросъ и пристать сознательно къ той или другой партіи или же сформулировать свое особое воззрѣніе на вопросъ. Но такіе спорные и въ тоже время важные для философіи

вопросы не выростаютъ, какъ грибы послѣ дождя; такъ въ настоящее время, по моему, только одинъ вопросъ, возникшій на почвѣ частныхъ наукъ, требуетъ самостоятельнаго отношенія со стороны философіи, именно, теорія Дарвина.

7) Наконецъ г. Гротъ и другіе противники философіи, говоря о невозможности философскаго синтеза, забываютъ самое главное, что у философіи есть *прошедшее*, что она есть органически развивавшаяся и развивающаяся наука. Что философія, по трудности предмета и другимъ временнымъ условіямъ, не имѣетъ такой сравнительно высшей законченности (абсолютно ни одна не закончена), какую имѣютъ другія науки, то изъ того вовсе не слѣдуетъ, чтобы у нея не было драгоцѣннаго *преданія*, которое не состоитъ изъ однихъ только заблужденій, какъ утверждаютъ ея противники. Да и самыя эти заблужденія цѣнны, потому что мы, зная ихъ, болѣе въ нихъ не впадемъ, слѣдовательно, тѣмъ самымъ изъ сравнительно немногихъ *возможныхъ* путей для построенія истиннаго философскаго познанія устранены нѣкоторые не могущіе вести къ цѣли. Во всякомъ случаѣ это выигрышъ; но философія имѣетъ и *положительное содержаніе*: не даромъ работали надъ ней геніальнѣйшіе люди. Они оставили послѣ себя положенія, которыя едва ли могутъ быть когда либо поколеблены—такъ, напр., „Cogito ergo sum“ отца новѣйшей философіи, правильно *толкуемое и понимаемое*, должно составить краеугольный камень и основу всяческой философіи.

Смѣю надѣяться, что послѣ всего вышеизложеннаго преувеличенное и по существу ложное мнѣніе о *невозможности* философіи, какъ синтеза наукъ, должно уступить свое мѣсто истинному мнѣнію *о ея трудности*. Но съ этимъ мнѣніемъ я не только не сталъ бы спорить, но напротивъ готовъ всѣми силами защищать его.

Теперь остается для порядка указать на одно *искривленіе*, которое сдѣлалъ г. Гротъ надъ моими положеніями въ подкрѣпленіе своихъ возраженій противъ возможности философіи.

Дѣло въ томъ, что въ возраженіяхъ г. Грота противъ возможности философіи онъ говоритъ, что „съ каждымъ новымъ открытіемъ науки философія должна была бы механически перестроивать свои теоріи“ (стр. 8). Къ этимъ словамъ присоединено примѣчаніе, въ которомъ сказано, что будто я „не желалъ бы такого положенія“ и сдѣлана глухая ссылка на „Этюды“ стр. 110. Прошу читателя взглянуть на стр.

110 „Этюдовъ," и тамъ онъ не найдетъ ни единаго слова о „перестройкѣ философскихъ теорій по поводу новыхъ научныхъ открытій." На этой страницѣ я высказываюсь противъ *эклектизма*, т. е. противъ того вида философствованія, которое сшиваетъ особую систему изъ лоскутковъ другихъ системъ. При построеніи такой системы философъ не только *не руководится* „новыми научными открытіями," но и вообще наукой не руководится, а *механически склеиваетъ* чужія готовыя оригинальныя построенія. Примѣромъ такого эклектизма можетъ, напр., служить философія *Кузена*, который былъ блестящимъ стилистомъ, трудолюбивымъ изслѣдователемъ въ области древней философіи, даровитымъ ораторомъ, но рѣшительно не былъ способенъ къ оригинальному философскому творчеству.

Но спрашивается, *зачѣмъ* понадобилось г. Гроту такое выходящее изъ ряду вонъ по своему произволу искаженіе моей мысли? Для усиленія его возраженія, по видимому, надобности не было, ибо какъ замѣчено выше, его возраженія и безъ того были достаточно вѣски. Кажется, только для того, чтобы имѣть возможность *упрекнуть* меня лишній разъ въ противорѣчіи, ибо, послѣ того вышеуказаннаго примѣчанія, г. Гротъ дѣлаетъ другое, въ которомъ и обвиняетъ меня въ „странномъ противорѣчіи." Дѣло въ томъ, что я (искривленный г. Гротомъ) съ одной стороны *будто бы* на стр. 110 *не желаю*, чтобы философія перестроивалась по мѣрѣ научныхъ открытій, а съ другой на стр. 70 утверждаю, что „если понятіе міра, какъ цѣлаго, строится по мѣрѣ нашего научнаго проникновенія въ предѣлы вещей и явленій и изслѣдованія ихъ связи, то въ разныя эпохи неизбѣжно должны были являться и являлись различныя міросозерцанія," т. е., иными словами, я признаю *должнымъ* и *желаю*, чтобы философія перестроивалась по мѣрѣ научныхъ открытій. Противорѣчіе дѣйствительно явное, если бы искривленіе г. Грота было не искривленіемъ, а подлинною моею мыслію.

И такъ, совершенно вѣрно, что я признаю *должнымъ и желаю*, чтобы философія развивалась вмѣстѣ съ развитіемъ наукъ. Я не признаю принципіально абсолютной и вѣчной философіи! Но.... есть маленькая оговорка. Какъ видно изъ многихъ мѣстъ моей настоящей статьи, я думаю, что поводы, т. е. изъ ряду вонъ выходящія научныя открытія, могущія радикально преобразовывать стройно выведенное философское зданіе, вообще рѣдки, и чѣмъ далѣе, тѣмъ будутъ рѣже. Воз-

можно, что я и ошибаюсь, но я все таки думаю, что едвали въ *будущемъ теченіи наукъ* можетъ встрѣтиться такое научное открытіе, чтобы оно могло радикально измѣнить то міросозерцаніе, которое было бы построено удовлетворительнымъ образомъ на основаніи даннаго состоянія нашихъ знаній. Отсюда слѣдуетъ, что если *удастся это построеніе*, то мы будемъ имѣть философію, которая принципіально *не будетъ* абсолютною, но на практикѣ, пожалуй, будетъ походить на таковую.

Съ другой стороны я *не желаю*, чтобы строились философскія системы *безъ повода* къ тому въ новыхъ научныхъ открытіяхъ. Я не желаю, чтобы всякій, можетъ быть, изъ одной охоты пооригинальничать философіею собственнаго издѣлья, имѣлъ право вкривь и вкось переклеивать, склеивать, раздѣлять и механически соединять оригинальныя системы, имѣвшія *законныя поводы* къ возникновенію въ духѣ великихъ творцовъ ихъ.

Противорѣчія здѣсь никакого *нѣтъ*, а есть согласіе.

Но вотъ у самого г. Грота, думается мнѣ, оказывается не поддѣльное *противорѣчіе* въ томъ, что онъ съ одной стороны доказываетъ „невозможность и безполезность философіи," а съ другой стороны утверждаетъ, „что каждый развитой человѣкъ непремѣнно обязанъ самъ про себя подвести итогъ своимъ знаніямъ.... стремиться къ личному, по внѣ научному философскому синтезу, къ которому человѣкъ даже безсознательно чувствуетъ непреодолимую потребность" (стр. 10 и 11). На этотъ *субъективный* синтезъ человѣкъ имѣетъ право, потому что „наукой не исчерпывается вся наша мыслительная работа," потому что и „внѣ науки для насъ возможны убѣжденія" и „познавательная дѣятельность, которой наука служитъ только частнымъ выраженіемъ" (ibidem). Процессъ нашего ума, посредствомъ котораго добывается этотъ субъективный синтезъ, „также необходимъ для каждой развитой личности, какъ необходима крыша для каждаго обитаемаго зданія, какихъ бы она ни была цвѣта и очертаній" (ibid). И такъ, мы имѣемъ, по г. Гроту, „познанія научныя" и кромѣ того „не научныя" и не только имѣемъ послѣднія, но *должны имѣть и стремиться* къ нимъ, и не только имѣютъ и стремятся къ нимъ люди невѣжественные, но „должны люди развитые." Такъ какъ, г. Гротъ говорилъ о результатѣ этого своего „синтеза" глухо и не обозначилъ, что бы могло быть предметомъ этого *не научнаго* (т. е., eo ipso не логическаго) *познанія*, то я позволю себѣ обратиться къ нему съ такою рѣчью." Такъ какъ Вы,

г. Гротъ, человѣкъ развитой, то, конечно, поступили по своему рецепту, значитъ, у васъ кромѣ многихъ научныхъ познаній о разныхъ предметахъ *непремѣнно есть*, и притомъ завѣдомо для Васъ, не научныя познанія, то я прошу сказать хоть нѣсколько предложеній изъ этихъ не научныхъ познаній, а также сказать о чемъ они у Васъ имѣются. Гдѣ находятся тѣ предметы, въ небесныхъ ли пространствахъ, на земной ли коркѣ, въ водахъ, или подъ землею, о которыхъ у васъ есть не научныя познанія, и при томъ есть завѣдомо для васъ и къ которымъ вы даже завѣдомо стремились, выполняя тѣмъ долгъ развитого человѣка."

Мудреный кунстштюкъ придумалъ г. Гротъ для того чтобы посидѣть на двухъ стульяхъ разомъ, въ одно и тоже время *и отвергнуть философію, и признать*. Да неужели же г. Гротъ и въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что кто либо удовлетворится философскимъ синтезомъ, который для него самого никакого научнаго значенія имѣть не будетъ; далѣе неужели кто либо будетъ завѣдомо стремиться къ тому, чтобы набить свою голову какою то карманною философіею, зная навѣрное, что объективное значеніе ея *ниже сонной грёзы*, ибо и эта послѣдняя въ моментъ ея происхожденія имѣетъ для грезящаго характеръ объективный. Вся исторія показываетъ намъ, что люди часто имѣли міросозерцаніе ошибочное, но ни когда сами того не сознавали и придавали ему значеніе *объективной научной истины*. Когда же они начинали сомнѣваться въ истинности своего міросозерцанія, то впадали въ весьма тяжелое состояніе духа, изъ котораго непремѣнно стремились такъ или иначе *выйти*. Вообще изобрѣтеніе г. Гротомъ обязанности стремиться къ „синтезу" безъ всякой вѣры въ его объективную истину, въ возможность его всеобщаго значенія, въ возможность того, что онъ станетъ цементомъ, связующимъ человѣка съ ему подобными,—это *изобрѣтеніе* я считаю фантазіею, не имѣющею никакой почвы въ дѣйствительности и свидѣтельствующею, на мой взглядъ, только о томъ, что г. Гротъ не вдумался въ сущность и генезисъ человѣческаго знанія. Непреодолимая потребность къ синтезу имѣетъ *одинъ корень* съ потребностію знанія вообще; люди хотятъ и думаютъ знать только то, что соотвѣтствуетъ какой либо дѣйствительности. Слѣдовательно, въ непреодолимой потребности синтеза *включено требованіе* такого синтеза, который соотвѣтствовалъ бы дѣйствительному бытію и имѣлъ бы общеобязательную силу. Что люди вѣрятъ и придаютъ научное зна-

ченіе своему философскому міросозерцанію, доказывается и тѣмъ, что они ведутъ *борьбу* за него: о цвѣтахъ же и вкусахъ т. е., чисто субъективныхъ вещахъ, какъ уже давно замѣчено, не спорятъ. Однимъ словомъ, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній, чтобы *философскій синтезъ*, въ которомъ чувствуется непреодолимая потребность, не могъ и не долженъ быть систематическимъ, методическимъ, логическимъ, слѣдовательно, научнымъ, т. е., объективнымъ, необходимымъ и общеобязательнымъ. Хороша *„крыша,“* которою рекомендуетъ г. Гротъ развитымъ людямъ прикрывать зданіе своихъ знаній!

Въ дополненіе ко всему сказанному я считаю необходимымъ прибавить два, три слова о различіи содержанія философской теоріи познанія отъ содержанія психологіи, хотя мы уже нѣсколько касались этого выше, по поводу различія философіи отъ психологіи.

1) *Психологія* вмѣстѣ съ другими психическими процессами (напр., чувствованіемъ, желаніемъ) изслѣдуетъ и процессъ познанія во всѣхъ его явленіяхъ (напр., ощущеніи, мышленіи и пр.). Какъ и всѣ науки, естественныя, психологія изслѣдуетъ *естественные законы* всѣхъ психическихъ процессовъ, а въ то же время законы процесса познанія. При этомъ психологія вовсе не задается вопросомъ объ *истинности* или *правильности* познанія точно также, какъ она не задается въ изслѣдованіи чувствъ вопросомъ о нравственности или безнравственности оныхъ. Предъ лицемъ психологіи ошибочное и истинное познаніе, правильное и неправильное равны; ея задачу составляетъ фактическое, естественное познаніе и его естественные законы. Далѣе психологіи нѣтъ дѣла и до того, какое значеніе имѣютъ явленія нашего познанія по отношенію къ вопросу о *его реальности* или къ вопросу о томъ, какія явленія нашего познанія (ощущенія ли или понятія и пр.) соотвѣтствуютъ существующей внѣ насъ дѣйствительности. Психологія изслѣдуетъ только *явленія духа* и ихъ законообразное *теченіе*. Въ виду всего этого у меня въ „Этюдахъ“ стр. 48 и сказано: „изслѣдованіе законовъ процесса познанія *вообще* составляетъ предметъ не философіи, а психологіи.“

2) Философская же теорія познанія, или просто *теорія познанія* ставитъ вопросъ не только объ истинѣ и реальности познанія, но и о самой возможности познанія; оба вопроса впрочемъ до того сливаются, что раздѣльно и трактовать объ нихъ не возможно. Въ философской теоріи познанія изслѣдуется вопросъ о томъ, какія явленія нашего

ухад *выражаютъ* собою внѣ нашего познанія *сущую дѣйствительность*, и на сколько выражаютъ; и почему мы за выраженіе дѣйствительности должны принять тѣ или другія явленія нашего познанія. Вѣнецъ философской теоріи познанія составляетъ вопросъ о *возможности познанія*, т. е., вопросъ о томъ, какъ сущее признаваемое такимъ то и такимъ то (смотря по *основному началу теоріи познанія*, если такъ перевести нѣмецкое: erkenntniss-theoretisches Princip) можетъ отражаться въ познаніи такъ то и такъ то. При рѣшеніи этого вопроса философія и впадаетъ въ то, что называется *метафизикой*, которая не есть впрочемъ необходимая принадлежность всякой философіи. Если философская теорія познанія (напр. скептицизмъ) отрицаетъ постановку вопроса о возможности познанія, отрицая ее ipso и вопросъ о возможности познанія сущаго, то она отрицаетъ и метафизику. Но я не могу теперь входить въ дальнѣйшее изложеніе довольно сложныхъ отношеній *теоріи познанія къ метафизикѣ* и надѣюсь коснуться этого въ другомъ мѣстѣ. Сказаннаго же достаточно для уясненія различія, которое я дѣлаю между психологіею и теоріею познанія.

3) Чрезвычайно важное, но, къ сожалѣнію, еще нѣсколько шаткое мѣсто между психологіею и философіею занимаетъ *логика*. Есть ученые, которые смотрятъ на нее какъ на большую главу психологіи, другіе видятъ въ ней только искусство, третьи сливаютъ ее съ теоріей познанія, у четвертыхъ логика какъ бы поглощаетъ собою всю философію. По моему крайнему разумѣнію, *значеніе логики* таково. Во всякомъ случаѣ она есть наука не о всѣхъ познавательныхъ процессахъ, а только о *мышленіи*. По скольку мышленіе есть только естественный, психологическій процессъ, подчиняющійся своимъ естественнымъ законамъ, по столько мышленіе есть предметъ психологіи. Но мышленіе, протекая естественно, имѣетъ двоякій характеръ: въ одномъ случаѣ оно протекаетъ безотчетно, *безъ контроля* съ нашей стороны, безъ сознанія цѣли и результатовъ мышленія, т. е., что оно должно дать истинное познаніе; въ другомъ оно протекаетъ *при контролѣ* и при сознаніи. Въ этомъ второмъ случаѣ изъ психологическихъ законовъ мышленія вообще выдѣляются особые законы правильнаго мышленія, которые непосредственно и сознаются нами. Иначе говоря, когда мы мыслимъ съ цѣлью получить истинные, т. е., правильные результаты мышленія (при данномъ матеріалѣ для операцій мышленія), то нами ясно сознаются законы или требованія мыслить въ каждомъ

данномъ случаѣ такъ, а не иначе. Эти *особые законы* не суть только естественные, психологическіе законы, но кромѣ того суть спеціальные *нормативные законы мышленія*, при соблюденіи которыхъ въ познаніи, по скольку оно зависитъ отъ операцій мышленія, устраняется ошибка. Но и логика не задается вопросомъ о реальности познанія, хотя возможность его составляетъ необходимое молчаливое *предположеніе* логики. По этому логика есть формальная наука, она предлагаетъ только пріемы для обезпеченія правильности мышленія, слѣдовательно, имѣетъ въ виду истину познанія только со стороны формы. Тѣ же, которые приписываютъ логикѣ рѣшеніе вопроса о реальномъ бытіи и вопроса объ отношеніи бытія къ мышленію, тѣ превращаютъ логику изъ формальной науки въ матеріальную и сливаютъ ее не только съ теоріею познанія, но даже съ метафизикой.

4) Теперь я укажу, въ какомъ смыслѣ могъ бы быть мною употребленъ ни разу не употребленный терминъ: *психологическая теорія познанія*. Если философія признаетъ, что психологія составляетъ главнѣйшую, хотя и не единственную, для нея основу, то теорію познанія такой философіи можно назвать психологическою теоріею познанія. Этотъ терминъ имѣлъ бы только *сравнительное значеніе* и отличалъ бы философію, основанную на психологіи, отъ философіи, на нее не опирающейся. Что таковая возможна, доказательствомъ служитъ философія Ог. Конта, не только не имѣющая подъ собой никакой психологіи, но и отрицающая съ своей точки зрѣнія эту послѣднюю.

Но достаточно объясненій по поводу вопроса о ненужности и невозможности философіи; прекращаю также и рѣчь объ искривленіяхъ, которыхъ цѣлая половина остается подъ спудомъ. Обращаюсь ко второй категоріи критическихъ эволюцій г. Грота, *вздутымъ недоразумѣніямъ*.

Выше мы уже встрѣтились съ однимъ изъ этихъ мыльныхъ пузырей; теперь укажу еще на одинъ, оставляя остальныя тоже подъ спудомъ.

Для уясненія дѣла позволю себѣ маленькій примѣръ. Положимъ вы излагаете исторію науки въ Греціи въ александрійскомъ періодѣ и положимъ, что случайно вамъ пришлось написать предложеніе: „Когда Александръ Македонскій разрушилъ персидское царство, то случилось то-то и то-то....“ Вдругъ вашъ критикъ, разбирающій ваше сочиненіе по

исторіи науки, приступилъ бы къ вамъ съ вопросами: „да почемъ вы знаете, что Александръ Македонскій разрушилъ персидскую монархію, да зачѣмъ вы этого не доказали, да что значитъ слово: разрушить и т. п.“ Очевидно, что иначе какъ мыльными пузырями этихъ праздныхъ въ данномъ случаѣ вопросовъ назвать нельзя. Нѣчто подобное случилось со мною и отъ г. Грота.

Въ *предисловіи* (прошу замѣтить это) къ своей книгѣ я взялъ цитату изъ Ог. Конта, гдѣ сказано объ „умственной анархіи“ въ современномъ обществѣ. Далѣе, присоединивъ къ прилагательному: „умственная,“ другое: „нравственная,“ я на двухъ, трехъ страничкахъ высказалъ ту мысль, что лучшимъ противодѣйствіемъ этой умственной и нравственной анархіи, фактъ которой я признаю вмѣстѣ съ Ог. Контомъ, могло бы служить единое философское міросозерцаніе, которое могло бы соединить лучшихъ въ нравственномъ и интеллектуальномъ отношеніи людей. Затѣмъ уже въ предисловіи я перехожу къ другому предмету, а въ книгѣ своей трактую *о предметѣ* философіи (1-й Этюдъ) и *методѣ* (начало 2-го).

Вотъ, по поводу этой-то „интеллектуальной и нравственной анархіи“ г. Гротъ и поднялъ вопросы, весьма похожіе на обозначенные въ вымышленномъ мною примѣрѣ.

„Во первыхъ спросимъ, говоритъ онъ (стр. 2), что разумѣетъ авторъ подъ умственной и нравственной анархіей общества? Прочитавъ книгу, мы не нашли въ ней точнаго разъясненія этихъ понятій. Очевидно, г. Козловъ не считаетъ возможнымъ подвергнуть сомнѣнію фактъ указанной анархіи. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, термины „умственная“ и „нравственная“ анархія весьма условные и неизбѣжно требуютъ комментарій.“

Безполезность и вздутость этого вопроса, надѣюсь, читатель ясно увидитъ изъ краткаго моего отвѣта на него.

Авторъ „Этюдовъ,“ отвѣчаю я, не разъяснялъ этихъ понятій въ своей книгѣ: 1) оттого что темами его книги были: предметъ философіи и ея методъ, а не умственная и нравственная анархія общества; 2) оттого что онъ никакъ не предполагалъ, чтобы понятіе анархіи непремѣнно требовало поясненій для вообще образованныхъ людей, для которыхъ назначалась книга; 3) самое главное, оттого что указаніе и ссылка на Конта, при заявленіи согласія съ нимъ, освобождала его отъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій.

Вмѣсто того, чтобы дѣлать безполезныя предположенія о фактахъ,

которые „служили исходною точкою пессимизма г. Козлова“ (стр. 3) и потомъ опровергать эти *праздныя предположенія*, и вмѣсто того, чтобы изъ опроверженія этѣхъ гипотезъ выводить слѣдствіе, „что г. Козловъ отчасти увлекся звучностью словъ въ ущербъ точности,“ гораздо лучше сдѣлалъ бы г. Гротъ, если бы *вспомнилъ*, что́ разумѣетъ Контъ подъ „умственной и нравственной анархіей“ и въ какихъ явленіяхъ онъ видитъ ее въ современномъ обществѣ. Я говорю „вспомнилъ,“ потому что г. Гротъ въ своемъ очеркѣ утверждаетъ, что то „направленіе, которое окончательно погубило философію, какъ науку о мірѣ, имѣло свое законченное и опредѣленное выраженіе въ ученіяхъ Конта и Милля“ (стр. 20); а *утверждать* это можно только тому, кто *достаточно знакомъ* съ ученіями Конта и Милля. Но утверждать и помнить или знать основанія, на которыхъ должно стоять утвержденіе—суть двѣ вещи разныя, что и подкрѣпляется примѣромъ самаго г. Грота. Занимаясь опроверженіемъ мнимыхъ „исходныхъ точекъ моего пессимизма“ и имѣя въ виду представить *поличное* въ моемъ тоже мнимомъ *увлеченіи* „звучностью словъ,“ г. Гротъ *утверждаетъ*, что „самъ Контъ говоритъ только объ anarchie intellectuelle“ (стр. 4).

Въ томъ то и дѣло, что Контъ говоритъ не только объ anarchie intellectuelle, но и объ anarchie morale и говоритъ объ обѣихъ не мало, говоритъ и въ „Курсѣ,“ и въ „Системѣ,“ что я и предлагаю поискать г. Гроту самому.

Препираться по поводу этого и другихъ праздныхъ недоразумѣній, поднятыхъ г. Гротомъ, я считаю безполезнымъ, а потому перехожу къ третьей категоріи его критическихъ эволюцій. Изъ *мухъ*, превращенныхъ въ слоновъ, я выберу самыя маленькія:

1) Книжка моя печаталась и вышла въ началѣ 1876 года, а въ предисловіи ея, писанномъ мною de facto ранѣе книги, выражены надежды на будущую дѣятельность Ланге, автора „Исторіи Матеріализма,“ который (т. е., Ланге) уже въ концѣ 1875 года, къ сожалѣнію, безвременно умеръ. Этотъ „промахъ“ (стр. 22) и отмѣченъ г. Гротомъ. *Вѣрно*, и спорить нечего!

2) Другой промахъ г. Гротъ видитъ въ томъ, что я употребилъ выраженіе: „блестящій успѣхъ, который получила въ Германіи философская система Гартмана.“ Ну! этого промаха я безъ боя не уступлю. Во первыхъ, почему мой отзывъ о Гартманѣ долженъ быть непремѣнно „повтореніемъ мнѣнія г. В. Соловьева“? (стр. 22). Я вовсе не отка-

зываюсь поучиться чему нибудь дѣльному и у г. Соловьева, но въ данномъ случаѣ о Гартманѣ я все таки могу имѣть *самостоятельное* мнѣніе, хотя бы потому что я перевелъ по русски главное сочиненіе Гартмана. Конечно, обстоятельство этого русскаго перевода не извѣстно г. Гроту, но меня беретъ маленькое *сомнѣніе*, знакомъ ли онъ съ Гартманомъ въ подлинникѣ, наконецъ видалъ ли онъ нѣмецкія сочиненія Гартмана? Сомнѣніе мое основано на слѣдующемъ соображеніи. Кто видѣлъ сочиненія Гартмана, а особенно въ изданіяхъ послѣднихъ лѣтъ, тотъ замѣтилъ, вѣроятно, что книгопродавецъ—издатель Гартмана, конечно, съ коммерческою цѣлью, приводитъ *массу отзывовъ* о Гартманѣ и нѣмецкой, и иностранной печати. Уже изъ одного просматриванія этихъ отзывовъ, которые принадлежатъ далеко не однимъ обычнымъ сотрудникамъ разныхъ популярныхъ газетъ и журналовъ, но людямъ, спеціально вращающимся въ сферѣ философіи, психологіи, логики и пр. (которыхъ, слѣдовательно, парадоксами не удивишь) и притомъ людямъ различныхъ направленій, станетъ всякому ясно, что *успѣхъ* Гартмана (7 изданій „философіи Безсознательнаго“ и притомъ 3 стереотипныхъ, т. е. значительными массами) не коренится только въ „крайней парадоксальности его выводовъ и любопытствѣ публики“ (стр. 22). Успѣхъ Гартмана кромѣ *снова проснувшейся* въ обществѣ потребности въ философскомъ міросозерцаніи, объясняется и тѣмъ, что система Гартмана, хотя и страдающая значительными *недостатками*, о которыхъ вести рѣчь теперь не время, заключаетъ въ себѣ *элементы* живой и истинной философіи, элементы, ставшіе доступными болѣе обширному кругу читателей, благодаря между прочимъ и никѣмъ не отрицаемому большому таланту Гартмана. Кромѣ этого общаго обстоятельства есть и другое спеціальное, по которому Гартманъ возбуждаетъ интересъ и въ кругу спеціалистовъ по философіи и смежнымъ съ нею наукамъ. Дѣло въ томъ, что можно вполнѣ или въ значительной степени отвергать систему Гартмана, находить въ ней внутреннія противорѣчія, противорѣчія съ науками, но нельзя не согласиться, что есть нѣкоторые спеціальные вопросы въ теоріи познанія, психологіи, этикѣ, гдѣ дѣятельность Гартмана имѣетъ цѣну и значеніе, по мимо его метафизики и системы. Относительно замѣчанія г. Грота, что Гартманъ „не создалъ сколько нибудь стоющей вниманія школы и что онъ не пользуется сочувствіемъ дѣльныхъ умовъ“ (стр. 22), я скажу, что тутъ все дѣло въ *смыслѣ* словъ: „стоющій вниманія и дѣльный.“ Если,

напр., такихъ людей, какъ G. Spicker, которому между прочимъ принадлежитъ остроумная критика „Исторіи матеріализма“ Ланге, считать за людей, стоющихъ вниманія, то, пожалуй, можно сказать, что *школа* Гартмана уже образуется; тогда къ ней можно причислить этого Спикера, М. Венеціанера, Тауберта, дю-Преля. Точно также если можно назвать дѣльными такихъ нѣмецкихъ философовъ и ученыхъ, какъ Кирхманъ, Лассонъ, Фолькельтъ и другіе, то слѣдуетъ сказать, что Гартманъ *пользуется* сочувствіемъ дѣльныхъ людей. Кромѣ того я позволю себѣ указать на *почтенное отношеніе* къ Гартману французскихъ ученыхъ, которые группируются около новаго философскаго журнала (Revue philosophique), редижируемаго такимъ трезвымъ и серьезнымъ человѣкомъ, какъ Рибо, переводчикъ Спенсера, авторъ изслѣдованій объ англійской психологіи и о психической наслѣдственности.

3) Теперь на прощанье выбираю еще микроскопическую *мушку*, т. е., промахъ, о которомъ всего два слова. Г. Гротъ замѣчаетъ мнѣ, что нельзя видѣть въ „Психологическихъ Задачахъ“ г. Кавелина (да проститъ онъ употребленіе его имени всуе) „отголосковъ англійской эмпирической психологической школы,“ ибо, по мнѣнію г. Грота, „направленіе и пріемы г. Кавелина скорѣе германскіе“ (стр. 25). Предполагая, что мнѣніе г. Грота вѣрно, спрашивается, почему бы г. Кавелинъ не могъ отражать англійскія вліянія не прямо, а черезъ Германію? Развѣ не могло случиться такого факта, что психологическія воззрѣнія г. Кавелина сложились подъ вліяніемъ такого *германскаго мыслителя*, который самъ былъ подъ вліяніемъ англійской школы? Не думаю, чтобы г. Гротъ сталъ отрицать возможность такого случая.

Я не могу безъ боя уступить г. Гроту ни одного изъ тѣхъ „промаховъ, неточностей, противорѣчій и неопредѣленностей,“ которыми онъ укоряетъ меня въ своемъ очеркѣ. Но я ограничился вышеприведенными и оставилъ другія въ сторонѣ отчасти по тому, что для спора по поводу этихъ послѣднихъ потребовалось бы много *мѣста и времени*, отчасти потому, что они *не имѣютъ значенія* для тѣхъ вопросовъ философіи, выясненіе которыхъ составляло главный интересъ для меня въ теченіи длиннаго спора.

Но, спроситъ кто либо, если философію, по существу дѣла, отвергаютъ ради философіи же, то во имя какой отвергалъ г. Гротъ философію, какъ *науку о мірѣ*?

Отвѣтъ: во имя той домашней субъективной, которою несомнѣнно

обладаетъ г. Гротъ въ качествѣ развитаго человѣка. Но, къ сожалѣнію, содержаніе этой философіи для насъ останется навѣки неизвѣстнымъ, ибо, не вѣря въ объективное значеніе этой философіи, г. Гротъ, конечно, не понесетъ ее на публичную арену и развѣ, развѣ сообщитъ ее ближайшимъ друзьямъ подъ секретомъ, какъ *личную тайну*.

Оканчивая свое объясненіе съ г. Гротомъ, я еще разъ приношу ему *глубокую благодарность* за вниманіе къ моему труду и за признаніе за мною *искренности убѣжденія*. Въ этомъ г. Гротъ навѣрное не ошибся.

III.

Въ журналѣ, содержаніе котораго находится въ обычномъ разладѣ съ фирмою, въ такъ называемомъ „Дѣлѣ“ (№ 5-й 1877 г.) появилась статья г. П. Никитина: „О пользѣ философіи“.....

Но я считаю необходимою ту оговорку, что не смотря на общую черту отрицательнаго отношенія къ философіи, г. П. Никитина ни какъ не должно смѣшивать съ почтенными оппонентами, отъ которыхъ я до селѣ защищался. Какъ далеко ни расхожусь я въ мнѣніяхъ съ гг. Аландскимъ и Гротомъ, какъ сильно я ни оспаривалъ ихъ въ предъидущихъ статьяхъ, я все таки послѣ спора съ ними остался въ убѣжденіи, что я имѣлъ дѣло съ людьми, самостоятельно выработавшими свои воззрѣнія и самостоятельно ихъ защищавшими и притомъ защищавшими изъ научно-теоретическихъ побужденій безъ сторонних цѣлей. Г. П. Никитинъ совсѣмъ иное дѣло. Задача его исключительно состояла въ томъ, чтобы *скомпановать статейку* въ 2, 3 печатныхъ листа и только.

Съ г. П. Никитинымъ въ споры вступать я, конечно, не буду, а ограничусь только указаніемъ на безцеремоннѣйшую эксплоатацію чужаго труда со стороны *дѣльнаго* рецензента. Какъ поводомъ къ статейкѣ г. П. Никитина, такъ и объектомъ эксплоатаціи послужили двѣ книги: моя (Философскіе Этюды 1876 г.) и г. Лесевича (Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи 1877 г.). Изъ этѣхъ двухъ книжекъ выбрано по крайней мѣрѣ до $^3/_4$ содержанія статейки г. П. Никитина. Эти $^3/_4$, выбранныя изъ нашихъ книгъ, были *цементованы* доморощенной философіей г. П. Никитина съ одной стороны, съ другой плохимъ подражаніемъ остроумію, встрѣчаемому въ юмористическихъ листкахъ.

Всякій, читавшій эту статью, непремѣнно замѣтилъ, что въ ней *масса выписокъ* изъ разбираемыхъ книгъ, то изъ моей, то изъ г. Лесевича. Но не читавшій нашихъ книгъ и не подозрѣваетъ, что, кромѣ обозначенныхъ выписокъ, есть *большія и многія мѣста*, гдѣ г. П. Никитинъ *выдаетъ отъ себя взгляды и факты*, схваченные въ перемежку то изъ моей книги, то изъ книги г. Лесевича и соединенные ничего незначущими фразами.

Вотъ одинъ изъ рѣзкихъ примѣровъ. Послѣ первыхъ трехъ страницъ (66—68), наполненныхъ мизернѣйшими шуточками и прибауточками, которыя несомнѣнно принадлежатъ перу самаго г. П. Никитина, 69-я страница болѣе, чѣмъ на половину, состоитъ изъ *обозначенныхъ* выписокъ изъ нашихъ книгъ. Но за тѣмъ съ конца 69-й стр. почти до конца 71-й слѣдуютъ *двѣ страницы*, которыя, за исключеніемъ двухъ, трехъ строкъ, *выданы* г. П. Никитинымъ *за* его *собственные* факты и взгляды, а между тѣмъ *выхвачены* также изъ нашихъ же книжекъ.

Какъ ни жалко мнѣ тратить время, печать и бумагу на обличеніе *дѣльнаго* критика, но при мысли, что эта трата можетъ послужить въ пользу хотя бы одному изъ *неопытныхъ* читателей (ибо взрослый въ умственномъ и нравственномъ отношеніи читатель тратить время на статьи г. П. Никитина не станетъ), я рѣшаюсь на длинную выписку. Вотъ точь въ точь двѣ страницы изъ „Дѣла.“

Но какъ-же объяснить, въ такомъ случаѣ, нынѣшній поворотъ общественнаго мнѣнія въ пользу философіи, какъ объяснить ту реакцію антифилософскому, отрицательному направленію, которая началась въ Европѣ съ 60-хъ г. и у насъ, въ Россіи, съ 70-хъ г. ? Реакція эта несомнѣнна. Такъ въ 60-хъ годахъ въ Германіи образуется цѣлая школа въ направленіи Гербарта (который писалъ въ первой и второй четверти нынѣшняго столѣтія). Затѣмъ, въ 60-хъ-же годахъ, публика начинаетъ сильно интересоваться системою Шопенгауэра, начавшаго свою дѣятельность еще въ 20-хъ годахъ. Во второй половинѣ 70-хъ годовъ публика набрасывается на систему Гартмана и въ короткое время она пріобрѣтаетъ громадную извѣстность и пользуется значительнымъ успѣхомъ. Успѣхъ этотъ не успѣлъ еще затмиться, какъ уже является новая вполнѣ законченная система Дюринга („**Cursus der Philosophie**,“ вышедшій въ 1875 году). „Исторія матеріализма“ Ланге, вышедшая въ 1873 г. уже вторымъ, дополненнымъ изданіемъ, сразу-же обращаетъ на себя всеобщее вниманіе: ею зачитываются; она становится настольною книгою не только у присяжныхъ философовъ,

но и вообще у людей, претендующихъ на эпитетъ „мыслящихъ.“ Слава Канта оживаетъ; его начинаютъ изучать за ново; его защищаютъ, оспариваютъ, коментируютъ, возникаетъ цѣлая философская литература о Кантѣ и по поводу Канта. Тоже самое явленіе замѣчается и въ другихъ странахъ: во Франціи, Италіи и Англіи.

Съ 60-хъ годовъ система Конта, извѣстная до тѣхъ поръ только въ небольшемъ кружкѣ болѣе или менѣе, „уединенныхъ“ мыслителей, появляется, по словамъ Милля, „на поверхности современной философіи.“ О ней начинаютъ говорить, спорить, по поводу ея возникаетъ цѣлая литература; залежавшіеся въ книжныхъ магазинахъ экземпляры „Курса положительной философіи“ распродаются по баснословнымъ цѣнамъ, и уже въ 1864 году является потребность въ новомъ изданіи; въ 1869 году „Курсъ“ выходитъ третьимъ изданіемъ. Съ 1867 г. французскіе (съ примѣсью русскаго элемента) позитивисты начинаютъ издавать свой журналъ **Revue de la Philosoph, positive**, продолжающійся до нашего времени. Параллельно съ возрожденіемъ контизма во французской публикѣ развивается интересъ къ новѣйшей нѣмецкой и англійской философіи. Спенсеръ, Гартманъ, Кантъ переводятся на французскій языкъ. Въ запрошломъ году Рибо основываетъ „**Revue Philosophique**,“ съ цѣлью, по возможности всесторонне, ознакомить публику съ господствующими направленіями современной философіи вообще и нѣмецкой въ частности. Журналъ этотъ въ короткое время успѣлъ занять довольно видное мѣсто среди французскихъ **Revues** и пріобрѣлъ себѣ весьма обширный кругъ читателей. Почти одновременно съ нимъ и по очень сходной програмѣ, возникаетъ въ Англіи другой философскій журналъ „**The Mind.**“ Съ нынѣшняго года въ Лейпцигѣ число нѣмецкихъ философскихъ журналовъ увеличилось органомъ ново-кантійскаго направленія, „**Vierte ljahrsschrift für Wissenschaftliche Philosophie**“ (издатель Авенаріусъ— авторъ недавно вышедшаго сочиненія „**Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Princip des kleinsten Kraftmasses,**“ главные редакторы: Гёрингъ, Гейнцъ и Вундтъ). Судя по первымъ книжкамъ, журналъ этотъ имѣетъ много общихъ точекъ соприкосновенія и съ **Revue Philosophique** и съ „**Mind.**“

Въ Италіи съ 1868 по 1875 г. выходитъ цѣлый рядъ философскихъ сочиненій (Виллари, Токко, Анджули, Барцелотти, Соттини, Сколари и др.) преимущественно позитивистическаго направленія.

Чтобы судить о силѣ и значеніи современнаго философскаго движенія въ Англіи, достаточно указать на работы Герберта Спенсера, на ту популярность, которою пользуются философскія сочиненія Дж. Ст. Милля, и, наконецъ, на недавно (въ 1873 г.) вышедшую книгу Льюиса (уже переведенную на русскій языкъ) „Вопросы о жизни и духѣ.“ Конечно, сама по

себѣ взятая, послѣдняя книжка не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, но она важна, какъ знаменіе времени. Льюисъ, ярый поклонникъ Конта, относился до сихъ поръ крайне отрицательно ко всему, что лежало за предѣлами контійскаго позитивизма; вопросы о духѣ, о сущности вещей, о первой причинѣ и т. п. вопросы, составляющіе любимую тему для философскаго празднословія, онъ считалъ прежде вопросами пустыми, неподлежащими никакому разумному отвѣту; въ послѣдней же своей книгѣ онъ не только признаетъ законность ихъ постановки, возможность ихъ рѣшенія, но и самъ даже пытается дать это рѣшеніе.

Наконецъ, въ заключеніе нельзя не указать и на тотъ знаменательный фактъ, что въ послѣднее время не только съ каждымъ годомъ увеличивается число людей, спеціально разработывающихъ философскіе вопросы, но даже „талантливѣйшіе представители спеціальныхъ наукъ: химіи, физіологіи, біологіи и проч., справедливо замѣчаетъ г. Козловъ, — начинаютъ философствовать. Можно насчитать много именъ спеціальныхъ ученыхъ, выходящихъ изъ своей спеціальной области въ область философіи; ограничимся указаніемъ, напр., на Молешотта, Дюбуа-Реймона, Гельмгольца, Геккеля, Цельнера, Вирхова, Бюхнера и т. п.

(Дѣло № 5 стр. 69, 70 и 71).

Прежде всего я прошу читателя замѣтить, что въ приведенномъ сейчасъ мѣстѣ изъ статьи г. П. Никитина нѣтъ никакихъ кавычекъ, означающихъ чужія слова. Кавычками сопровождаются здѣсь только заглавія сочиненій, да еще двѣ строки (Дѣло стр. 71) со слова: талантливѣйшіе, до слова: справедливо. Кромѣ того этѣ строки оговорены и прямо. Слѣдующее же за тѣмъ предложеніе, начинающееся со слова: можно, уже не заключено въ кавычки; значитъ, г. П. Никитинъ говоритъ его отъ себя, между тѣмъ какъ оно цѣликомъ взято изъ моей же книги.

Теперь же я выпишу изъ моей книги и г. Лесевича всѣ тѣ мѣста, изъ которыхъ сколочены обѣ вышеозначенныя страницы; и пусть судитъ самъ читатель, что на нихъ принадлежатъ самому г. П. Никитину.

Теперь слѣдуетъ выписка изъ „Философскихъ Этюдовъ.“

Въ 6-мъ десятилѣтіи въ Германіи образуется цѣлая школа въ направленіи Гербарта, философскія сочиненія котораго появились еще въ 1-й и во 2-й четверти нынѣшняго столѣтія, но еще большее значеніе получаютъ философскія системы Шопенгауера въ Германіи и Конта во Франціи. Оба эти мыслителя, представляющіе сходство какъ по нѣкоторымъ основнымъ

чертамъ ихъ направленій такъ и по внѣшней судьбѣ ихъ философской дѣятельности, стали обращать на себя вниманіе образованнаго міра только въ половинѣ 6-го десятилѣтія, весьма не задолго до ихъ смерти, между тѣмъ какъ начали они свою дѣятельность очень рано, а именно Шопенгауеръ во 2-мъ десятилѣтіи, Контъ въ 3-мъ. Въ 60-хъ годахъ и тотъ и другой пользуются уже довольно обширною извѣстностью даже въ кругу просто образованной публики. Въ томъ же 6-мъ десятилѣтіи начинаютъ обращать на себя вниманіе философскіе труды англичанина Герберта Спенсера, а во второй половинѣ 7-го десятилѣтія получаетъ блестящій успѣхъ философская система Гартмана.

Но этого мало: съ 60-хъ годовъ и по сіе время энергія философскаго мышленія все развивается и въ ширину, и въ глубину. Не только съ каждымъ годомъ увеличивается, особенно въ Германіи, число людей спеціально разработывающихъ философскіе вопросы, но даже талантливѣйшіе представители спеціальныхъ наукъ, астрономіи, химіи, физіологіи, біологіи и пр. начинаютъ философствовать. Можно насчитать много именъ спеціальныхъ ученыхъ, выходящихъ изъ своей спеціальной области въ область философіи: но ограничимся указаніемъ, напр., на Молешотта, Дюбуа-Ремона, Гельмгольца, Геккеля, Цельнера, Виргофа. Что касается до главнаго русла, въ которомъ течетъ современное философское движеніе, то можно смѣло сказать, что это русло есть то самое, которое было впервые пробито Кантомъ. Въ сферѣ притяженія этого громаднаго свѣтила, давно оставившаго нашъ философскій горизонтъ, преимущественно вращаются и крупныя, и второстепенныя современныя свѣтила. Канта оспариваютъ, Канта защищаютъ, къ Канту, какъ бывало къ Аристотелю, пишутся комментаріи въ видѣ цѣлыхъ томовъ и пишутся людьми знающими и талантливыми. Какъ на знаменіе времени можно указать также на вышедшую недавно и на русскомъ языкѣ (1 томъ) книгу Льюиса: „Вопросы о жизни и духѣ.“ Этотъ многосторонне развитой и талантливый писатель, какъ извѣстно, давно занимался философіей, но строго стоялъ на позитивизмѣ и рѣшительно отрицалъ право на постановку такъ называемыхъ метафизическихъ вопросовъ о сущности вещей, первой причинѣ, духѣ и пр. Въ названной же книгѣ онъ признаетъ законность этихъ вопросовъ и считаетъ до извѣстной степени возможнымъ отвѣчать на нихъ.

Но современное философское движеніе далеко не ограничивается разработкою спеціальныхъ философскихъ вопросовъ: появляются и новыя законченныя философскія системы. Послѣ Гартмановой мы имѣемъ вполнѣ законченную систему Дюринга, предложенную въ 1875 году въ особомъ сочиненіи *). Вѣроятно не долго заставитъ себя ждать система Льюиса, а

*) Cursus der Philosophie von Dr. E. Duhring, Leipzig 1875.

также Ланге. Послѣдній, какъ можно заключать изъ его замѣчательной монографіи, „Исторія матеріализма“ *) имѣетъ самостоятельныя воззрѣнія на всю область философскаго познанія.

(Философскіе Этюды: предисловіе стр. VIII, IX, X).

Теперь привожу выписки изъ разныхъ мѣстъ книги г. Лесевича: „Опытъ критическаго изслѣдованія и пр.“

Такимъ образомъ, позитивная философія, находившая мѣсто при жизни Конта только въ сочиненіяхъ и бесѣдахъ непосредственныхъ его учениковъ, по словамъ Милля, „какъ бы вынырнула изъ глубины и явилась на поверхности современной философіи.“ Явились противники, возникла полемика, залежавшіеся въ книжныхъ лавкахъ экземпляры „Курса“ Конта стали продаваться по баснословнымъ цѣнамъ и всежъ таки разошлись, такъ что въ 64 году потребовалось новое. 2-е, а въ 69-мъ 3-е изданіе. Съ 67-го года явилась возможность для французскихъ позитивистовъ издавать и свой журналъ, который, хоть и безъ особеннаго блеска продолжается и по настоящее время. Значеніе измѣненій, внесенныхъ въ контовскій позитивизмъ редакціей этого журнала, будетъ опредѣлено при дальнѣйшемъ критическомъ изслѣдованіи позитивныхъ воззрѣній.

Съ конца шестидесятыхъ годовъ позитивизмъ вступаетъ въ періодъ полной извѣстности; о немъ много пишутъ во французскихъ, англійскихъ и италіанскихъ журналахъ, онъ пріобрѣтаетъ почитателей и послѣдователей какъ во Франціи, такъ и внѣ ея и даже столь самобытная въ философскомъ отношеніи Германія выставляетъ нѣсколькихъ позитивистовъ весьма опредѣленной окраски **) (стр. 5).

Въ послѣднее время большаго шуму надѣлалъ Льюисъ, въ своихъ „Вопросахъ о жизни и духѣ.“ Особенность позитивной метафизики Льюиса заключается въ томъ, что она не исключаетъ ложной собственно метафи-

---

*) Geschichte des Materialismus von Fridrich Albert Lange 2-te Auflage Leipzig и Jserlohn 1873.

**) . . .

P. Villari, La filosofia positiva ed il metodo storico. (Saggi di storia. Firenze. 1868).

F. Tocco, Studi sul positivismo. Torino 1869.

A. Angiulli, La filosofia e la ricerca positiva. Napoli. 1869.

G. Barzellotti, La morale nella filosofia positiva. Firenze 1871.

G. Sottini, Aristotile e il metodo scientifico nell' antichità greca Pisa. 1873.

S. Scolari, Della unità della scienza e dei suoi metodi universalmente applicati. Pisa. 1875.

зической философіи и только переименовываетъ ее въ метэмпирику, такъ что, если читатель потрудится исправить ту путаницу, которую произвелъ этотъ терминъ, и вмѣсто него подставитъ старый терминъ метафизика, вмѣсто метафизики же будетъ читать—философія, то увидитъ, что новаго у Льюиса ровно ничего нѣтъ и что его „позитивная метафизика“ не вноситъ въ основоположеніе Ог. Конта никакой перемѣны (стр. 150).

Листъ этотъ уже былъ набранъ, когда я получилъ только что вышедшую въ Лейпцигѣ 1-ю книжку органа представителей научной философіи въ Германіи (Vierteljahrsschrift fur wissenschaftliche Philosophie unter Mitwirkung von C. Goring, M. Heinze, W. Wundt, herausgegeben von R. Avenarius).... Постоянными сотрудниками или точнѣе соредакторами этого журнала поименованы К. Герингъ, Вундтъ и Геинце.... (стр. 295 прим.).

Къ 215 стр. примѣч.—слѣдуетъ прибавить слѣдующія двѣ новыя книги по научной философіи: 1) C. Göring, Ueber die menschliche Freiheit und Zurechnungsfahigkeit. Eine kritische Untersuchung, и 2) R. Avenarius, Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Princip des kleinsten Kraftmasses. Prolegomena zu einer Kritik der reinen Erfahrung. (Дополненія и поправки.)

(В. Лесевичъ. Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. стр. 5, 150, 295 и страница дополненій и поправокъ—внѣ нумераціи).

Можетъ ли быть еще сомнѣніе въ безцеремоннѣйшемъ плагіатѣ г. П. Никитина? На этѣхъ двухъ страницахъ все выхвачено изъ нашихъ книгъ, за исключеніемъ показанія объ англійскомъ журналѣ: „Mind“ и французскомъ: Revue, хотя о послѣднемъ есть упоминовеніе у г. Лесевича стр. 156.

Но какъ ни плотно прикрывался г. П. Никитинъ чужой шкурой, а все таки изъ за нея даже на этѣхъ двухъ страницахъ выглядываютъ едва замѣтные кончики собственнаго невѣжества.

1) Если бы г. П. Никитинъ дѣйствительно занимался философіей и *слѣдилъ* за нею, то въ 1877 году не оставилъ бы показанія только о 2-мъ изданіи „Исторіи матеріализма“ Ланге, а сказалъ бы о 3-мъ, появившемся еще въ первой половинѣ 1876 года.

2) Говоря о „Vierteljahrsschift,“ г. П. Никитинъ уже отъ себя утверждаетъ „*о ново-кантійскомъ* направленіи и о многихъ точкахъ соприкосновенія“ этого журнала съ „Revue philosophique“ и съ „Mind,“ и, не смотря на спасительную общность выраженій, все таки *попадаетъ* въ пустое мѣсто. Дѣло въ томъ, что *ново-кантіанизмъ* (терминъ этотъ г. П. Никитинъ выловилъ въ книгѣ г. Лесевича) состоитъ въ болѣе или менѣе *полномъ* возвра-

щеніи къ Канту (какъ напр., у Ланге, Когена и др.) и главнымъ образомъ въ признаніи Кантовскаго ученія объ *апріорности* формъ познанія, между тѣмъ главные редакторы новаго нѣмецкаго журнала именно эту апріорность—то и отрицаютъ. Далѣе новый этотъ журналъ есть журналъ съ *опредѣленнымъ направленіемъ*, между тѣмъ какъ французскій—Revue и англійскій—Mind не держатся опредѣленнаго направленія, а открываютъ свои страницы разнымъ направленіямъ. При этомъ „Mind“ имѣетъ въ виду болѣе психологію, чѣмъ вообще философію. Въ чемъ же многія точки соприкосновенія, развѣ только въ томъ, что всѣ три журнала спеціально философскіе?

3) Къ именамъ 6 нѣмецкихъ философствующихъ спеціалистовъ—ученыхъ, *списанныхъ* съ моей книги, г. П. Никитинъ *прибавилъ* Бюхнера въ качествѣ „философствующаго ученаго спеціалиста“ и опять ткнулъ въ пустое мѣсто. Кто же когда Бюхнера причислялъ къ ученымъ спеціалистамъ по какой либо наукѣ? Правда, Бюхнеръ писалъ популярныя книжки по предметамъ естествовѣденія, но, вѣдь популярныя книжки не суть спеціальныя работы, дающія право на имя ученаго спеціалиста. Бюхнеръ всегда былъ не философствующій спеціалистъ—ученый, а просто *философъ* въ точномъ смыслѣ, и именно философъ матеріалистическаго направленія.

4) Забавный *казусъ* случился у г. П. Никитина съ Цельнеромъ, авторомъ извѣстной книги: „Ueber die Natur der Cometen. Г. П. Никитинъ въ своей статьѣ пишетъ имя этого ученаго *двумя* разными *правописаніями*. Дѣло въ томъ, что въ моей книгѣ только одинъ разъ и упомянуто имя Цельнера и при томъ только одно имя; и г. П. Никитинъ, *списывая мѣсто съ моей книги*, списалъ и *мое правописаніе*—Цельнеръ. Но о томъ же Цельнерѣ есть нѣсколько мѣстъ у г. Лесевича съ обозначеніемъ заглавія книги Цельнера и съ цитатою изъ нея. Но г. Лесевичъ (Критическій очеркъ стр. 142, 153, 159 и пр.) пишетъ два *л* и *е* съ точками: Цёллнеръ. По этому въ другомъ мѣстѣ своей статьи (Дѣло стр. 88) гдѣ г. П. Никитинъ *списывалъ* Цельнера *съ книги г. Лесевича*, у него (т. е. г. П. Никитина) является уже *другое правописаніе*: Цöллнеръ. Правописаніе это, очевидно, *Лесевичевское*, хотя съ маленькой перемѣной, которую можно объяснить такъ. У меня Цельнера г. П. Никитинъ списалъ раньше, а потомъ пришлось списывать у г. Лесевича. Такъ какъ о *подлинномъ* Цельнерѣ у г. П. Никитина и *подозрѣнія* никогда *не существовало*, то онъ, вѣроятно, впалъ

въ сомнѣніе, объ одномъ ли и томъ же Цельнерѣ сказано у меня и у г. Лесевича. Такъ какъ повѣрить было не чѣмъ, ибо въ моей книгѣ кромѣ имени Цельнера нѣтъ ничего, то, вѣроятно, въ этомъ раздумьѣ г. П. Никитинъ и счелъ за лучшее для прикрытія плагіата *видоизмѣнить* Цёльнера г. Лесевича *въ якобы собственнаго* Цöльнера. Поводъ же къ этому видоизмѣненію поданъ былъ *выпискою* г. Лесевича, гдѣ означено имя Цельнера по нѣмецки: Zöllner.

Читателю, который и послѣ всего этого усумнился бы, что г. П. Никитинъ есть ничто иное, какъ безцеремоннѣйшій *эксплоататоръ чужаго труда*, я посовѣтовалъ бы прочесть его статью параллельно съ моей и г. Лесевича книжками. Тогда сомнѣніе будетъ окончательно невозможно.

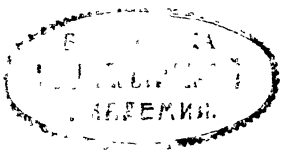
Для убѣжденнаго же и вообще не охотно читающаго *дѣльныя* и *дѣланныя* статьи читателя я прибавлю, что въ статьѣ г. П. Никитина, кромѣ плагіата, еще есть: a) искаженіе и перетолкованіе выписанныхъ мѣстъ изъ обѣихъ книгъ, b) искаженіе науки и логики, c) собственное балаганное остроуміе и d) собственное открытіе, лёгшее въ основу статьи, а именно мысль: *философія вредна, ибо отвлекаетъ вниманіе отъ общественныхъ вопросовъ!*

Надѣюсь, что тотъ же убѣжденный читатель во первыхъ оправдаетъ мое воздержаніе отъ споровъ съ г. П. Никитинымъ по существу, а во вторыхъ согласится со мной въ томъ, что эксплоатація г. П. Никитинымъ чужихъ трудовъ есть только малая бѣда; большая же заключается въ томъ, что среди русскихъ читателей несомнѣнно есть такіе *несчастные*, въ глазахъ которыхъ *дѣльцы*, подобные г. П. Никитину, играютъ роль авторитетовъ.

На сколько мнѣ удалось хотя немного защитить философію отъ направленныхъ на нее нападеній—о томъ пусть судитъ читатель, имѣвшій терпѣніе слѣдить за моими статьями. Что касается до меня, то я очень хорошо сознаю всю слабость моихъ силъ сравнительно съ случайно выпавшею мнѣ задачею—отстоять значеніе философіи и ея право на существованіе въ ряду другихъ наукъ. Но во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что, принявъ въ соображеніе полемическій характеръ этѣхъ статей и не малыя затрудненія, которыя мнѣ приходилось преодолѣвать, при распутываніи діалектики моихъ оппонентовъ—надѣюсь, что при-

нявъ это въ соображеніе,—читатель извинитъ бѣглость, отрывочность, неполноту и другія недостатки, замѣченные имъ при чтеніи моихъ объясненій по поводу поднятыхъ въ этѣхъ статьяхъ вопросовъ. Въ всякомъ случаѣ это *не систематическій трудъ*, *а замѣтки*, имѣющія только временное значеніе по отношенію къ внѣшнему поводу ихъ возникновенія.

Что касается *до друзей философіи*, то я просилъ бы ихъ подать свой голосъ какъ для указанія ошибокъ, сдѣланныхъ мною въ защитѣ нашей науки, такъ еще болѣе для опроверженія направленныхъ на нее нападеній.



А. Козловъ.

9 Августа 1877 года

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1877 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.